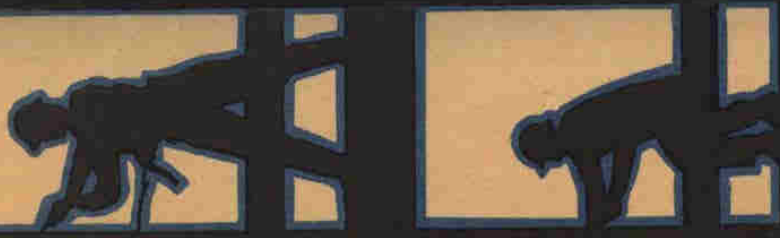

55 к.

Писатель-публицист Иван Семенович СИНИЦЫН родился в 1917 г. в деревне Букреевке Калужской области. В школе и пионерских лагерях был старшим вожатым, физруком. Окончил Ленинградский институт журналистики. Работал в газетах Ставрополя, Калуги и других. Участник Великой Отечественной войны. Автор повестей «Рождение человека», «Возращение», нескольких книг публицистики.

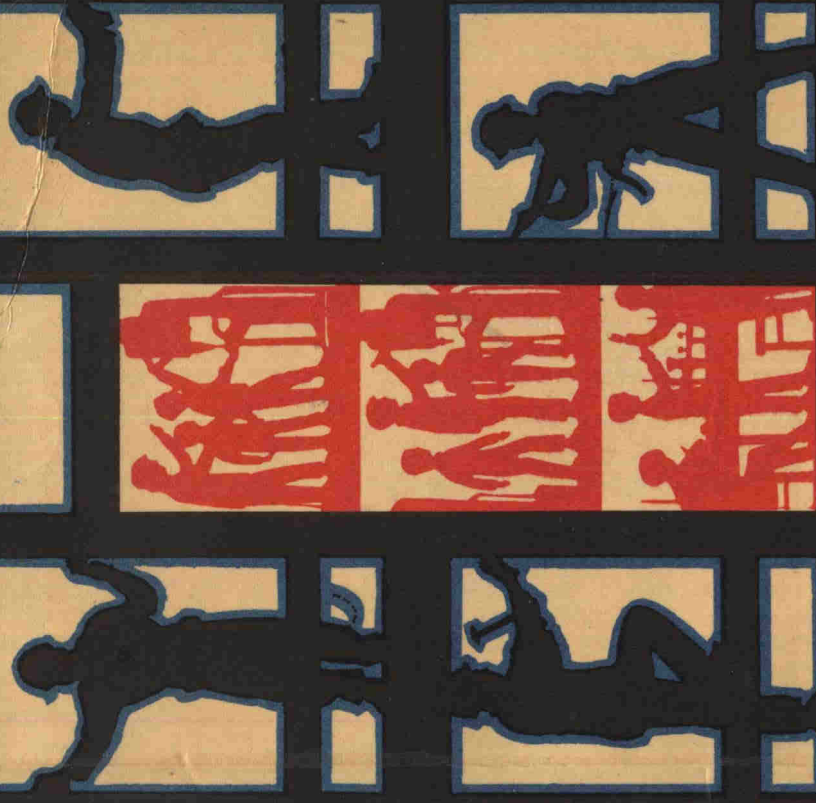

И. С. Сеницын

КОГДА ВОСПИТЫВАЕТ ТРУД

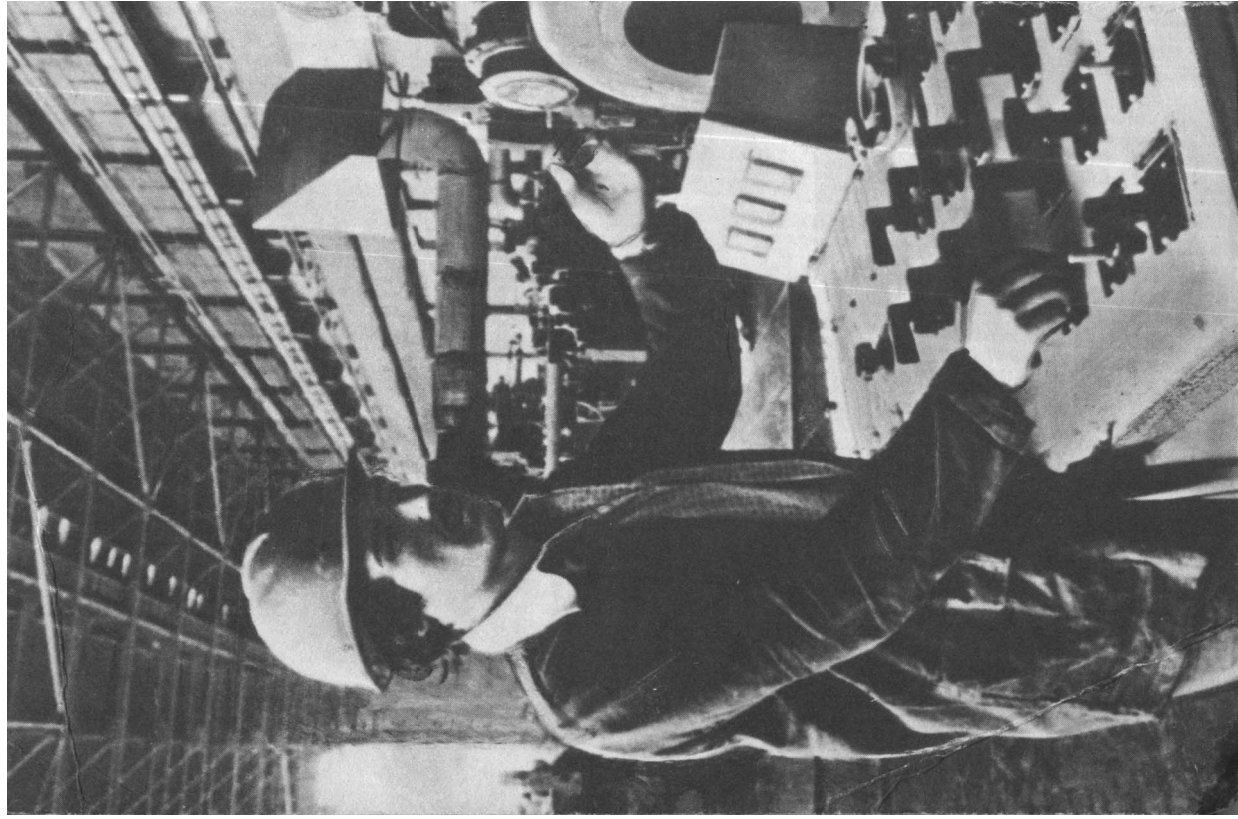

«Педагогина»

И. С. Сеницын

КОГДА ВОСПИТЫВАЕТ ТРУД

(2-я страница обложки)

И. С. Суніцын

КОГАДА

ВОСПИТЫВАЕТ

ТРУДА

Москва «Педагогика» 1987

ББК 74.213.51 С 38

Рецензент

доктор педагогических наук

Ю. П. Азаров

Предисловие Анатолия Алексина

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мне выпала большая честь: быть делегатом XXVII съезда КПСС. После съезда я часто встречался с юными и взрослыми читателями. Рассказывал о своих впечатлениях, настойчиво подчёркивал, что на знамени партийного форума были начертаны слова – правда, прогресс... Да, съезд провозгласил правду святым критерием оценок всего, что свершается. Правда, только правда имеет право голоса и на страницах книг. Не правда случайного факта, поспешного, поверхностного впечатления, а истина, олицетворяющая собой значительные явления, жизни целого века, семьи, школы, страны... Истина, не допускающая ни отвлечения от её сути лакированного глянца, ни столь же отвлекающих, искажающих её искусственных теней. Писатель, думая, должен видеть события не сквозь стёкла бинокля, то неестественно уменьшающие всё происходящее вокруг, то неестественно увеличивающие. Его взор должен быть точным, справедливым по отношению к людям, событиям, обществу. И конечно, по отношению к тем, кому страна доверила своё молодое поколение, а стало быть, в значительной степени и своё будущее. Иван Синицын страстно мечтает о таком именно отношении

Синицын И. С.

С 38 Когда воспитывает труд. – М.: Педагогика, 1987. – 336 с. 55 коп.

Как вырастить наших детей настоящими гражданами и тружениками? Что могут и должны сделать школа, семья, общественность, чтобы молодое поколение вошло в жизнь духовно и физически здоровым? Как помочь юным в выборе жизненного пути, верных нравственных идеалов? Эти проблемы – суть раздумий писателя и публициста, рассказывающего об опыте трудового воспитания в школах страны.

Для широкого круга читателей.

С 4311000000037 / 70-87
005(01)87

ББК 74.213.51

© Издательство «Педагогика», 1987

к благодарному, я бы сказал, подвижническому труду воспитателей юных граждан.

Школа, учитель... Это слова-символы, и их можно было бы, на мой взгляд, писать с буквы заглавной. Ибо убеждённо мы называем учителем того, кто одаривает нас не только знаниями, но и своим опытом, нравственным кислородом своих принципов, направляет по верному жизненному курсу. Того, кто учит в самом высоком смысле! А под школой мы разумеем и школу жизни (тому-то и дал Аркадий Гайдар имя «Школа» одному из лучших своих творений).

Иван Синицын, создавая свои талантливые публицистические произведения, мечтает именно о таком учителе, о такой школе.

«Плоха та семья, которая ничего не видит за порогом своего дома», – писал А. И. Герцен. Плохи и те школы, которые ничего не видят за своим порогом, ибо должны быть тысячами незримых нитей связаны со всей окружающей их жизнью. Не стоит, даже употребляя «модный» глагол, говорить, что большая жизнь призвана «вторгаться» в школьные классы – она призвана быть там постоянно прописанной. Слово «вторжение» предполагает приход чего-то нежеланного, недружественного... А большая жизнь нашей страны – главный и самый мудрый учитель и воспитуемый и воспитателей! Вот что писал Л. Н. Толстой: «Школа есть одна из тех органических частей государства, которая не может быть рассматриваема и оценяема отдельно, ибо достоинство её состоит только в большей или меньшей ответственности её остальным частям государства. Школа хороша только тогда, когда она создала те основные законы, которыми живёт народ».

Необходимость нерасторжимого союза школы со всей жизнью страны, народа – одно из основных писательских и педагогических убеждений Ивана Синицына. Именно о такой нерасторжимости он мечтает.

Я сказал «мечтает»... Но этот глагол не может полностью описать писательской и гражданской позиции публициста: он одержимо борется за то, о чём мечтает (вспомним его книги, его очерки и раздумья на страницах «Нашего современника» и других журналов, газет).

Та публицистика, которая вошла в новый сборник, – это повесть идей коммунистической нравственности, это не только повествование о «школе радости», но прежде всего повествование о борьбе за такую школу, о том, как, какой ценой завоевываются педагогические успехи, какими (порой столь нелёгкими!) дорогами к ним приходят.

Иногда тему нравственности в литературе, так сказать, вычленяют в некую особую форму. Но это неверно, ибо мораль – понятие всеобъемлющее и неделимое: трудно, в самом деле, представить себе, что человек, аморально ведущий себя, допустим, по отношению к родной матери, будет высокоморальным в заводском цехе, на колхозном поле или на поле боя. Вспомним слова В. И. Ленина: «Надо, чтобы всё дело воспитания, образования и учения современной молодёжи было воспитанием в ней коммунистической морали». Эта мысль должна быть, я уверен, воспринята как завет всеми писателями, а прежде всего теми, которые отдают себя детству, отрочеству и юности. Как святой завет воспринята она и Иваном Синицыным.

Не буду пересказывать содержание очерков, включённых

в новый сборник: не хочу отбирать у читателей удовольствие, так сказать, личного знакомства с этими произведениями, знакомства, которое, я уверен, будет очень интересным, волнующим. Но подчеркну ещё вот что... Иван Синицын неустанно утверждает: главным воспитателем должен быть труд. Он имеет в виду и труд производственный, и труд души человеческой, которая, по слову поэта, «обязана трудиться и день и ночь». Вновь обращаюсь к А. И. Герцену... Эпиграфом ко всему сборнику могли бы, думаю, стать для меня его слова: «Только труд даёт душевное здоровье».

В добром и самоотверженном сражении за это здоровье, за счастье юных поколений, которые мы именуем своим грядущим днём, черпает Иван Синицын силы и творческое вдохновение.

Анатолий Алексин

ШКОЛА РАДОСТИ

Сегодня уже не часто встретишь человека, который не думал, не мечтал бы об идеальной школе. Грезят о ней дети и родители, спорят учителя. Размышляют о ней и учёные-педагоги, но почему-то видится она им как отвлечённо-отдалённое чудо будущего. А школы нового типа у нас – слава их творцам! – уже сегодня живут и здравствуют. Такие школы мы можем видеть, бывать в них. Их опыт давно уже, как новое горючее, накапливается в двигателях народного образования. Необычная и непростая жизнь этих школ притягивает к себе всё новые учительские делегации из ближних и дальних краёв. Довольно почти в каждой из них побывать и мне. Побывать, пожить, посмотреть...

Любопытно: в них масса удивительного, но ты ничему не удивишься. Ты только день ото дня наполнишься каким-то необычным чувством, осветляющим душу, и тебе кажется, что так здесь всегда и было, потому что иначе просто не должно быть, лишь изредка в это обманчивое чувство вмешивается строгий внутренний контролёр, ты спохватываешься и начинаешь оценивать всё сделанное здесь и думать о том, что это редкое и огромное наше богатство, наш золотой фонд,

созданный не просто стараниями, а страстным творческим поиском и долготелним трудом прекрасных, талантливейших людей, великанов духа.

Вот о такой школе мой рассказ – о славной школе села Халдана, что растянуло свои зелёные улицы в долине реки Куры, в Азербайджане, в трёхстах с лишним километрах от Баку. Мне много писали о ней, и я года два всё выбирал и не мог выбрать время туда съездить, наконец, дал телеграмму и выехал.

В дороге я составил целый список вопросов к учителям, к директору школы Загиду Гамиловичу Шююбову. Один из них представлялся мне, что называется, ключевым: «Какая нужда заставила коллектив изменить весь облик школы?»

В Халдане мне на это ответили: – По-старому мы уже жить не могли.

Я слушал и убеждался, что положение в самом деле стало-вилось критическим. Год от года всё острее чувствовалось, что у ребят пропадает желание учиться. В средних и старших классах мало кто брался за учебники, и даже способные ребята спокойно «схватывали» двойки, целыми ватагами убегали с уроков, на занятиях пускали бумажные самолётики, вырезали на партах имена и рожицы и с тоской заявляли, что они не хотят ходить в школу. За один только год из 600 человек 35 бросили учёбу. Дома лучше. Там все блага и никаких забот. У иных есть и автомашины... Учитель ходили недовольные собой и друг другом.

Это было в начале 60-х годов,

В роно и в Минпросе республики при упоминании о Халданской средней, как от зубной боли, морщились и мотали головами.

Что с ней делать? Не раз обсуждали её и в районе, и даже на коллегии министерства. Никакие «потребовать» и «обязать» делу не помогли. Тогдашний директор только расстраивался. Ему казалось, что он работает не хуже других и делает всё, что требуется. Проводит родительские собрания и педсоветы, посещает, хотя и не часто, уроки, вызывает к себе пап и мам, классных руководителей, нерадивых учеников... Но ответить, почему дела в школе идут всё хуже, откуда берётся это поветрие нарастающей ребячьей неприязни к учёбе, он не мог. Кивал на время. Есть люди, которые научились таким образом отменять все вопросы и ответы. Родителям он каждый раз говорил одни и те же прописные истины, не понимая толком, какие перемены переживает сейчас. Он мог видеть, что с ростом занятости людей в общественном производстве, с ростом их благосостояния и социального обеспечения ослабевают внутрисемейные зависимости, влияния и связи, сужается сфера внутрисемейного труда и трудового воспитания, – мог видеть, но никак не брал это в расчёт. В делах своих он руководствовался лишь готовыми указаниями.

Но он сделал один очень разумный шаг. Когда за большие упущения в работе ему был объявлен выговор, он решил больше не испытывать судьбу и предложил избрать директором школы инициативного, деятельного и талантливого педагога, учителя математики Загида Гамиловича Шююбова. Вот тут он не ошибся, хотя никогда в жизни не говорил, что у руководства школами должны стоять именно такие – творчески мыслящие, смелые, активные – люди.

Шююбову было тогда 40 лет, он имел 16-летний стаж учительской работы и хорошо видел школьные беды.

Он принимал их, что называется, близко к сердцу, старался понять, откуда они идут, и давно уже говорил в колллективе о том, что такая школа, какая она есть, избавиться от них не сможет.

Почему она так мало влечёт, почему не захватывает всю душу ребёнка – она, светоч разума, великая кузница знаний, дающих огромные силы человеку? Почему дети нашей эры, как выразилась Мариэтта Шагинян, «не ощущают школу как среду для своего роста?» Почему это ощущение, повторяем мы вслед за мудрой писательницей, приходит только к людям пожившим? К самой Мариэтте Сергеевне по её словам, оно пришло лишь в 45 лет. И вместе с тем почему у Макаренко, а до того у Роберта Оуэна, питомцы которых одновременно осваивали науку и труд, было совсем иначе? Дети росли в постоянном производительном труде и жадно тянулись к знаниям Загадка? Для Шюбובה – нет. Он вырос в крестьянской трудовой семье, сам много работал и много учился. Он хорошо знал: когда учение идёт не рядом с жизненной практикой и её главным генератором – производительным трудом, а намного отрывается от них, тяга к знаниям хиреет в душах учеников. Та! было всегда, сколько существует старая, нетрудовая школа. Потому и живучи в ней шпаргалки, подсказки и зубрёжка. Из этого ведь и исходили Маркс и Ленин, выдвигая новый принцип образования – принцип соединения учёбы с трудом, да ещё прибавляли к этим двум слагаемым третье – физические упражнения. Старые учёные жмут плечами зачем? Так ли уж это важно для образования – гимнастика?

А Шюбобов наблюдал за детьми и видел: она укрепляет не только тело, но и психику ребёнка. Игры, физические упражнения,

как и ранний труд, – это первое, что пробуждает в нём стремление к развитию, к умению, вырабатывает привычку учиться, дисциплинирует, вызывает желание подражать лучшим, следить за своими недостатками и освобождаться от них. Здесь все добрые цели ему понятны и желанны, и в движении к ним крепнет его характер. Тот, кто пошёл по этой дороге, будет бороться со своей безрукостью, ленью, безволием и слабостью. Шюбобов верил, что никакая другая сила не даёт человеку такого толчка к совершенствованию, как постоянные физические тренировки, и с досадой смотрел на школьные уроки физкультуры. Подвигались ребяташки, помахали руками, и выстраивается в классном журнале высокая колонка пятёрок и четвёрок. Полное благополучие!

А у ребят хирели мускулы.

Что такое для них эта старая школа? Десять лет каменного сидения за партами. Опрос, объяснение, задание на дом...

Что тут есть, чтобы растущий человек всегда чувствовал своё развитие и испытывал радость от него? Ребёнку развернуться негде! Вся его жизнь практически загнана в классную комнату. Нет в сущности никакой базы для его трудовой, физической закладки, для всестороннего развития и воспитания. Всё делается на примитивной, кустарной основе. И мы ещё удивляемся: бегут от школы! Как же мы не понимаем, что сегодня, как воздух, нужна школе хорошо развитая, мощная воспитательная база!..

Вот с неё ты и начни. Ты сделай так, чтобы утром ребёнок проснулся и обрадовался, что его ждёт школа, и чтобы вечером ему не хотелось расставаться с ней.

Шюбов хмуро смотрел на то, что окружало эту старую школу. От реки к ней подступал задичавший солончаковый пустырь, весь в канавах и буграх, как в нарывах, заросших рыжим колочим бурьяном, – царство пронырливых ящериц и змей. Этот заброшенный массив земли, навевающий тоску, тоже что-то убивал в детях.

Шюбов смотрел, задумавшись, а в воображении вставал дышавший прохладой плавательный бассейн. Где он видел такую? В кино? Ласковая вода, четыре дорожки и чётко разлинованные бортики... Палит немилосердная азербайджанская жара, а дети, загорелые, мускулистые, даже не замечают её. Они стремятся бросаются в воду и, резко взмахивая руками, плывут наперегонки.

Это будет их собственный, школьный бассейн! Не хуже, чем в большом городе. Разве они станут убежать отсюда?

А перед глазами уже зеленели прохладные аллеи, раскаты вался гладкий ковёр стадиона, там сотни ребят в белых майках, а дальше – плантации, тенистый садовый массив, маленькие аккумуляторные фермы...

Он заходил в учительскую, крепкий, несуетливый, говорил учителям:

– Дорогие мои, давайте помечтаем, давайте помечтаем о том, какой должна быть наша школа завтра...

Свои мечты он излагал последовательно, ступень за ступенью, как продуманный план. В них рисовалась необычная школа, выстраивался ещё никем виданный учебно-трудоустройственный комплекс – детский городок науки, труда и здоровья.

Это казалось фантастикой. Посыпались запальчивые вопро-

сы:

– Кто будет строить? Где брать средства? Кто даст материалы?

Пожилая болезненная учительница, отводя глаза, сказала, обращаясь почтительно, как принято у азербайджанцев обращаться к педагогу – с добавлением к имени слова «муэллим» (учитель):

– Загид-муэллим! Богата, но безмерно тяжела та программа, которую вы предлагаете. Сколько работы детям!.. Они этого не выдержат. Вся школа разбежится!

Шюбов смотрел на людей, ему близких, на старого биолога, который учил его в этой школе и по-отечески относился к нему. Что скажет он? Он-то понимает? Но старый биолог произнёс холодно и отчуждённо:

– Я очень сожалею, но это... то, что планирует директор, это совершенно невыполнимо, это нереально. Всё это, действительно, может плохо кончиться. Детям придётся работать чуть ли не каждый день! Когда же им учиться? Вы знаете, какой бунт поднимут родители?

Шюбов не обиделся. Он никого не торопил соглашаться с ним, понимая: словами не убедить. Он видел, что большинство с интересом встретили его замыслы, и только сказал:

– Всё это, конечно, очень нелёгкие дела. Но без серьёзной перестройки мы ничего хорошего не добьёмся. Будем пробовать.

Наступление на пустырь он начал издалека. Поехал в Евлах – в райком партии, в райисполком, поехал к соседям-строителям, говорил, как с родными братьями:

– Пусть у нас будет красивый школьный городок, а в нём красивый спортивный комплекс.

Детям нужны постоянные тренировки.

Его спросили, какая помощь нужна. Он ответил

– Прошу немного: один бульдозер. Лучше – два. Разровнять пустырь. Остальное мы сделаем сами

А в школе объявил всеобщий сбор. Шестьсот пар чёрных как смоль ребячьих глаз смотрели на него ожидающе. Его речь была краткой:

– Я хочу, чтобы у нас с вами была очень хорошая школа. И чтобы у неё была своя спортивная база. База здоровья и физической красоты. Чтобы все вы росли хорошими спортсменами – сильными стройными, ловкими!

Чёрные глаза вспыхнули звёздами. И он назначил воскресник.

Каким он будет, этот городок, в деталях Шюбов ещё не представлял и сам. Он хорошо знал крестьянский труд, был собственным математиком-учителем, но со спортивными сооружениями знаком был мало. Какие делать? Сколько? Из чего?

Раздобыл спортивные брошюры, журналы, нашёл рисунки и схемы. Ага! Вот длинные-предлинные параллельные брусья, сваренные из металлических труб. Как просто и хорошо придумано! Можно заниматься сразу целой группой ребят. Такие и сделаем! А это что? Горбатые лестницы, лежащие на опорах, как мостики над головой. Подпрыгни, схватись за планку и «шагай», перехватывая руками. Так цепочкой может «шагать» и «бежать» целый класс. Рукоходы? Великолепно! Никто не стоит, не скачет, не ждёт своей очереди. Спортивный конвейер. Все в движении. Очень хорошо! Здесь всё должно быть рассчитано на массовые тренировки. Таких воздушных лестниц можно сделать несколько:

одну пониже – для маленьких, одну повыше, одну ещё выше, – пожалуйста, на все роста. Что ещё нужно? Конечно, футбольное поле, гимнастические кольца, турники, беговые дорожки, игровые площадки. Как всё это лучше расположить?

Сидел новый директор и чертил генеральный план спортивного комплекса. Чертил и думал, как изменит этот комплекс ребят, но и не подозревал, что вот так приближает день, когда его деревенская школа станет первой в республике на спортивных состязаниях «Старты надежд» и будет представлять Азербайджан на всесоюзных соревнованиях.

Потом над дремавшим пустырём раскатился гремучий рёв моторов. С захлёбывающимся рокотом и лязгом бульдозеры сдвигали бугры с бурьяном, обрушивая их в ямы и тесня от школы пресмыкающихся обитателей пустыря. Ребята сбегались со всех улиц, по-южному бурно жестикулируя, смотрели, как стирается с лица земли её вековое уродство и рождается ровное поле. В толпой, по-птичьи звонкой разноголосице то тут, то там взлетало новое, энергичное, бодрящее слово «спортбаза».

Двадцать лет миновало с тех пор. Уже давно обжито зелёное поле стадиона, оборудованное всеми мыслимыми сооружениями, уже по всем четырём сторонам его высокими стенами поднялись строгие ряды тополей и чинар. И 20 выпусков парней и девушек, по-спортивному собранных, подтянутых, вышло в большую жизнь. А школа всё помнит те первые недели и месяцы. Помнит, как к точно назначенному часу с лопатами на плечах приходили ребята, девочки и учителя на воскресники, как работал лопатой сам Загид Гамилович, как ездили на машинах за дёрном и дерновыми пластинами, словно паркетом, облицовывали всё

поле – все пять тысяч квадратных метров площади. И как потом поднимали дерн и подсыпали землю в те незаметные низинки, где после дождя образовывались лужи. Делали поле ровным, как стол, с упругой и шелковистой, как мех, травой: упал, встал – чистый! Помнит и горькие дни, когда чадолюбивые родители в самом деле подняли настоящий бунт против ребячьего труда, а ретивый районный хозяйственник распорядился отобрать у школы расширенный участок. Казалось, все ополчились против нового директора. Сердобольные папы и мамы писали в анонимках, что «детям не дают нормально учиться, их задавили работой», что «им этот труд абсолютно не нужен» и что «директор придумал всё это, чтобы выслужиться перед начальством».

А оно, начальство просвещенческое, само выражало активное недовольство «заскоками» халданского директора, гневаясь на него за все эти новации. И он должен был объясняться, всем доказывать, что делает он дело нужное, и добиваться, чтобы школе вернули её участок. Порой и в учительских глазах читал он сомнения: «Может быть, и в самом деле напрасна эта затея с созданием учебно-воспитательных объектов? Может быть, не дадут они и малой доли того, что от них ожидают?»

* * *

Шоюбов отбивался и разворачивал свою программу дальше.

Почти два года ребята с помощью взрослых строили и прихрашивали свой стадион. Открытие его было проведено как торжественный праздник всего села. Пришли папы и мамы, пришли седые аксакалы,

приехали почётные гости из Евлаха и Баку. Отмечали ударников, и звонко раздавались ребячьи слова о том, что это их первая большая победа в жизни.

Теперь – бассейн. Ученики уже мечтали о нём. Когда на киноэкране появлялся вдруг плавательный бассейн, по залу прокатывалась волна восторга: «Красота-а!»

Нужен был проект. Шоюбов написал запрос в Министерство просвещения республики. Должно быть, ему казалось, что в министерстве сидят такие же хлопотуны-новаторы, как он. Ответ пришёл без малейшей задержки. Его можно было прочитать так: «Наивный человек! Разве вы не знаете, что мы бассейнами не занимаемся, это не по нашей части. Обращайтесь в комитет по делам физкультуры и спорта».

Сел Шоюбов и составил послание в комитет. Но оказалось, что и у этого учреждения не болит голова от забот такого рода: «Обращайтесь в Москву, в проектный институт». Проектный ответил со всем радушием: «Сейчас не можем, обратитесь через город».

Терять целый год? Порылся Шоюбов в журналах, посмотрел бассейн в натуре, решил, что не боги горшки обжигают, не аллах его знает, какая мудрёная штука, этот бассейн, и составил проект – сам. Дёшево и быстро! И красиво к тому же. Всего и премудростей-то – длина, ширина да глубина: 25 на 10 метров и вглубь до двух двадцати. А вот построить...

Где брать цемент, арматуру, вибратор, битум для гидроизоляции, из чего делать опалубку?

Теперь вспоминает об этом Загид Гамилович и, зажмурившись, крутит густо седеющей головой...

В глазах темнело от забот! Но опять вошли в положение соседних строители. Школа помогла им в их делах, они помогли школе. Понятное дело: предстоял большой объём ручных работ. Но ведь и 400 пар ученических рабочих рук – это тоже не пустяк! Снова начались общешкольные воскресники.

Конечно, частыми воскресниками можно измотать детей. Но во-первых, зачем одни и те же классы выводить на воскресники каждую неделю, когда вполне можно чередовать выходы? Тем более что у всех есть и другие работы. А во-вторых, многое решается тем, как дело организовано.

Шюбов мне объяснил:

– Мне не нравится, как проводят воскресники на некоторых предприятиях. Понимаете, люди приходят с пустыми руками, толком не знают, где и что им делать. Это не воскресник, это безобразие. А мы за месяц до выхода разрабатываем план воскресника. Определяем, что должно быть сделано, выделяем участки для каждого класса, прикидываем, какой инструмент будет нужен. Потом классный руководитель идёт на место, обдумывает, кого куда поставить, сколько надо будет лопат, ведёр и всего прочего. Вся работа, весь её ход и задача каждого участника ясны заранее. Ребята приходят, и каждый сразу берётся за своё дело. У нас не бывает поэтому воскресников длинных. Два, два с половиной часа – и конец! В десять собрались – в двенадцать уже всё сделано. И не утомительно, и приятно! Песни поём!

Ребята работали на котловане, на опалубке, на сборе камней. Им объяснили, что самое дефицитное здесь – цемент, но его не обязательно расходовать много, лучше добавлять в раствор крепкие камни. Ребята вспомнили: таких много на реке – чёрные

кремнистые. Начали их собирать. Больше 20 машин привезли!

Красивый и прочный получился бассейн! Открытие его приурочили к столетию со дня рождения В. И. Ленина. Был снова праздник. Когда говорили речи, отмечали ребята старания, юные строители гордо присаснивались и становились строже. Внимательный взгляд мог заметить, что это уже немножечко другие дети, не те, кому ещё недавно в школе было всё безразлично. Эти смотрели как-то взрослее. Мальчишки-третьеклассники подбежали к учительнице, пропищали:

– А нас научат плавать?

Совсем не пустяковый вопрос! Живущие у горных стремительных рек обычно плавать не умеют.

Не враз все в Халдане поняли, какие перемены, какие ворота в každодневной жизни ребят означает спортбаза. Ну, появились кружки и секции, появились общественные тренеры. Ну, стали ребята туда ходить – игры там у них, тренировки. И что из этого?

Но сюда теперь в свободный час тянуло каждого. Тренировки шли ежедневно! Каждый школяр вдруг понял, что может научиться тут и плавать, и, как настоящие гимнасты, работать на кольцах, на брусьях, на турнике, и владеть мячом, и разными спортивными приёмами и... самим собой, своим телом и волей. Научиться!

Пожалуй, потому и любил приходиться сюда директор. Шёл с учителями к бассейну, говорил:

– Я плавать не умею, но, когда дети купаются, люблю смотреть. Я получаю бо-ольшое удовольствие! – он простодушно фыркал. – Пф-ва! Ха-ра-шо! Очень люблю!

Шёл к стадиону – объяснял:

– Для меня это как театр. Здесь мне даже интереснее, чем в театре!

На скамейках для зрителей выбирал местечко поудобнее, чтобы солнце не било в глаза, и начинал по-своему «болеть».

Вот девочки отработывают упражнения на брусьях – ловкие, гибкие. Ну, смотрите, какая грация, какая чёткость движений! Девочки определённо подражают своим кумирам – гимнасткам, которых иногда показывают на голубых экранах. Ах, жаль их мамы не видят! Всегда вам некогда, мамы! Полюбовались бы вы!

А вот парень на беговой дорожке. Бежит с другом – хорошим спортсменом. Третий круг идёт. Недостаток в себе большой обнаружил – «мелко дыхание», мал объём лёгких. Разрабатывает. Молодец ты, дорогой! Ты ведь не только лёгкие и не только ноги развиваешь – ты тренируешь волю, это тебе ой как нужно! Вышел ты первый раз с лопатой на строительство стадиона – какой ты был? Ты сказал: «Не хочется работать». А на уроках классной руководительнице говорил: «Нет у меня усидчивости – ну что я могу сделать? Такой родился». А вот теперь ты рождаешься второй раз!

А это ватага «трудных». Первыми убежали с уроков, непоседы. Вот они с футбольным мячом. За весну по две пары кроссовок истрепали. Зато на уроках теперь сидят как на именных. Взрослыми становятся. Но ай как не хватает им ещё настоящей жажды знаний! На тройку ответят – и довольны.

Приходит день, учителя подсаживаются рядом – математик Самедов, школьный парторг географ Гамидов.

– Есть идея, Загид-муэллим, как украсить наш стадион. Точнее, как подключить его к учению.

Объяснили: стены хоккейных коробок на больших соревнованиях украшают рекламой. Известно: реклама – двигатель торговли, а школьный стадион точно так же может быть двигателем знаний...

Вскоре один из откосов стадиона превратился в маленькое географическое чудо. Там был сотворён весь лик Земли в миниатюре – весь, как он есть: со снежными вершинами гор, с крутыми и пологими берегами материков, с океанами, лесами и реками. Из цемента были вылеплены и раскрашены четыре большие рельефные карты: два полушария, физический вид СССР и Азербайджана. Не надо напрягать воображение, смотри, и ты увидишь всю страну, словно пролетая над ней. Плещутся синеватые океанские волны у берегов Камчатки, высоким конусом поднялась над горными складками полуострова Ключевская сопка с кратером на заснеженной вершине. По склонам горных кряжей, по низинам, изрезанным реками, разлеглась тайга. Длинной скалистой грядой вытянулся от загромождённого льдами океана до казахских степей – Урал...

Начинается учебный год, и ребята гроздьями собираются у этих панорам; один перед одним «путешествуют» глазами, читая вслух названия «посещённых» мест:

– Алтай... Эверест... Астрахань... Везувий...

И мир становится знакомым, как родное село.

А у края стадиона, весёлые, стоят учителя. Наблюдают, улыбаются. Перемены...

В последние годы они видели: многих ребят изменила стройка, иным стало поведение и их поведение уроках, отношение к школе.

Школа, в которую ходили через силу, вдруг повлекла к себе. Это радовало, об этом долго не утихали оживлённые разговоры в учительской. И всё-таки большого перелома ещё не было. Ответил на тройку – и доволен. Болезнь равнодушия к знаниям не прошла. Возможно, миновал лишь кризис.

– А может быть, – сказала в учительской пожилая преподавательница, – это вообще недостижимо – с помощью труда и культуры повысить интерес к знаниям? Один учёный говорил, что труд не панацея от всех бед...

Ей почему-то не ответили...

* * *

Для Шюбова не было вопроса в том, как идти дальше.

Для себя трудовое направление в жизни он принял с детства. Там был у него всякий труд: и нудный, и изнурительный, когда мучила жара, болели руки и плечи... С третьего класса Загид работал на хлопковом поле, помогал отцу в его чабанском беспойном деле, выхаживал цыплят, управлялся по хозяйству, по дому. Школьные трудности в сравнении с настоящими казались пустяковыми. В работе он привыкал быть терпеливым, выносливым. И чем глубже вникал в дела, в заботы, тем лучше видел, где что не сделано и ждёт чьих-то рук и разума – не твоих ли?

Он ходил в школу, но знания получал и в работе. И то, что унавал он «руками», делало его уверенным, всегда готовым к поступку, к действию, будило чувство хозяина окружающего мира, а то, что открывалось на уроках и в книгах, помогало понять этот

мир, его тайны и возвышало разум.

Одно сливалось с другим. Сейчас это легко оценить: так и было нужно. Он быстро формировался.

Что такое деревенский парнишка шестнадцати с половиной лет? В июне сорок первого он окончил десятилетку и пошёл... учителем. В начальную школу... Но... война. О школе, о работе с ребятами думал и на фронте, и в госпитале, и потом в колхозе, где после войны так нужны были его сильные руки. Оказывалось: детям все дела с ним были интересны. Такой сложился человек. Таким он прошёл и через педучилище, таким вышел и из пединститута.

Теперь говорит среди учителей:

– Пусть наши питомцы станут лучше нас!

Где-то далеко, в столице, учёные спорили о школе, раздавались голоса, что труд – это большая помеха учёбе, «негодная затея», а он соединял учение с трудом и спортом и видел плоды обнадёживающие. За годы строительства спортивной базы труд стал нормой даже для тех ребят, кто считал его малоприятным излишеством. Но этот труд, рассчитанный лишь на выполнение одного, пусть и большого, замысла, воспринимался многими как мероприятие, временная обязанность. И хотя он тоже оказывал определённое воспитательное действие, приобщая всех к трудовой коллективной жизни, глубокого следа в душе он оставить не мог. В этом, кстати, беда всех сезонных трудовых объединений ребят – и «свекольных», и «капустных», и прочих.

Глубокий след... Шюбов убеждался, что для этого нужно строить дело на принципах макаренковских – ставить труд на стационарную, системную основу. Для этого рядом со спортивной должна встать педагогически сильная и высокорентабельная

трудовая база, способная не просто обеспечивать меньшую или большую терпимость к труду, но развивать потребность и любовь к нему, а через него – и осознанную тягу к наукам. Нужно иметь школьное производство. Вопрос перед Шюбовым стоял только один: какое, что производить?

У школ в таких случаях требований – целый букет. Надо, чтобы это производство было не слишком тяжело организовывать, чтобы оно давало полноценное трудовое воспитание, было сподручным, сильным и здоровым для ребят, не очень сложным технологически, не требующим дефицитных материалов, а сверх того, способствовало эстетическому и гражданскому воспитанию и было достаточно прибыльным – для хорошей работы с детьми не помешают и тысячи, и миллионы!

Практически такая база уже создавалась. На краю окултуренного бывшего пустыря, около стадиона и плавательного бассейна, заложили питомник-розарий и питомник по выращиванию саженцев тополей и чинар, тут же – и большой гранатовый сад на 800 деревьев.

Почему розы и почему саженцы?

Они пришлись школе «ко двору» как нельзя лучше. Во-первых, это очень вдохновляющее дело по своей значимости – озеленение и украшение земли. Для Азербайджана, особенно для его голой степной зоны, самой горячей, самой знойной, где каждое деревце – и отрада, и прохлада, и сохранение водоёмов, зелёное строительство долгие годы будет делом в ряду важнейших. Нужны питомники. Они есть в лесхозах, но там не хватает рабочих рук, и эти хозяйства не покрывают даже малой доли спроса на саженцы. А во-вторых, их производство не так уж

сложно, его можно организовать в любой школе буквально за копейки в кармане и в первый же год получить большие доходы.

Шюбов – хозяйственный сообразительный, сориентировался быстро. Что нужно? Пара пустяков: грядки плюс черенки. Черенки – это прутики чуть длиннее карандаша. Каждый школьник в Халдане может нарезать около дома сколько угодно. В феврале сажают, растут, в октябре выкапывают саженцы – почти двухметровые деревца с корнями. Трудно? Не очень. А красота перспективы какая! Самое пионерское дело! Хлопот – да, хлопот много. Копать грядки, удобрять, поливать черенки, чтобы пустили они корни, рыхлить, опять поливать, полоть... Зарплата о том, чтобы не задохли, не зачахли – выросли. Труд-забота! Но он-то и воспитывал любовь к живому делу – трудолюбие. Влияет ли оно на отношение ребёнка к наукам? Тут нет вопроса. Не нужны знания только для праздной жизни. В трудовой – их чем больше, тем лучше. Надо, чтобы это детям впиталось в кровь.

Мысль останавливалась на том, как он соберёт родителей, ребят. Он скажет им... Ах, как это дорого, зажечь их в самом начале, зажечь этим «зелёным огнём»!..

И рисовалась заманчивая картина того, как разбогатеет школа. Было даже странно, что до сих пор об этом здесь никто не думал. Как мы боимся испортить детей трудовым рублём, разговорами об оплате труда! Ещё вырастут стяжателями, корыстолюбцами! А ведь знаем, видим, что стяжатели, фарцовщики, дельцы появляются совсем на иной почве!..

Каких-то восемь трудовых месяцев, и школа перестанет жить в нужде. За саженец тополя лесхозы платят очень дорого –

40 копеек. Четыреста рублей за тысячу. Сколько саженцев можно дать за сезон? Пусть пока 50–60 тысяч. Да несколько тысяч роз... Солидные суммы! Можно построить не один плавательный бассейн! Можно утопить в зелени всю территорию школы.

Горячая деловая дума его уносила на многие годы вперед. Там виделась богатая база сельскохозяйственного труда, там вставало и новое здание школы, кабинеты с новейшим оборудованием, киноаппараты и телевизоры, шкафы, полные ценнейших приборов и пособий. Насколько легче станет учиться!.. И кроме всего этого останутся ещё многие тысячи рублей свободных денег на бесчисленные педагогические нужды.

Фантастично? Похоже. Можно было ожидать, что кто-то из учителей сделает большие глаза и испуганно замашет руками. Но нет, идею приняли без возражений. С явной нетерпимостью возразил только один человек в стране. По поводу таких планов он позже написал в центральной газете с открытой иронией, что тысячные доходы легко получают только на бумаге. Это был тогдашний министр просвещения.

Шюбов понимал, что рассчитывать на обстановку наилучшего благоприятствования не приходится...

* * *

Беда пришла, откуда её никто не ждал.

У Шюбова всё было заблаговременно продумано в деталях, и никаких осложнений, казалось, не могло возникнуть.

Классы выстроились рядами у ещё не отделанного

стадиона, Шюбов, по-отечески любовно оглядев ребят, сказал: – Дорогие мои! Мы начинаем с вами дело, которому будут радоваться все люди, живущие вокруг нас.

Директор говорил о высоких рядах тополей, которые встанут вдоль сельских улиц, по краям дорог, по берегам каналов и рек, о прохладных аллеях, которые пересекут школьный городок. В черных широко распахнутых глазах мальчиков и девочек зажигались живые огоньки мечты. Шюбов рассказывал о плане, который был обсуждён в педагогическом коллективе. Под питомник отводился целый гектар – 10 тысяч квадратных метров земли. Возглавить работу поручалось десятому, девятому и восьмому классам, а им в помощь придавались четвёртый, пятый и шестой. Было создано 62 рабочие группы-пары. Каждый старшкласник брал под свою опеку одного пионера. За каждой парой закреплялась делянка земли – полторы сотки. Старший делает что по труднее, младший помогает. Он должен всему научиться: дойдёт до восьмого класса и сам станет руководить подшефным.

Учителя были предупреждены об очень важном: давать детям такое задание в день, чтобы работа была в удовольствие. Так считает и единомышленник З. Г. Шюбова с Украины, Герой Социалистического Труда педагог Иван Гурович Ткаченко, с которым их связала крепкая братская дружба: «Пусть всё делают аккуратно, добротно и красиво. Труд – в удовольствие, труд – в радость. Только так!»

Ребятам директор дал такой наказ:

Лучше сделайте немного, но хорошо! Чтобы свою работу посмотреть было интересно.

Боялся он многого. Боялся, что черенки из-за недосмотра завянут и не смогут приняться. Боялся, что не всё правильно будет сажать и поливать – погубят дело. Вместе с биологом объяснял учителя и старшим ребятам:

– Сажаем наклонно. Двадцать сантиметров – в землю, пять – на поверхности. Сюда пойдут верхшки, туда – корешки. Обильно поливаем!

Февраль в Закавказье уже весна, в феврале началась страдающая пора.

Было удобно: участок рядом со школой – можно чередовать учение и труд. Звонок на работу – и все на участке. Землю вспахали с осени, теперь рыхлят, по шнуру прочерчивают ряды... Снова звонок. Все разгибаются, смотрят друг на друга, как-то уже и не хочется бросать дело – вошли во вкус.

– Потом бывает жаль, что урок быстро пролетел! – скажет мне хрупкая девятиклассница Абдуллаева. – И то жаль, и это жаль.

С посадки каждый год начинается у ребят многомесячная страда-забота. Сюда бы на это время тех наших учёных, кои не ведают великой воспитывающей силы труда! Какая удивительная, простая мудрая школа трудолюбия!

Готовят черенки, связывают пучками по 50 штук, нарезают с расчётом, чтобы успеть посадить, пока они живые. Забота. Сортируют вдвоём – старший и младший, ненадёжные прутки отбрасывают. Сажают, поливают, и вот первые листочки зазеленели на черенках. Радость. А рядом с листочками – сорняки. Скорее полоть, пока трава не заглушила крошечные деревца. Забота... А солнце на лето идёт. Самая большая работа – летом. Жара. Ребята парами сбегаются на свои делянки. Без вызова, без приказа – сами. Поливать! О своих питомцах школьник помнит каждый

день: хорошо ли им? Сушь. Давай обильную поливку. Но не забудь: в жару политая земля берётся коркой. Не прорыхлишь, она превратится в каменную плиту. Это смерть твоим саженцам! Приходи с напарником и рыхли. Рыхлая почва долго держит влагу. А ты всё-таки следи – не уппусти время для новой поливки. Забота, работа...

Всё это нетяжело, и времени требует немного – часа по 3–4 через день, а то и реже, но ты живёшь в заботе, как подбаивает взрослому, и действуешь не по чьему-то приказу, а по собственному разумению.

Забота – наука жизни. Как мудро разграничил понятия А. С. Макаренко: «Воспитывает не труд-работа, а труд-забота!» И как воспитывает!..

– Мы быстро привыкаем ко всему относиться по-взрослому, заметил десятиклассник Вадиф Пашаев.

Уже в июне саженцы тополя стали ростом выше своих «нянек» – поднялись молодым ярко-зелёным леском. Ребята удивлялись: «Во растут!», мпели от восторга и напропалу хвастались своими успехами по всему селу. Работа им ни капельки не надоедала, она шла в одном ряду со спортом, играми, экскурсиями, концертами, и ребята, деловитые, загорелые, чувствовали себя в селе ударной, боевой командой.

С середины августа страда схлынула, они были свободны, ездили кому куда надо и всюду разносили вести о серьёзных своих делах.

А вскоре пришла беда. Первыми пострадали розы.

Для развода школа весной закупила в государственном питомнике большую партию черенков сортов роз. Ребята выхотили их, вырастили прекрасные саженцы. И тут начались на розарий ночные набеги сельчан. Не остались без их внимания и

тополя, и чинары, и гранатовые деревья.

Шюбов ходил расстроенный, ребята приуныли.

Что делать? Кроме большого ущерба материального нарастал и ущерб морально-педагогический. Школа как бы способствовала появлению воровской эпидемии в округе, а эта болезнь коварно поражала и школьников. Если в доме вдрог ни с того ни с того появлялись сажены, то дети догадывались, откуда они, и поневоле чувствовали себя соучастниками обкрадывания школы.

Как быть?

Шюбов принял решение, достойное народного учителя: раздать сажены населению. Школьники понесли по домам кустики роз, молодые деревца, выращенные в школе...

Он и беду превратил в радость, сказав на линейке

– Пусть наши розы цветут на всех улицах, в каждом дворе! Пусть наши деревца украшают весь Халдан и окрестные сёла! Это будет наша с вами гордость!

И по сёлам, по городам, из района в район катилась слава о халданских юных мастерах зелёного строительства. Им заранее слали заявки, загодя перечисляя деньги. Школа выращивала в год 10–15 тысяч кустов роз и около 80 тысяч штук саженцев девыев. Их раздавали детским учреждениям, отправляли для укорашения городских площадей, скверов, памятных мест, озеленяли свою школьную территорию и реализовали за минувшие годы 1 миллион 300 тысяч саженцев плюс 100 тысяч кустов роз. За 10 лет получили от питомника 250 тысяч рублей дохода. Пятая часть этой суммы пошла на оборудование школы.

Незаметно вырос гранатовый сад и стал немалым коллективным богатством школы, принося ей по осени более 12 тонн

целебных плодов. Рядом – консервный цех агропрома, где делают фруктовые соки и рады принять такую продукцию. И на банковский счёт школы перечисляется ещё 8 с лишним тысяч рублей.

Ребята одну за другой закладывали у школы в честь памятных дат аллею Труда, аллею Славы. Их труд приобретал и социальный, и эстетический, и идейный смысл. На месте задичающего пустыря возникла настоящая курортная зона, украшенная высокими свечами тополей. Это красивейшее место во всей округе. Аксакалы говорят, что сама территория школы стала завидным воспитателем детей и взрослых.

Нет, достигнуто это не только благодаря спортбазе и питомникам, как ни велика их жизненная роль. Шюбов едва ли не с самого начала понимал, что этого будет мало...

* * *

Он понимал, что в трудовом воспитании нужна своя «цепочка», своя «песенка» – движение от низшего к высшему. А в питомниках работали дети начинающая база и для самых младших. На была такая же завлекающая база и для самых младших. Именно завлекающая, способная захватить ребёнка с первого класса!

Что придумать?

Однажды он сидел у телевизора и смотрел передачу из Болгарии. Показывали оранжереи, в которых с великим интересом работали дети. Вот что надо! ТРУД, и воспитание, и свежие овощи, и высокая рентабельность.

Помчался в Баку. Разгоревшийся, влетел в Госплан, обрушил

на седого весёлого начальника весь свой пыл:

– Дорогой, надо помочь сельской школе. Нужна большая красивая оранжерея, чтобы ребёнок с маленьких лет там работал и радовался. Этого нигде нет! Но пусть будет в республике один образец... Деньги у нас есть.

Весело взорвался седой начальник, рубанул рукой:

– А, Загид Гамилевич! Если так, пусть будет в республике этот образец!

И завертелось... Стекло, металл, водопровод, теплофикация, а раньше всего – проект и смета, договор с государственным подрядчиком-строителем.

В результате всех хлопот поднялся перед окнами школы стеклянный дворец, занявший почти 8 соток – 56 метров на 14. Дворец труда, дворец трудового воспитания! Он обошёлся в 27 тысяч 700 рублей. Но это не такие уж большие деньги для школы-хозяйства с годовым доходом в 35 тысяч!

Здесь выращивают свежие овощи для школьной столовой, дetsада, больничцы, получают три урожая в год овощей и одну партию саженцев роз – 15 тысяч штук. Круглый год идёт в оранжерею увлекательнейшая работа детей вместе со взрослыми.

Заходят зимой первоклашки в столовую, а на столах свежая редиска, свежие огурчики, салаты со свежей петрушкой и зелёным луком («У министров такого нет! – радуется Шоюбов. – У министров!»). Любопытные малыши спрашивают учительницу:

– А где зимой это растёт?

И их первый раз ведут во дворец труда. Там тепло и зелено, полно света и пахнет летним огородом. А на полу по сторонам – прямоугольные плантации:

редиска, лук, огурцы, помидоры. Дети всё рассматривают не спеша. Им показывают и рассказывают: это у нас растёт редиска, это цветут огурчики. Кто знает, чем они полезны? А вот сорная трава, её надо удалить!

Потом они приходят снова. Начинается вхождение в производительный труд. Дети помогают полоть и поливать, потом учатся сажать те же огурцы и получают задание на дом: сделайте так и дома, наблюдайте, через сколько дней взойдут. Дома сеяли без удобрений, в школе – с удобрениями. Сравнивают. Каждый сажает четыре-пять огуречных семян и следит за ними, поливает, удаляет сорняки, учится всё делать как надо. Это его «личная плантация». Вот огурцы зацветают, вот появились завязи, и вот наконец «личная продукция» идёт на общий стол.

В оранжерее проводят уроки труда и уроки биологии, дети постарше ставят опыты, работают с пятнадцатью видами овощных культур. Готовят землю, делают расчёт количества удобрений, учатся проводить опыление, снимают урожай, взвешивают, записывают, какой вариант обработки почвы и ухода за растениями сколько даёт.

Здесь интересно и малышу, и старшекласснику.

– Кем бы он потом ни стал, – объясняет Шоюбов, – основные трудовые качества у него уже заложены: интерес к труду, аккуратность, стремление к максимальному результату, чувство ответственности. – И добавляет с горячей убеждённостью: – Такому базу надо иметь каждой школе, даже городской!

Девочки-старшеклассницы об оранжерее сказали:

– Это у нас самое любимое место!

Но тут же оказалось, что нелюбимых мест в школе ни у кого

нет, а в понятие «школа» входит и оранжерея, и питомники, и бассейн, и стадион, и красавицы яблок, и «зелёный клуб» с эстадой среди тополей и чинар.

С созданием оранжереи возникла в школе «трудова лесенка». От работы на «своих» первых грядках ученик переходил к труду в питомниках, на школьных стройках, затем начинал управлять машинами – детское хозяйство приобрело тракторы и автомобили.

Ещё много предстояло построить, благоустроить, наладить, ещё учились в старой тесной школе, но вот началось строительство новой. Шюбов не пожелал на одних лишь строителей, а решил подключить к делу население Халдана – и взрослых, и учащихся. Школу все должны чувствовать как самое дорогое, самое почитаемое место в округе. Он собрал родителей и сказал:

– Через два-три года у нас будет такая школа, как в Баку и как в Москве. Я прошу вас помочь в её строительстве.

На воскресники выходило по 400 человек. Через 3 года в новой школе прозвенел первый звонок.

А Шюбов думал: «Скоро всё это станет привычным – и новая красавица школа, и оранжерея перед её окнами, и стадион... И всё пойдёт по кругу? Утратится ощущение новизны, которую школа всё время вносила в жизнь ребят? Нет, так не должно быть!»

Он видел: участие в зелёном строительстве заметно поднимало детей. Но казалось, что постепенно, от класса к классу, они начинают относиться к этой работе как-то обыденно. Может быть, причина в том, что они уже какой год не видят самого процесса и результатов этого дела? Озеленили школьную усадьбу,

улицы села, дворы, а теперь? Грузят саженцы в машины лесхоза, и на том для них всё кончается.

Идея! Блестящая идея! Включиться в создание зелёных зон в масштабе республики.

Он подъезжает к мосту через Куру... Какие богатые здесь были тополёвые и сосновые леса! Эльдарская сосна. Она хорошо растёт в Азербайджане, переноса свободно и жару, и холод. И вот её нет. Погиб весь Тугайский лес. Голые берега. Когда выше по течению реку перекрыла знаменитая Мингечаурская плотина и ниже водохранилища русло Куры сузилось, деревья, оказавшиеся в удалении от воды, засохли.

«Леса надо восстанавливать! – думал Шюбов. – До каких же пор мы будем спокойно смотреть на эти голые берега?»

А от Мингечаурского моря на сотни километров протянулся по такой же голой степи Верхне-Ширванский оросительный канал. Под палящим солнцем, открытая, ничем не защищённая от его горячих лучей, вода долгими днями течёт среди раскалённых берегов, и огромные массы её испаряются попусту. А если посадить по берегам канала тополёвые леса?

Он сел и написал письмо председателю президиума республиканского общества охраны природы: «Не поднять ли нам молодёжь республики на восстановление погибших лесов и на создание лесных полос вдоль Верхне-Ширванского канала? Дайте школе участок на канале и другой – на берегу Куры, мы начнём создавать леса».

Реакция последовала незамедлительная. В печати появилось обращение халданцев к молодёжи республики, тут же откликнулись ЦК комсомола Азербайджана, Минпрос, Минлесхоз республики, Центральный совет общества охраны природы:

дали указание своим организациям на местах поддержать инициативу. Она была с энтузиазмом подхвачена: школы 18 районов включились в работу.

Началось всереспубликанское молодёжное движение, и халданцы шли во главе его. Они поставляли саженцы и каждый год всю осень и весну проводили воскресники на берегах Куры, а потом и канала. Работали и в каникулы.

Выезжали по два класса, чередуясь через два-три выходных. Работали тремя группами: одна копает ямки, другая сажает, третья поливает.

Шоубов дивился: как споро работают ребята! Вдохновенно! Ещё бы! Они же взяли за большое государственное, в своём роде даже историческое дело! Ах, почаше бы нам находить молодёжи такие дела в каждом городе, в каждом селе!

Однажды перед концом работы пошёл дождь. Тихий, затяжной. Что бы ему повременить полчаса, дать закончить работу! Нет, и зарядил, похоже, надолго!

– Ну, что, дети, давайте собираться домой, – с сожалением сказал директор.

Ребята разогнулись. В машине ещё оставалась небольшая часть саженцев.

– Нет, Загид Гамирович, раздались голоса. – Давайте закончим! Саженцы до следующего воскресенья пропадут.

– А если вы заболаете?

– Не заболеем, Загид-муэллим! Мы закалённые! Он всмотрелся в лица – говорили искренно, серьёзно.

Ребята промокли, но посадку закончили. В автобус садились победителями, весело, звонко переговариваясь.

Казалось, на дождь никто и внимания не обратил. Не такие люди! Наутро все пришли в школу здоровые и в боевом настроении, чуть-чуть бравируя своей вчерашней непреклонностью.

За две осени и две весны школа посадила на берегу Куры больше 20 тысяч деревьев, создав лесной массив из эльдарской сосны и тополя на площади в 100 тысяч квадратных метров. Куру и канал одевали в зелёный наряд почти все школы степных районов республики. За первые годы они посадили на дешёвых голых берегах 585 тысяч деревьев и 280 тысяч кустарников, создав неоглядные лесные полосы, которые прикрыли берега на площади почти в две тысячи гектаров.

Но посаженное надо ещё вырастить, выходить. В условиях закавказской жары это очень непросто, не то что «воткнул в землю оглоблю, а вырастет тарантас». Здесь каждое деревце почти буквально надо полить человеческим потом. Украинский педагог и большой друг Халданской школы, о котором я уже упоминал, Иван Гурович Ткаченко сказал на встрече с учениками, что здесь вырастить дерево героизм. Сколько же юношеского героизма надо было, чтобы вырастить эти лесные полосы! Спасибо опыту – он крепко помогал халданцам. Ведь их руками были уже выращены тысячи деревьев около школы и на улицах села. Какой след в душах оставил этот труд?

Как-то вечером мы сидели в школе с группой комсомольцев и комсомолок и говорили обо всём, о чём хотелось. Там были Вадиф Пашаев, завоевавший медаль на республиканском конкурсе ученических трудовых коллективов, десятиклассник Ниязы Исмаилов – боец школьного стройотряда, девятиклассница

Алима Абдуллаева – секретарь комсомольского комитета, восьмиклассница Камале Мамедова и другие. С какой гордостью они говорили, что «наши сажены растут теперь на канале», что «мы даём их туда по 30 тысяч каждый год», и это звучало как «мы преобразуем целину!» Ребята рассказывали, как работают в питомниках, как интересно у них в лагере труда и отдыха, а я с чувством уважения смотрел на их крепкие, с трудовыми мозолями руки.

Учительница английского языка Нура Гасановна, заметив это, сказала:

– Мой сынишка Мамед прибегает – восторг в глазах: «Мама, у меня мозоли!» Он уже мужчина! О городском мальчишке спросил: «Мама, а кем он будет, когда вырастет? У него руки, как у девочки...»

Вадиф Пашаев вернул нас на канал:

– Там наша полоса почти на два километра тянется! Сто метров шириной. Наши деревья там уже большие – по пять-шесть метров. Есть даже метров по девять. Мы там были недавно – там уже птицы поют! Представляете? Там и фазаны бегают. Мы, когда собираемся туда ехать, – у всех сразу настроение такое хорошее!..

Я смотрел на него, на Ниязы, на девочек – у них сияли глаза! Что сравнится с одной только вот этой радостью: «Там уже птицы поют! Представляете?»

* * *

Школа открыла для них целый мир!

Любись музыку, танец, песни, стихи – милости просим: есть ансамбль «Дружба народов». Не кружки самодеятельности – это элементарно. Солидное творческое объединение – в нём почти

вся школа, больше 400 человек. Это – по-шоюбовски: тут любому воспитателю делу умеют придать массовость. А ты выбирай. Хочешь в инструментальную группу – пожалуйста, в хоровую, в танцевальную, в группу солистов – тебе решать. Есть талант, нет ярко выраженного таланта – это не важно. Был бы интерес. В объединении для способностей любого калибра найдётся и место, и внимание. Развивайся, пожалуйста! Хочешь пианино, национальные инструменты, кларнет, аккордеон, электрогитару, барабан – получай, с тобой будут работать. С тобой будет работать и сам руководитель объединения Джазми-муэллим Ибрагимов. Он тоже питомец этой школы. Достойный питомец. Он и в танце – огонь, и в песне, и в музыке, какой инструмент ни возьмёт, виртуоз, хотя окончил не три консерватории, а один физмат. Он и в пединституте ансамблем руководил. Всё свободное время – с детьми.

Вспоминают: был смотр в Баку... Там посоветались: «Группа сельской школы? Пятнадцать человек? Дадим вам четыре минуты». Ибрагимов вскинул свои смоляные брови-крылья: «Хотя бы полчаса!» Вышли на сцену. В ансамбле представлено искусство разных республик. Исполнили песню на литовском языке – все литовцы, какие были в зале, встают, аплодируют. На украинском – украинцы встают... И – 45 минут вместо четырёх!..

То же было в школах Латвии, на Украине, в воинских частях: встают, благодарят. От Знаменки до Киева ехали автобусом – всю дорогу пели песни на разных языках. А в Киеве на площади запели молдавскую. Старый молдаванин (оказался рядом) был так растроган: азербайджанские дети поют его родную песню! Обнял ребят: «Спасибо!» Стали дружить со школами

разных республик – отсюда в Халдан шлют ноты, тексты песен, пластинки. Слова национальных песен пишут русскими буквами и рядом дают перевод на русский. Живая дружба – не слова о дружбе! Какие блага могут быть дороже?

А начало этой дружбе положили два директора, два выдающихся педагога страны – З. Г. Шюбов и И. Г. Ткаченко, директор известной Богдановской школы. Ткаченко потом напишет: «Восемнадцать лет духовного братского общения моего с З. Г. Шюбовым стали годами величайшего личного счастья и вдохновения».

В это общение включились и ребята. Из Халдана выехала в Богдановку школьная делегация. Потом богдановская – в Халдан. Скоро круг друзей расширился – в него вошли известная Григоропольская школа Ставропольского края и 1-я балашихинская из Подмоскovie. В год столетия со дня рождения В. И. Ленина они создали межшкольный интернациональный трудовой лагерь «Дружба». Делегации трёх школ едут в четвёртую и там вместе живут и работают в лагере труда и отдыха. Труд (четыре часа), спортивные игры, концерты, вечера и два выходных в неделю – на экскурсии.

Начинание драгоценнейшее! Живое межнациональное общение детей на трудовой основе. Расширяются их интересы, познания, кругозор, дети разных республик становятся ближе и понятнее друг другу.

Подружились Мехман и Вадим, Алима и Таня, подружился семья. Ездят в гости друг к другу, пишут письма, посылками обмениваются. За Шюбовыми и Ткаченко подружились Мамедовы и Нечипоренко, Эффендиевы и Дубовы, Рустамовы и Могилей,

Гамидовы и Дорошенко – многие.

Однажды всё село на ноги поднялось. Убирают улицы, моют окна, веранды, украшают комнаты. Гости едут! Больше 300 человек: ребята из разных республик с учителями. В Халдане пройдёт детский фестиваль «Наша Родина – СССР». Где разместить участников? Как принять? Об этом и из Баку звонили:

– Сколько пригласённых? Не слишком ли размахнулись? Где вы всех разместите?

Халдан ответил:

– Этот вопрос решили сами люди, само население. Не решили поместить ни в интернате, ни в школе. Только в семьях!

– Вот это прекрасно! – одобрил Баку.

Ан, вышла промашка – не обошлось без обид: некоторым семьям гостей не досталось. Идут седые аксакалы к Шюбову:

– Почему, дорогой Загид-музллим, нас обижаешь? Разве мы не знаем, как принять гостя? К гостю у нас первое слово: «Наш дом – твой дом».

* * *

Счастливы дети в школе Шюбова: на большом просторе растут! Нет одноклассники в работе с ними – комплексное воспитание. Разностороннее и политехническое.

Где найдёшь нынче школу, в которой нет ученической бригады? Всюду по сёлам ест! Свёклу полют. Правда, редкий директор вам скажет положить руку на сердце, есть от того педагогическая польза или нет. Но бригада есть. А у Шюбова? А у Шюбова их шесть: лесоводческая, строительная, овощеводческая,

садовая, по животноводству и птицеводству, хлопководческая. И для того шесть, чтобы от работы в них польза педагогическая была наибольшей.

Есть интерес, можешь по всему ряду пройти – от выращивания цыплёнка до вождения трактора.

Хороша «оранжерейная» школа у нового преподавателя биологии и трудового обучения Алиаги Гасанова. Выходят оттуда дети – трудолюбия не занимать. А завидные урожаи овощей получить и взрослому научат. Но есть же и мир животных! Как не знать его человеку?

Построили небольшой коровник и сразу же – коровью «дачу» с решётчатыми стенками, обсадили её тополями – пусть прохладаются в жару бурёнки. Провели им воду – благодать! Бурёнок купили десять. Пригласили на работу двух взрослых животноводов – мужа с женой и бросили клич по классам: кто желает? Многие желают. Как дело организовать? А так же, как у лесоводов на питомнике: парный труд. Один старшекласник и один помладше. Приходят на дежурство – старший чистит и кормит, младший подметает, помогает кормить телят и даёт им лизать свои руки. Тоже получается трудовое воспитание.

С птиц и того лучше. Настроили клеток, вольеров, закупили цыплят, закупили фазанов, и снова клич: есть ли желающие? Лес рук. По большей части – девичьих. Снова – пары, кто с кем хочет, за каждой парой – клетка, в клетке с полсотни цыплят. Инструктаж, расписание, и пошла работа. И сказали девочки: «Нет ничего увлекательнее!» Сказала так и Алима Абдуллаева. Папа у неё инженер, мама врач, живности дома не держат, а дочке она

понравилась – вырастила два с лишним десятка кур и рада, «как маленькая».

А насчёт фазанов... Фазаны, конечно, на неусыпном попечении мальчишек.

Это – хозяйство. А вот и наука.

Приехал учёный из НИИ удобрений и агропочвоведения, спросил юных тружеников села:

– Хотите, поставим с вами несколько научных опытов?

Тут дал о себе знать 4–5-летний курс «оранжерейной» ребятачей практики у Алиаги Гасанова – мальчики и девочки на науку набросились роем. Пришлось отбирать вначале самых жадущих. Их тоже оказалось не чуть-чуть: 50 человек. Скоро учёный доложил директору:

– Я удивляюсь, как много они стараются узнать и сделать!

Три года на школьном гектаре ставили опыты с кукурузой.

Довели урожайность зерна до 85 центнеров (средняя в колхозах – 30–35), а зелёной массы – до тысячи.

Вот и корма для ферм!

А у тебя интерес к технике? Поможет школа и тебе. В старших классах ты будешь осваивать тракторы, сельхозмашины, получишь профессию механизатора – это по программе. Для того в школе есть и «Беларусь», и ДТ-75, и малогабаритный трактор. А пока тебя больше интересуют радиоприёмники, магнитофоны, телевизионная техника, фотография? Тебя ждёт замечательный специалист по этим делам учитель математики Тахир Ибрагимов. Его тоже вырастила эта школа. Здесь он занимался и радиотехникой, и фотографией, учился паять, клепать, монтировать схемы. Окончил пединститут и теперь вливает свою

любовь к технике в ребячьи души. Пройдите по школе – броские стенды, витрины, цветные фотографии. Это витрины его таланта и работа его подопечных. Обзавелась школа своим телецентром, иной новейшей аппаратурой, великим множеством технических средств обучения – всё это идёт по «ведомству» Тахира Ибрагимова и его технической гвардии, которая насчитывает три десятка ребят. Мечтают они добраться до телевизионных схем и теперь по вечерам «потрошат» старые аппараты.

Телецентр для школы был сверхмечтой. И десять лет назад Тахир Ибрагимов привёз из Новгорода аппаратуру (не так дорого – 12 тысяч 700 рублей). Теперь во всех учебных кабинетах стоят телекамеры и телевизоры: 32 телевизора. Все уроки стали открытыми. Нажми кнопку – и на экране увидишь класс, учителя, услышишь всё, что там происходит.

Многие ли ребята в стране могут работать с аппаратурой телецентра? В Халданской школе многие. Ибрагимов называет среди них Мамеда Мамедова, Вадифа Саптанова, Черкаса Пашаева, Сабухи Гусейнова.

Ребята живут на уровне века.

* * *

Вот, пожалуй, и подошла пора оглядеться. Что же в итоге? Велики ли перемены в детях? Глубоки ли они, эти перемены, достойны ли серьёзного внимания? И нет ли в этом где-нибудь явлений негативных, наносящих вред обучению и воспитанию детей?

Повторю: всё, что делалось в Халданской школе, делалось в обстановке, когда с педагогических вершин о такого рода деяниях раздавались устрашающие и грозные слова:

«опасные увлечения», «мозольная педагогика», «левацкие загибы», «чреватые опасными последствиями», «так называемый педредовой опыт», «педагогическое прожектёрство», способное «пагубно отразиться на обучении» и «снизить интеллектуальный потенциал общества».

Страшнее, кажется, не придумашь.

А что оказалось в действительности?

Ильгам Адыгёзалов, организатор воспитательной работы, попросил меня записать:

– Питомцы Халданской школы работают врачами в Москве и Баку, на многих командных должностях в Советской Армии, агрономами в колхозах и совхозах. Многие стали партийными работниками, учителями. У нас в школе 65 педагогов, из них 50 – свои, доморощенные. Они шли сюда и знали: здесь нелегко работать, здесь нельзя что-то не выполнить. Но они просились именно сюда. Вы посмотрите, какие они инициативные, мыслящие, деятельные люди!

Учителя единой душой отмечают: изменилась база воспитания, её уровень и широта – изменился и облик ученика. Повысился уровень общего развития детей, их образованность, эстетическая, трудовая, физическая и общая культура, уровень сознания. Появился интерес к труду – другим, активным стал и интерес к жизни – возникла и тяга к учению, к знаниям. Оказалось: кто хорошо работает, тот и учится хорошо. Таких большинство. Шоубов по этому поводу сказал: «Я не встречал в жизни, чтобы человек, который любит труд, не хотел знаний, не тянулся к ним». В школе уже не встретишь ученика, который бы не знал, что ему в этой жизни делать, для чего он живёт и учится. Вот уже 20 лет не было в школе никаких правонарушений, 10 лет стоят в классах

парты – ни одной царапины, за 9 лет в стеклянном дворце-оранжерее не разбито ни одного стекла. А ведь когда-то ученики портили парты, ломали приборы и били стёкла в школе.

Приезжают дети из других школ – их так и тянет к розам: как не сорвать? Шли как-то по аллее Труда, один говорит: «Вот бы спилить эти тополя на сарай!» Халданские ребята даже не поняли: «Уничтожить такую красоту?..» – «А вы разве цветы не рвёте?» – спросили приезжие. «Зачем? Чтобы некрасиво стало?» – вопросом на вопрос ответили шюбовские ученики. Вот вам разнища в уровне социальной и эстетической воспитанности.

Работали на уборке хлопка в колхозе, вечером сели в автобус, увидели: на лафете загорелся собранный хлопок. Там лежало его тонны три, он горел, как порох. Какие лица были у детей! Испуг, боль, порыв. Спасать! Бросились к лафету – кто курткой, кто фартуком сбивает пламя. Бились, пока не погасили. Ни один не окзался в стороне!

Нет, не все питомцы Халданской получают высшее образование, не все становятся врачами, агрономами, учителями, партийными работниками. Многие идут на производство, в колхозы и совхозы. Их берут в любой трудовой коллектив с подчёркнутым удовольствием: это люди с хорошим, коммунистическим воспитанием. И они становятся самыми передовыми работниками. Инженер-экономист местного консервного цеха агропрома, тоже питомец этой школы, Эльман Гасанов сказал мне:

– У нас работают 25 воспитанников Халданской школы – парни и девочки. Всегда хорошо настроены, опрятны, бережливы, стараются, чтобы было меньше боя, больше порядка. Отличные работники!

– Можно сказать, по настрою они приходят к нам уже готовыми ударниками коммунистического труда, – добавил начальник цеха Анвар Гамидов.

Подтверждают это и отзывы гостей, которые по обыкновению придирчиво осматривают все закулки школьной жизни:

«У вас все дети талантливы и хорошо развиты».

«В ваших детях радует аккуратность, вежливость, трудолюбие и то, что не всюду сегодня встретишь, – боевая общественная активность».

Знакомились со школой работники ЦК Компартии Азербайджана, пожали Шюбову руку:

– Вы хорошо воспитали не только детей, вы перекроили и сознание родителей. Это очень заметно!

Шюбов мне объяснил:

– Конечно, что-то изменилось и в родителях. Стало больше заботы об общественном благополучии, об общем благе, интереса к школьным делам детей. Этому помогло и озеленение села, и воскресники по строительству новой школы – на них выходили родители из всех 320 семей. Сейчас скажи: «Дорогие родители, надо выйти – помочь школе». Четыреста-пятьсот человек выйдут сразу. И все придут с лопатами!

Не утаю: в каких-то семьях тлело и колочее отношение к школьным новациям. Вот уже в эти годы в редакцию республиканского телевидения пришло из Халдана сердитое анонимное письмо. В нём повторялся прежний мотив, который всегда страстно поддерживался противниками трудовой школы:

«Наши дети много времени убивают на всевозможные работы в школе. Школа занимается эксплуатацией их труда, не даёт им хорошо учиться. А она ведь существует для учения, а не для набивания мозолей».

Активу школы и директору пришлось выступать по телевизору и объяснять положение вещей.

Не просто происходит обновление школьной жизни. Но школа продолжает идти дальше, подниматься на новый виток.

* * *

Кроме многих организаторских забот была у Шоюбова чисто директорская – воспитание и сплочение учительского коллектива.

Как помним, в первые годы с его начинаниями не соглашались многие учителя. Он выслушивал их, стараясь понять мотивы каждого, и никого не принуждал с ним соглашаться. Говорил обычно:

– Посмотрим, что покажет дело.

Организовывал это самое дело, просил помогать, доводил до наглядного результата, а потом собирал учителей и предлагал присмотреться. Так было со стадионом, с бассейном, с питомниками, с закладкой сада и аллеи. Раз от раза сомневающиеся всё охотнее участвовали в организации работ.

Свои планы, всегда до мелочей продуманные, он докладывал на партийных собраниях, на педагогических советах, уважительно выслушивал все соображения и никогда не оставался в меньшинстве.

Убеждение очевидным результатом – вот что было у него наиболее сильным средством воспитания несогласных.

Вокруг него группировались самые способные, самые деятельные. Воспитательную работу он ставил на крепкую материальную основу, создавая то, что он называл воспитательными объектами, базой, – спортивный комплекс, оранжерею,

питомники, обелиск в честь погибших героев, стенд трудовой славы, поднявшийся у входа на стадион, приветливые зелёные уголки и аллеи. Он создавал их вдохновенно, и каждый из этих объектов, вступая в действие, выше поднимал его авторитет. Загид-муэллим становился самым любимым и почитаемым человеком не только в школе, но и в селе. Не раз мне довелось в Халдане слышать тихие и глубоко искренние учительские признания: «Это мой идеал. Он не только директор, он наш аксакал и наставник».

Его большой педагогический и организаторский талант был виден давно – с первых лет работы в школе. Был виден всем. Не по капризу судьбы он был избран на пост директора тайным голосованием единогласно! (В те годы пробовали избирать, а не назначать директоров школ.) И можно только диву даваться, как могли просвещенцы долгими годами держать на директорском посту отсталого человека, имея в коллективе Шоюбова!

Шло время, и местные противники трудовой школы становились её сторонниками. Вот уже и забыла свои страхи перед трудным воспитанием пожилая учительница. Вот и старый биолог одобрительно воспринял перевороты, совершаемые его бывшим учеником Загидом Шоюбовым, и стал его самым активным помощником. Теперь он на пенсии и, говорят, живёт только успехами своей школы.

А Шоюбов смотрит дальше.

Он говорил мне, что сделано ещё не всё, что берётся он за создание школы-комплекса. Он уже видит, какая она будет. Вот построили в школьном городке детсад, и школа готова принять его под своё крыло, чтобы воспитание детей с самых малых лет

велось по единой системе. А вот составлен проект музыкальной школы. Два этажа, восемь комнат. Нужно объединить её с большой школой, тогда дети будут получать здесь более полноценное развитие.

– И создадим при школе свой УПК – учебно-производственный комбинат, – вслух размышляет он. – УПК будет по профилям уже работающих ученических бригад – лесоводство, животноводство, механизация, сады... Я уверен, наша школа может давать детям полную подготовку для квалифицированной работы в сельском хозяйстве.

Он чувствует всё это как близкую, почти осуществлённую реальность. И там, в этом близком завтрашнем дне, в иных красках видится ему и вся школьная зона села.

– Это моя давняя мечта, – продолжает он. – Тут рядом речка. Построить на ней плотину и поставить детскую ГЭС. Маленький Мингечаур. Плотина небольшая – метров 50 длина, ну, ширина, не знаю, может быть, и метров 100, подъём воды – 4–5 метров. Разольётся озеро. Километров на 5. Я беседовал с руководителями общества охраны природы. Им тоже нравится. Благоустроим берега, в шахматном порядке насадим тополя. И сделаем лодочную станцию. Чудесное будет место отдыха! Как хороший санаторий!

Мечты... Но мы уже видели, как умеет их делать быльё этот удивительный человек.

* * *

Если бы сейчас спросить всех учителей и всех родителей: «Кто за такую школу?», я думаю, поднялся бы лес одобряющих рук.

– Но почему же?.. – разом встаёт вопрос. И он должен встать.

Потому что только такого типа школа в состоянии безупречно справляться с задачей полноценного обучения и воспитания детей.

Ан вот плохо размножается этот тип. Почти никак! И это становится тем более непонятным, что в Евлахском районе, например, принималось даже специальное решение – распространить опыт Халданской, конкретно назывались и школы, коим было рекомендовано тот опыт с помощью Шоюбова изучить и освоить, но... Посмотреть пока нечего.

В райкоме беспокоятся. Секретарь райкома повёз в эти школы Шоюбова: «Выступи, расскажи, подкажи». Выступал. Горячо выступал. Рассказывал и подсказывал. Его хорошо слушали. И что-то даже для себя постановили. А вот неуклонного исполнения не последовало.

Один директор оправдывался:

– Средств нет. Надо же как-то всем обзавестись, закупить саженцы роз, гранатовых, декоративных деревьев...

Дали ему средства. И не поскупились, много дали – только делай!

Закупил он саженцы, провёл посадку и поставил галочку: исполнено. Саженцам этого оказалось маловато – они засохли. Лето, жара, а про поливку забыли. И затагнули в этой школе на всю округу унылую песню о том, что, «значит, халданский опыт

не универсален» и, «значит, то, что хорошо получается у Шюбоба, может больше ни у кого не получиться». Евлаховские юмористы перевели это на более точный лад: «Что годился для Халдана, не годится для чурбана!»

Шюбоб объяснил это так:

- Тут не деньги решают. Решает пот! Директорский, учительский и ребячий. Пот нужен, труд, душа! Тогда дело пойдёт. А потеть у нас кое-кто отвык. Сидит в холодочке, чаёк попивает, а потом оправдания придумывает.
- Сейчас что надо? – вскинул он поседевшую голову. – Нужна переориентация и капитальная переподготовка директоров школ. Мы на повороте. Директору нужны новые ориентиры, новые образцы, новая наука – наука большого творчества. Новые «очки» нужны директору! А их ему пока не прописали. Он ходит в старых.

В другой раз сказал ещё определённое:

- Это самый у нас трудный вопрос – директор школы. Отучили директора от инициативы. Ему это не позволялось. Бывает, 30 лет человек проработал директором и ничего для дела своей головой не придумал. А теперь его несёт инерция. Переучивать надо! На живом опыте! А ведь обычно директоров собирают в институтах усовершенствования и читают им лекции о вчерашних задачах. Выступает учёный, доктор педагогических наук – горько слушать! Как он далёк от жизни, от её требований!

Я спросил: «А с учителями как?»

- Очень отстают пединституты! – подхватил он. – Вот наш, Бакинский... Какой там опытный участок? Ключок земли. Почему у них трудовой базы нет? Мастерская уютится где-то в подвале,

оборудование плохое, старое, стоит без дела. Кто будет заниматься этим вопросом? Я писал об этом в журнале. – Не-ет, – заключил он. – Сегодня всюду нужна перестройка. На всех этажах!

МАКАРЕНКО ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Эра Макаренко началась полвека назад и заглохла. Ей принадлежит будущее. Сам народ поставит его методику в фундамент нового воспитания человека.

Мариэтта Шагинян

ШКОЛА

...Потом, спустя годы, в центральной газете появилась статья ответственного партийного работника, который даже забудет о традиционной сдержанности в выражениях и напишет об этой школе так: «...Результаты в обучении, воспитании и оздоровлении детей в Мамлютской санаторной школе-интернате, возглавляемой заслуженным учителем Казахской ССР коммунистом Г. М. Кубраковым, поистине поразительны».

Примчусь я в эту далёкую Мамлютку и услышу рассказ десятиклассницы Айгуль Асылтаевой:

– Когда я приехала сюда, меня поразило, какая это школа. Это действительно жемчужина, как заметил один наш гость.

Всё это будет потом. А тогда, в 65-м, в 66-м, когда школа только начинала свой многотрудный путь, она шла,

как в распутицу, увязая в месиве проблем, надрывая нервы в разноголосице педагогических споров и едва переводя дух.

ДЕТИ

Она была создана для детей с ослабленным здоровьем из-за перенесённого туберкулёза, долгое время болевших. Учителя и воспитатели, перебравшиеся сюда из ближних и дальних школ Северного Казахстана, это знали. Но, встретившись с детьми лицом к лицу, они пришли в замешательство. Эти с виду обычные мальчики и девочки пугались открытых форточек и избегали любого дела, могли в небольшом диктанте сделать 80 ошибок и забывали, что надо вовремя приходить в столовую. Они быстро уставали, становились раздражительными, рассеянными, и пробудить их внимание на уроке удавалось разве что на минутку. Выяснилось, что в семьях ребят этих с малых лет кутали, поили и умывали тёпленькой водичкой, всё за ними убирали, осво-бождали от малейших забот и обязанностей. Обиходить группу таких детей воспитательнице двух рук оказывалось мало. Ребята уже в пятом классе, но какая мука для них – убрать свою постель! Одеjala их не слушаются, пожатся, как неуклюжие медведи, – глядь, и отпихнул мальчуган «медведя» прочь:

– Не буду я!..

Они не умели почистить ботинки, из еды выбирали что послаще, не ведали, что такое гигиена и аккуратность. По утрам, когда трубил горн и воспитательницы по очереди подходили к кроватям: «Ребятаки, подъём!», иные, уже не маленькие, отпрыкивались, с головой заворачивались в одеяло и бурчали: «Уйди!»

Почти 400 человек в интернате, и больше половины – таких.

Ввели физзарядку с открытыми форточками – дети зачихали, затемпературили, их десятками стали отправлять в постель, и скоро все спальные комнаты были заполнены больными. В школе пришлось прекратить занятия.

Как быть дальше?

ДИРЕКТОР

Сюда он приехал первым, когда школа была ещё не отделана. За чертой города, на открытом месте, среди куч строительного мусора неприятно поднимались этажи трёх светло-серых корпусов. Застеклённые окна школы и общежития были залепаны известью и краской, жилой дом для учителей стоял ещё в лесах.

Высокий, подтянутый, в тёмно-синем плаще и сапогах, он обходил школьную территорию, минуя вороха глины, битого кирпича, ковриги застывшего раствора, и на месте всего этого удручающего душу беспорядка виделось ему царство красоты и здоровья.

Это было его третья школа.

Перед войной он был фельдшером, лечил больных. На фронте обрабатывал солдатские раны в медсанбате, стоял на прямой наводке у противотанковых орудий, там и свалил его фашистский осколок, раздробивший бедренную кость. Операции, операции... После госпитала в родных краях принял райздравотдел, спустя время – райплан, редакцию газеты. Он был из того племени строителей жизни, кому любая работа отрадна и мила. Каждое дело ему дорого было своим глубинным смыслом, своей преобладающей силой.

Но сверх того, в каждом деле он стремился дойти до высшей стройности и красоты. Он понимал природу, литературу и музыку, душой дружил с баяном и поэзией – близкие любители слушать, когда он по-русски раскатывал раздолбный, подхватывающий напев или задумчиво читал стихи.

Ушедшая война вдоволь дала ему наглядеться на ребят, которым так остро не хватало отцовской руки и разумной системы воспитания. Читал Макаренко, сердцем радовался могучей силе его методики и ловил себя на том, что подолгу думает о школе.

И уже в годах, уже будучи главой семьи, поехал – сдавать вступительные экзамены в учительский институт. На очное отделение.

С помощью макаренковского опыта он выводил в лучшие вторую школу на селе, когда ему предложили Мамлютский интернат.

Съезжались учителя, воспитатели. По утрам он собирал их, знакомился с ними, давал задание приводить в порядок школу и ехал по организациям. Женщины лезвиями отчищали стёкла, мыли, протирали их, подкрашивали панели, бетонировали овощи, хранилище. К концу дня он приезжал, озабоченный и бодрый, говорил:

- Ну, давайте пройдем, посмотрим, что получилось.
- Шли и смотрели. Мутноватая полоса на стекле. Остановились. Чисто выбритый, чисто одетый, на плаще ни пушинки, ни пятнышка, он оглядывал всех и указывал на мутную полосу:
- Давайте условимся сразу, что школе это противопоказано. Если в человеке всё должно быть прекрасно, то для этого надо, чтобы в школе всё было прекрасно вокруг человека.

Он понимал: для кого-то его требования звучат непривычно, кто-то, может быть, коробят – и своё «кредо» раскрывал до конца:

– Нам предстоит создать школу, способную безупречно решать задачу воспитания, нового человека.

ПЕДАГОГИ

Взяла бы судьба да послала ему педагогов-единомышленников, педагогов макаренковского строя! Здесь с первых бы лет зазвенела ребячьей радостью новая макаренковская коммуна со своим образцовым хозяйством, с роскошными цветниками и аллеями, с отлично настроенной жизнью разновозрастных отрядов, с великолепно оркестрованной системой воспитания! Но откуда бы они взялись у неё – такие педагоги? Где и кто их готовил?

К нему съезжались люди разного склада и опыта, разных понятий о воспитании, люди, во многом разномыслящие и по-разному относящиеся к своему делу. Споры вспыхивали по каждому поводу. Нужна ли зарядка – спор, нужно ли открывать форточки – оглушительная баталия!

– Никаких форточек! – неслось с одной стороны. – Оберегать и оберегать! Такие это дети.

– И кого мы так вырастим? Пациентов больниц? – летело с другой. – Только закаливание!

– А кто отвечать будет? – панически кричали с третьей. – Воспитатели?

Директор убеждал: «Свежий воздух, движение, дозированный труд – это наши помощники». Но на него наступали даже врачи, даже Александра Фёдоровна, жена, ласковая к детям, добросердечная женщина, работавшая в интернате медсестрой:

– Мы должны лечить детей, а не подвергать их испытаниям. С сомнением и надеждой смотрели на него мудрые врачующие глаза Александры Степановны Телёпиной, которая была назначена заместителем директора по учебно-воспитательной работе.

– Я не убеждена, что так надо, как вы настаиваете, – со всей своей искренностью говорила она. – Но я верю вам.

В его прямом активе оказалось, пожалуй, лишь трое из сороска: редкостно увлечённый биолог и цветовод Валентина Сергеевна Мишкарева, юная воспитательница Нина Ивановна Петрушина и физрук Григорий Семёнович Телёпин.

А по области уже шла молва о директоре, «с которым очень интересно работать».

В это трудное для интерната время приехал в Мамлютку Яков Аронович Фрезе – маленький сухонький немец в фетровой шляпе, биолог, удивительный хлопотун, вдоволь напереживавшийся в своей школе из-за директорского безразличия к учебно-производственному участку. Глянул – люди работают: что-то сажают, поливают цветы. «Технические работники», – подумал. Пошёл, спросил:

– А как мне директора найти?

– Я директор, – ответил высокий сидящий работник с сучеными руками и лейкой в руке. Рядом рыхлая земля женщина. «Жена, – догадался гость и пришёл в изумление: – Где это видано, чтобы директор школы сам работал на участке, да ещё привёл с собой жену!» И засмеялся, как-то по-детски засмеялся от радости и сказал тоже по-детски:

– Я хочу у вас работать.

Он пришёл в восторг, узнав, что все сотрудники этой школы каждый день после занятий по три часа с помощью ребят благоустраивают территорию. Несколькими месяцами они убрали битые кирпичи, разный иной строительный мусор, разравнивали дорожки, вскапывали землю под клумбы и грядки, привозили на машине чернозём. Сухонький, с тонким подбородком, в маленькой шляпе, Яков Аронович потоптался и сказал чистосердечно:

– Мне это очень удивительно. Я буду очень рад здесь работать.

Приезжали и другие, с подведёнными глазами и сверкающими маникюром пальцами появились в школе модные дипломированные феи. Пожили, огляделась, послушали директора – сделали большие глаза:

– Вы хотите, чтобы мы были здесь чернорабочими? Неужели для этого мы учились?

– У нас все работают, – объяснил директор. – И учителя, и воспитанники.

Понеслись в высокие инстанции эпистолярные шедевры, густо населённые вопросительными и восклицательными знаками.

«В каком веке мы живём?», «Это не директор, а варвар и деспот!», «Можно ли работать в школе, в которой господствуют такие допотопные порядки?!».

– Товарищи, – ответил «деспот». – Кто не согласен с нашим направлением, – мы не задерживаем. Но не пожалеете ли вы по том?

Он помнил: у Макаренко тоже не вдруг сложился коллектив единомышленников.

ВОСПИТЫВАЕТ ЛИ ВОСПИТАТЕЛЬ?

Какая судьба ждёт человека, если он в детстве не полюбит труд, науки, живую природу, искусство, не почувствовал тяги к разностороннему саморазвитию, если рос он, не ведая дружбы и оставляя сердце своё закрытым для других людей, для радостей и тревог за судьбы Родины?

А многим детям, приехавшим в Мамлютскую санаторную школу, ещё не приходилось пробовать свои силы и смекалку в труде, в общественной работе, слышать рассказы о прекрасном и даже просто видеть цветы.

Здесь их принимают воспитатели.

Как оживающе звучит само это слово: воспитатель! Он должен возрастить в своём питомце все лучшие человеческие качества. Но умеет ли он, научен ли этому сложнейшему из искусств? И позаботился ли об этом кто-нибудь из кующих кадры, определяющих профиль школ-интернатов, их штаты и формы педагогической деятельности, открыты ли воспитателю для этого просторы и возможности?

Две воспитательницы приняли группу. В ней 30 человек – какой-то класс. Рано утром одна из них спешит на работу. В 7 часов без минуты в спальном корпусе трубит горн: подъём! Воспитательница идёт от кровати к кровати – того поглядит по голове, того легонько потормошит: «Пора вставать». Бегут минуты. Детям надо сходить в туалет, убрать постель, почистить зубы, умыться, одеться, собрать учебники, тетради, и всё это сделать быстро, чтобы осталось ещё 40 минут на зарядку, утреннюю прогулку, завтрак. Опоздать нельзя, и воспитательница в напряжении: – Володя, Володя, побыстрей! Нуртик, не топчи одеяло.

А ты куда босиком, Ержан? Ребята, ребята, это что ещё там такое? А ну прекратите! Толик, ты почему без полотенца? Подожди, а где у тебя второй шнурок?..

Она помогает детям одеться по погоде, ведёт их на прогулку, на завтрак, проверяет, не забыли ли чего взять в школу, потом наводит в палате порядок, ссорится с сестрой-хозяйкой из-за тазов или утюга, немножко отдыхает и готовится встретить своих подопечных из школы. И снова:

– Толик, куда ты бросил полотенце? Нуртик, во что ты превратил постель?..

Наконец группа идёт обедать:

– Ребята, не шумите! Ержан, ты почему ешь без хлеба? Са-ша, не съешь первое – не получишь компота!

Послеобеденная прогулка, дневной сон, и рабочий день воспитательницы закончен. Она идёт домой, охрипшая, уставшая и с сознанием того, что день прошёл на предельном уровне бесполоквости.

На смену застывает вторая. Дневной сон заканчивается, начинается то же, что и утром: война с одеялами, поиски куда-то запропавшего носка, ребячьи конфликты, умывание, потом час труда, полдник, самоподготовка («Ребята, не шумите!»), потом по плану какая-нибудь беседа. Для воспитательницы это «мильон терзаний». Как провести? О чём сказать? Где взять хорошие пособия? Она не волшебница, не артистка. И в сущности даже не воспитатель. Она – учительница и может лишь дать урок. Мы гордим не педагогов, а урокодателей. И это считается самодостаточным, ибо сказано: всё главное решается на уроке, урок – основная форма всей учебно-воспитательной работы.

И завершает страдалница свой рабочий день кое-как проведённой беседой, укладывает детей в постель и идёт домой, как и та, первая, уставшая и полная досады от бездарно потраченного времени.

Два десятка платных воспитателей, а воспитывать некому. Такая система, такой повсеместный порядок.

Терпимо ли?

Кубраков отважился всё это «перепахать», перевернуть, перестроить на деловой, макаренковский лад.

Ещё в первых двух школах, которыми довелось ему руководить, он, что называется, «по винтику» разобрал всю теорию и весь опыт Макаренко и там начал применять его методику на практике. Получив назначение в Мамлютку, он три недели ездил по школам Латвии, побывал в московских школах, работавших по-макаренковски, и вернулся с решимостью смело и бескомпромиссно ввести его систему в жизнь интерната.

Чётко виделись «три кита», три главных принципа, на которых предстояло строить эту жизнь: создание разновозрастных отрядов, обеспечение единства бытия и воспитания и организация школы-хозяйства с производительным трудом детей.

Он с первого педсовета понял, как будет трудно склонить к такой перестройке столь далёкий от идей Макаренко педагогический коллектив. Ни один учитель всерьёз не был с ними знаком. И ни один не испытывал потребности что-то искать.

Впрочем, преграда эта казалась одолжимой. Тревога возникала при мысли о другом. Какие грозы надвигнутся сверху? Какие испытания нервов преподнесут блюстители мёртвых учреждений?

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДРАМА

Он хорошо знал великую драму Макаренко и переживал её как свою. Помнил его слова о том, как «боги педагогического Олимпа» в него «бросали камни» и как в конце концов вырвали у него из рук прекрасное его детище – коммунистическую Дзержинского и развалили её. Помнил, как Горький писал по этому поводу, что разрушать такие дела – это преступление перед государством нашим.

Помнил и спрашивал себя: как мог Антон Семёнович всё это вынести? И почему эти «боги» оказались не в состоянии увидеть очевидное, понять и оценить могучую силу новой педагогики, представленной им в виде захватывающего практического опыта? Ведь это же чуду подобно: превратить существа, не признающие ни морали, ни законов, нагло отвергающие любое доброе влияние, презирающие труд, – в людей с высоким социальным сознанием и поведением, в людей, полных оптимизма, трудолюбия и желания строить разумное общество, – какое чудо можно сравнить с этим? Но на чудо это смотрели и не видели его. Задавали убийственно нелепые вопросы из арсенала мёртвых догм. Неужели можно до такой степени пропитаться духом старой школы?

Он помнил, как страна зачитывалась книгами Макаренко, какой острой болью отзывалась в душах людей преждевременная кончина любимого педагога и какой вредоносный поход против его наследия развернули потом «олимпийские» служители конъюнктуры. Один из них, автор известного учебника педагогики, в 1940 г. выступил с шумной статьёй. Именитый автор практически требовал не открывать системе Макаренко дорогу в «нормальную

школьную работу с детьми». Впоследствии он решительно оставил «слишком усердных поклонников Макаренко», толкающих «школы на путь некритического применения его наследства».

Понятно, что в учебнике этого автора, по которому десятки лет учились многие сотни тысяч будущих педагогов, Макаренко был представлен не слишком заметно. Что же удивляться, когда сегодня редкий педагог имеет представление о системе Макаренко?

Нет, учительская масса не молчала. Многим запомнилась, например, статья директора одной из московских школ заслуженной учительницы школы РСФСР Л. Померанцевой «На постной пище кабинетных рассуждений» (ЛГ, 1951, № 38). Критикуя ученик упомянутого автора, она писала:

«Почему, читая Макаренко, мы понимаем не только свои обязанности, но и то, какими путями их выполнять, а читая учебники педагогики, студент ничего не узнаёт о путях и методах, не находит ответа на главный вопрос – «как?»».

«В его (Макаренко) книгах, – писала заслуженная учительница, – мы видим, как надо строить детский коллектив, причём здесь учтено всё: формы, стиль и тон коллектива, создание традиций и многое другое... Учебник же педагогики лишь твердит: «педагог должен»».

Л. Померанцева призывала именитого профессора пронизать мыслями Макаренко «весь учебник, чтобы, раскрывая эти мысли, дать будущему учителю понятие о том, что такое советская педагогика, что такое коммунистическое воспитание».

Но увы, учительская плеть не перешибла «олимпийский» обух. Дорога в школы для макаренковской системы, дающей

ясное понятие о советской педагогике и практике коммунистического воспитания, оставалась закрытой.

Кубраков поражался: к каким только сногшибательным мотивировкам не прибегали противники новой педагогики, чтобы держать перед нею школьные двери в закрытом состоянии! Одни со всей страстью писали: «Макаренко был хорош в своё время и в своих условиях. Это время давно прошло...» Другие с такой же страстью утверждали обратное: «Педагогика Макаренко – педагогика будущего. Мы также не можем осуществить её сейчас, как пока ещё не можем осуществить коммунизма». Воистину: куда ни кинь – всюду клин. Насчёт «педагогики будущего» резонно заметил пермский учитель-публицист А. И. Новиков: «По этой академической «теории» надо сначала дожидаться коммунизма и только тогда применять одно из важнейших средств его создания!»

Однако тревога – тревогой, а дело – делом. Григорий Максимович Кубраков готовился перевести жизнь школы на макаренковский путь.

СНАЧАЛА ИЗУЧИТЬ...

В тот год в издательстве «Педагогика» вышел сборник статей А. С. Макаренко «Воспитание в советской школе», составленный известным пропагандистом макаренковской науки кандидатом педагогических наук В. В. Кумариным. Кубраков прочитал его, принёс своей заместительнице Александре Степановне Телёпиной.

– Прочитайте, это интересно. Почитайте и подумайте, что из

этого можно применить у нас.

Прочитав всю книгу, Александра Степановна сказала:

– Это надо не прочитать, а изучить.

Организовали семинарские занятия. Раз в неделю, по пятницам, собирались, как на политучёбу.

Дело как будто шло хорошо. Все вроде бы свободно разбирались в тонкостях макаренковской педагогики: стадии развития коллектива, отряд, совет командиров, методика параллельного педагогического действия... Книгу в 255 страниц штудировали полтора года. Макаренко был открытием почти для всех. Молодая учительница писала потом в письме к подруге: «Наши семинарские занятия по трудам Макаренко стали для нас вторым педагогическим институтом, академией воспитательной работы».

Полтора года... Параллельно вовлекался в сложную общественную работу комсомольский и пионерский актив, организовывалось шефство старших над младшими – надо было заранее думать о том, кто завтра станет во главе макаренковских отрядов. Казалось, всё шло к благополучной, бесконфликтной перестройке...

ТАКОЕ БЫЛО НАЧАЛО...

29 августа 1967 года, за три дня до начала новых занятий в школе, был созван педагогический совет. Главный вопрос звучал как решение о готовящемся перевороте: «О переходе школы-интерната к работе по системе А. С. Макаренко».

Тридцать девять учителей и воспитателей сидели

в напряжении. Доклад делал Григорий Максимович Кубраков. Он говорил последовательно, как учитель, объясняющий новый материал. Реорганизация начинается с создания разновозрастных отрядов. Каждый отряд комплектуется из учеников старших, младших и средних классов по принципу «кто с кем хочет», как было у Макаренко, но чтобы отряды были примерно равносильными. Командиры назначаются (на первой стадии назначаются) из лучших комсомольцев и старших пионеров, способных реально отвечать за свою работу. На первых порах воспитатели в отрядах остаются, но их основная задача – помочь командам освоиться с делом. Организуется учёба командиров. Внутри отрядов устанавливается индивидуальное шефство старших над младшими. В школе, как и было, сохраняются 13 ученических комиссий – политическая, учебная, трудовая, эстетическая, спортивная, культмассовая и т. д. Их возглавляют члены комсомольского комитета, а теперь в каждую комиссию от каждого отряда войдёт ещё свой представитель.

Кто мог ожидать, что этот доклад вызовет такой переполох, какой он вызвал? Полетели вопросы, полные растерянности:

– А кто ж будет получать одежду?

– Кто будет отвечать за состояние классных комнат?

Суматошно завозмущалась пожилая воспитательница:

– Нам и без этих отрядов, с одним-то классом было – не знаешь, за что хвататься, а теперь... Что вы это выдумываете? Где это видано, чтобы в один отряд собрали и старших и маленьких? Я такую работу не представляю и отказываюсь...

– Трудно, конечно, себе представить, как будут уживаться в одном отряде и малыши, и десятиклассники, в состоянии оглушённости заговорила другая. – Что у них общего? Как с ними организовать какую-то беседу, мероприятие? А какое дурное влияние будут оказывать на маленьких старшие! Они ведь вон какие к нам приходят!.. Нет, конечно, ничего из этой затеи не получится.

– Это какой-то абсурд! – в гневно недоумении пожимала плечами солидная и влиятельная преподавательница литературы. – Что за необходимость? Зачем самим себе работу усложнять? Не понимаю...

Вмешалась Александра Степановна. До этой минуты она без малейшего беспокойства слушала протестующих и совершенно безгневно смотрела на них её матерински-добрые глаза:

– Слушаю я вас, товарищи, и удивляюсь. Как хорошо мы всё понимали на теоретических занятиях, как дружно одобряли опыт Антона Семёновича. А когда дошло до дела... Давайте все думать, как сделать лучше, правильнее, умнее.

Заговорили спокойнее, кто-то воскликнул: «Заманчиво и интересно! Попробуем!» Кто-то добавил: «Не получится – будем работать по-старому».

Все глядели на директора. Григорий Максимович держался удивительно спокойно. Казалось, у него была одна только забота – внимательно слушать. За всё время прений он подал единственную реплику – наводящую:

– Ну, хорошо, а как же в семьях? Почему там нет «дурного влияния» старших братьев и сестёр? Они же не отдельно живут? И всё же решение о перестройке было принято...

СЧАСТЛИВАЯ НАХОДКА

Почему «свет клином сошёлся» на разновозрастном отряде? Это что – новомодное педагогическое поветрие?

Не знать этого сегодня нельзя никому – ни папам-мамам, ни тем более учителям.

– Это удивительная находка – разновозрастные отряды! – сказала мне в Мамлютке Александра Степановна Телёпина. – Они так естественно вписываются в жизнь! Поражаешься уму Антона Семёновича – как он всё это нашёл, понял и ввёл в дело!

Так старая учительница определила ценность талантливой педагогической находки А. С. Макаренко, всепроникающую силу которой она имела радость испытывать на протяжении пятнадцати лет.

Г. М. Кубраков в своей оценке отметил в первую очередь суть дела.

– Разновозрастный отряд – это организационное звено, специально рассчитанное на воспитательную роль.

Сам Антон Семёнович прямо называл разновозрастный отряд инструментом коммунистического воспитания.

Интересно, как он пришёл к своей замечательной находке.

Он понимал: «Организация коллектива должна начинаться с решения вопроса о первичном коллективе». Старая школа на это отвечала:

– О чём забота? Группа, класс – это и есть первичные коллективы!

«Я в первое время работы тоже был сторонником строения первичного коллектива по возрастному принципу, – писал

А. С. Макаренко. – Это вытекало отчасти из школьных интересов. Но потом я увидел, что это ошибка».

И продолжал:

«Когда я попробовал в качестве опыта объединить разные возрасты, малышей и более взрослых, у меня получилось лучше. Я на этой форме и остановился... Такой коллектив, составленный по типу различных возрастов, принесил мне гораздо больший воспитательный эффект... в моих руках получался коллектив более подвижный и точный, которым я мог легко руководить».

Кубраков видел такие отряды в действии, ему писал о них из Москвы В. В. Кумарин – тот самый составитель макаренковского сборника. И одно только озадачивало его: почему так много противников у этой краеугольной находки педагога-новатора? Что разумного скажешь против неё?

Учатся ребята классами, а живут разновозрастными отрядами. Если это обычная школа – отряды во дворах, по улицам, если интернат – в общежитии. Отряд – это 12–15 человек. В интернате он получает своё жилище – отдельную комнату с койками, столами, стульями. Мальчики поселяются в одном крыле здания, девочки – в другом. Отрядами идут в столовую, отрядами – на работу, отрядами – в баню. Свообразная семья.

Он сразу понял, в чём преимущество отрядов перед разновозрастным коллективом, таким, как класс. Преимущество разительное! Оно – в огромных воспитательных возможностях разновозрастного коллектива, каких нет и не может быть в среде разновозрастной. Отряд вбирает в себя лучшие качества многодетной семьи, разрушая стены возрастной изоляции,

которая оскудняет жизнь детей, ограничивает возможности их развития. В отряде устанавливается тесное общение старших и младших ребят, идёт постоянная передача навыков, умений, знаний, опыта «сверху вниз». Может, конечно, передаваться и дурное, но даже в относительно здоровой среде тому есть свои естественные преграды.

Почему младшие всегда «липнут» к старшим ребятам? Не дурное привлекает их. Их привлекает идеальное. Им нравятся сильные, смелые, умные, знающие и, конечно, умелые, нравятся выносливые, терпеливые, тренированные. Дети рады возможности общаться с такими, пользоваться их расположением, учиться у них, подражать им, а тем более дружить с ними. А кому из старших не приятно такое искреннее признание их достоинств, кому не интересно чувствовать себя авторитетной личностью? Но любопытно, что в таком коллективе это не бывает поводом для зазнайства, а оказывается стимулом стать лучше. И ещё. Если такой «идеальный» встречается среди одноклассников, его обычно недолюбливают (и причин тому бывает много), к старшему же держатся более осмотрительно и ответственно, чем «при своих», при одноклассниках. Понятно: кому же охота ронять себя в глазах своих обожателей? А меньшим, конечно, хочется быть достойными уважения своих старших друзей и командиров. Среди одноклассников иной бы ещё куражился, показывал свою «независимость», бравировал «смелостью», разболтанностью, равнодушием к двойкам, а в отряде «не та атмосфера», да и есть тут кому поставить такого на место. И ещё: для старшего просьба младшего звучит как признание его старшинства,

для ровесника это часто – обуза! Старшему пацаны подчиняются с удовольствием, ровеснику – очень редко. Обычная картина: класс в походе, староста даёт распоряжение:

- Саш, принеси водички. Что в ответ?
- А почему – я?..

Начинаются узоры, пререкания, «базар».

В отряде сам дух иной. Здесь «я – для всех и все – для меня». Дух коллективизма.

Что ещё? Правящая роль традиций, сложившихся норм. Год от года в отряде накапливаются, множатся традиции дружбы, трудолюбия, дисциплины, развитости, умелости, общественной активности, любви к порядку, красоте... Множатся и не исчезают, потому что не исчезает сам отряд. Был в школе хороший, активный класс, но вот он получил аттестаты и ушёл. С ним ушло и всё то, чем он был дорог для школы. Чтобы создать новый такой класс, надо всё начинать сначала! Разновозрастный отряд существует постоянно. Те, кто оканчивает учёбу, уходят, другие остаются, храня традиции и передавая их новичкам. И все правила, порядки, нормы отряда новички усваивают на ходу. Это – как в метро: вошёл новичок, смотрит, как поступают другие... Сколько надо держать дежурных и уборщиц, если бы в метро время от времени шли одни новички!

Так и в отряде. Отряд помогает новичку «войти в колею». Воспитателю не надо быть нянькой, надзирателем, следить за каждым движением ребёнка, за каждой его пуговицей. Здесь-то и открывается возможность для настоящей, именно воспитательной работы воспитателей. Против чего возражать?

Однако всё давалось трудно...

ТРУДНО...

В первый год из коллектива ушли сразу 8 учителей и воспитателей. В других школах после отмены реформы 1958 г. учителям стало куда как вольготнее: дал уроки и – до свидания, а здесь... Здесь надо было всё перестраивать, впрягаться в воспитательную работу, налаживать жизнь в разновозрастных отрядах, зарываться в педагогическую литературу...

Затягивался переломный период. Активное ядро педагогического коллектива оставалось всё ещё небольшим, и на педагогах по-прежнему слышнее всего звучали голоса недовольных требованиями, задачами, которые выдвигал директор. Каждая новая вспышка простудных заболеваний вызывала многоголосые протесты против закаливания, зарядок и дозированного труда на воздухе, каждое рядовое происшествие в отрядах оборачивалось против директорских нововведений вообще. В областные организации, в Алма-Ату, в Москву летели жалобы. Приезжали комиссии, настроенные, уввы, не в пользу каких бы то ни было новаций, и директору представлялась богатая возможность почувствовать, каково жилось Антону Семёновичу Макаренко под грозной десницей просвещенческих службистов.

Кубракову становилось всё труднее. Он уставал. Много сил отнимали хозяйственные хлопоты (одного угла на зиму надо завести сотни тонн), изматывали неурядицы в коллективе, мучали открывшиеся раны. Он выезжал на областные и республиканские совещания и там слышал в свой адрес слова, от которых в пору было почувствовать себя последним школьником, возвращался домой и то же самое слышал в школе и даже в семье.

С трудом он сдерживал свою боль, своё возмущение и порой падал духом... Почему, чтобы сделать всё по-настоящему, нужны такие испытания?

В трудные минуты рядом с ним оказывалась Александра Степановна. В её глазах он читал:

«Я верю вам. Верю вашему уму и опыту».

– Период трудный, – говорила она словами. – Но он пройдёт, и всё станет на своё место.

«Это доверие – партийное и человеческое, – напишет он потом в одном из писем, – помогало мне находить новые силы».

ВСЁ – ПО-НОВОМУ

Идёт Нина Ивановна, молодая воспитательница, к своим пацанам в палату и вдруг чувствует: напряглась, как струна. Это рефлекс. Старая привычка. Так было долго: подходишь к палате и заранее ждёшь неприятностей. Откроешь дверь – там штормы и бури. Летают подушки и тапки, мелькают кулаки – драка не драка, игра не игра, хохот, крик, топот.

– А чего? А мы ничего!

Одногодки. Некому остановить. Друг друга ровесники не слушают.

Смотрит, бывало, Нина Ивановна – у того что-то разорвалось, измялось-изгрязнилось, тот рубашку в брюки заправить не умеет. Да и что они все-то умеют – пацаны?! И чему могут научить один другого? Подстричь ногти, нитку вдеть – хоть маму вызывай!

Стоишь – звон в голове.

Сейчас за два шага до двери как осенит: здесь отряд теперь!

И струну «отпускает». Открыла дверь – полный штиль. Ребята – кто сидит, кто стоит – слушают командира.

– Отряд получил два замечания: Володя не выучил таблицу умножения, Нуртик испачкал в столовой скатерть. Что решим?

– Пусть дадут объяснения!

Это у них своя «планёрка». Кровати убраны, ребята причёсаны, через две минуты – на прогулку, на игровые площадки.

Решают: пусть Володин шеф, «старшой», поучит с ним вечером таблицу. И ещё пусть научит его пуговицы пришивать.

Самый маленький в отряде – Коля. Привезла его в конце августа мама, оставляет, собирается уезжать, у Коли полные глаза слёз.

– Мамочка, я не хочу тут. Я с тобой поеду! Весь отряд обустил мальчугана,

– Чудак ты, Коля! Ты с нами будешь. Дружить будем, вместе играть, в столовую ходить вместе.

– Поправишься у нас, крепкий станешь, сильный!

– В кружки запишешься...

И вот уже мчится его новый друг, его шеф-пионер к воспитательнице:

– Коле тапочки надо!

Дивится Нина Ивановна: оказывается, как велика у подростков потребность заботиться о маленьких!

Подумала: а чем могут отплатить малыши? Приходит час – они идут цепочкой к стройке, в руках чайники и чашки. Старшие ребята кладут стену, маленькие несут им чай. Несут чинно, с ножки на ножку переступают, пицат издали:

– А мы вам чай несём!

Разгибается рабочий народ, улыбаются во все зубы. Дольше всех горят улыбки у ребят, которые ещё не знали дружбы с младшими – выросли у пап и мам в единственном числе. Малыши для них – мир открытый. А Коля вдруг набирает полную грудь воздуха и рапортует громко:

– А ещё мы в палате убрались!

Ему радостно, что он тут тоже «имеет значение»! Дома он обычно стоит и смотрит, как работают отец с матерью. Тут почему-то стоять не хочется. Отряд идёт перекапывать свою клумбу, Коля заглядывает в глаза командиру:

– А я чего буду делать?

Командир даже веселеет от такого вопроса.

– А ты знаешь что? Ты вот эти обломочки кирпичей выбирай и складывай вот тут в кучку. Чтоб цветам они расти не мешали.

Бегут другие мальчуганы, вот их уже трое, снуют между старшими, выбирают камушки, хватают грабли – «боронят». Почти час кипит работа, запыхались, разругались старатели, глаза блестя.

– А когда теперь цветы сажать?

Это же праздник, а не вопрос! Деловое нетерпение. Ведь как хорошо будет расти цветам в рыхлой земле. Станешь каждый день бегать и смотреть.

У девичьих отрядов свои клумбы, свои участки аллеи. Подметают дорожки, посыпают жёлтым песочком, подбеливают бордюры. Прибегают мальчишки, смотрят: как тут? У кого красивее? Кому присудят первенство?

Так и привыкают: чтобы было красиво, всё радовало кругом.

А в палатах? Тут первое дело – чистота и порядок. Младший дежурит со старшим. Быстро тряпкой стирает пыль,

подметает, расставляет обувь рядочком. Потом по-гвардейски расправляет плечи, звонко призывает:

– Ну, смотрите. Нет, все, все смотрите! Хорошо? Красиво? Как тут не посмотришь, не улыбнёшься?

Отрядами едут в колхоз на картошку. Опять младший и старший работают рядом. Забота одна, дела – каждому по его силам. Младшие подбирают, старшие относят и тоже подборку ведут. Трубит горн – перерыв. Отдых. Где старшие что-то забавное придумывают, где младшие потешают всех. Снова горн – опять пошли. Какой отряд скорей дойдёт до конца, кто чище выберет – соревнование! Победители перед строем принимают и высоко несут красный вымпел. Год, второй – удивили ребята воспитателей. День шёл к концу, 6 часов, пора домой ехать – 25 километров! – а ряды оставались недодобранными. Переглянулись командиры, ребята переглянулись: «Бросать? А вдруг ночью мороз?» И отряды объявили решение:

– Доберём!

Никто не захотел, чтобы душу царапала даже такая простительная недоделка.

Учитель из соседней школы подошёл однажды на картошке к воспитателям, похвалу высказал:

– Наблюдаю за вашими питомцами. Как дружно, как охотно они работают! Прямо, как пчёлки. Мы же своих то и дело шевелим, подгоняем, стараемся то тем, то другим заинтересовать, а того не получается.

Поговорили, поразмышляли... Всё понятно! Там – классы, здесь – разновозрастные отряды. Там правит делом по большей части принуждение, здесь – коллективное сознание и чувство ответственности зависимости между старшими и младшими.

Среди ровесников такой зависимости нет, оттого там всегда больше разнობоя и неорганизованности.

Никто не думал, что отрядная система что-то серьёзно изменит в учёбе, в самоподготовке ребят. На педсоветах все первые годы звучала одна и та же унылая нота: «Не приучены к усидчивому учебному труду», «Многие на самоподготовке занимают только списыванием», «Не могут заставить себя работать», «Сидят, но правила не учат, задачи не решают», «Иногда класс полностью приходит с самоподготовки, не выполнив домашних заданий».

Мысли, предложения рождались разные.

– Чтобы каждый учитель прививал навыки усидчивости и терпения в работе с книгой.

– На педагогических семинарских занятиях сосредоточиться на проблемах: «Как учить детей учиться», «Культура учебного труда»...

– Во всём приучать ребят к самостоятельности.

– Всем предметникам приходиться на ученическую самоподготовку.

Что-то менялось, но списывание и безответственное поведение на самоподготовке оставались главным злом.

– А не кажется ли вам, товарищи, – сказала на педсовете одна из воспитательниц, – что нам надо переходить на отрядную систему и в подготовке домашних заданий?

Выяснилось, что кажется. И что есть даже мысль освободить воспитателей средних и старших классов от руководства самоподготовкой. Пусть за неё отвечает сам отряд – командир, совет отряда, член учебной комиссии школы. Воспитателю оставить только общее руководство.

Ребята также проголосовали «за».

И получилось то, чему многие удивляются до сих пор.

Садятся отряды в своих комнатах за самоподготовку, и сразу устанавливается деловой рабочий шумок. За учительским столом – дежурный.

Он учит уроки и следит за делом. Тут же и командир. Он тоже видит, кто чем занимается. И никаких воспитателей. Если надо, дежурный сходит за консультантом. Все работают самостоятельно. Все из разных классов – списать не у кого. Думай, трудись сам! Чего не понимаешь – придёт учитель, тихонько объяснит.

– Поразительно! Поразительно! – вспоминает теперь Григорий Максимович воспоминания одной учительницы, приехавшей из Омска в интернат. – Какая самостоятельность! Триста человек без надзора взрослых – и порядок! У нас бы всю школу разнесли.

Удивительные метаморфозы стали происходить с недисциплинированными. Пионервожатая школы Н. В. Вдовенко рассказала историю очень типичную.

Поступил в интернат пионер по имени Жоломан. Поступил он в седьмой класс, и тут выяснилось, что не хочет он носить пионерский галстук. В классе взялись ему разные внушительные слова говорить, он упрямылся, а когда в конце концов хватал и надевал галстук, в классе поднимался смех – так нелепо он это делал. Класс убеждался, что Жоломан не очень-то привык считаться со сверстниками. На уроках он делал что хотел, всем грубил, мешал заниматься... Это дошло до командира, на линейке отряд было поставлено на вид. Отряд потребовал от Жоломана дать объяснения. Тут парнишка не упрямылся, не кривлялся,

стал объяснять. Рассказал, что в прежней школе галстук он носил только в третьем и четвёртом классах, а потом не носил. Потому что любил «выделывать» что вздумается, и его всегда ругали, говорили: «Ты же пионер!» Галстук мешал ему «выделывать». Отряд сказал Жоломану:

– Мы за тебя отвечаем, и мы будем с тебя спрашивать.

Дали ему поручение. Он его выполнил. Дали другое. Выполнил. Командир отметил его. Парнишка на глазах менялся к лучшему и однажды сказал командиру:

– Теперь я себя чувствую пионером.

Отрядная жизнь, совместная работа преобразует и самых запущенных. Устанавливаются лад, дисциплина, организованность. А дружба какая! Съезжаются ребята после каникул – бегут навстречу друг другу, обнимаются, радости сколько! Попробуйте перевести мальчика или девочку из одного отряда в другой. Драма! Будто заставляют покинуть родную семью.

Удивительное в жизни отрядов открывалось даже там, где его трудно было ожидать.

Поначалу опасались дурного влияния старших парней и девушек. Ходили воспитатели настороже, приглядывались, прислушивались. Одно успокаивало: каждый ребячий день до отказа был заполнен делами. А потом вдруг сделали открытие: в отрядах обнаружилась сила, которая незаметно облагораживала весь строй ребячьих отношений. Это – младшие дети. Нина Ивановна заметила ту силу едва ли не первая и поразились: чистые, бесхитrostные души! Они не принимают никакой несправедливости, никакой фальши, первыми встают против всего дурного.

– Они плохо поступить не дадут! – скажет она мне потом.

Жила в одном из отрядов девушка-девятнадцатилетняя Светлана Н. Дружила с парнем, он недавно закончил интернат и поступил в техникум, Светлана переписывалась с ним, называла его другом, любимым человеком, и все девочки в отряде очень бережно относились к их чувству. Но скоро они узнали, что Светлана ведёт переписку и с другими парнями, назначает им свидания. Произошёл взрыв. Младшие девочки гневной стаей налетели на Светлану.

– Это нечестно, нечестно! Ты предатель! Ты друга предаёшь. Вот возьмём и всё ему напишем!..

Единство жизни и воспитания. Воспитательный процесс идёт непрерывно. Идёт каждую минуту, на каждом шагу, на каждом квадратном сантиметре бытия детей.

ПЕРЕСТРОЙКА ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Твёрдую дорогу под ногами педагога интерната почувствовали почти все одновременно. Пришёл день, когда стало ясно, что воспитатели-надзиратели в отрядах не нужны. Порядок там свободно держался на самостоятельности, на самоуправлении.

Теперь у Григория Максимовича возникла мысль о перестройке всей воспитательной деятельности школы и о специализации воспитателей. Пусть каждый из них возьмёт в свои руки определённый участок внеклассной работы с детьми в масштабе всей школы и на этом специализируется. Кто-то возглавит эстетическое воспитание, кто-то – интернациональное, кто-то возьмёт

на себя физическое развитие, техническое творчество, организацию игр, занятия музыкой, хореографию (можно пригласить специалистов), школьный театр, «Умелые руки»... Тридцать-сорок клубов, студий, кружков и секций с ежедневными занятиями! Высвобождается 19 с половиной ставок. По 5 часов в день – это 97 с половиной часов квалифицированной воспитательной работы с детьми ежедневно. Собрался педсовет. О реорганизации воспитательной работы докладывал Г. М. Кубраков. Новая расстановка сил: два штатных дежурных педагога поочередно (через день) руководят текущей жизнью школы, остальные возглавляют свои отрасли. За отрядами на общественных началах закрепляются шефы (педагоги-консультанты), за классами – тоже.

Первый раз на педсовете было полное единодушие и полный мажор. Записали с оттенком торжества: «Провести общешкольное собрание, всех ознакомить с новой системой работы. Намеченную систему ввести с 13 октября» (с ходу, через полтора суток после педсовета). Хлынули потоки предложений. Что такое был до этого план воспитательных мероприятий школы? Пять-шесть страничек немудрёного текста. Теперь получался целый труд в 40 страниц машинописи. Прорисовывалось два главных принципа: систематичность и многогранность. Не случайная тематика и отдельные мероприятия, а система работы по каждому из воспитательных направлений, самых различных – от развития памяти и умения работать с книгой до опрятности и бережливости, от трудолюбия и физического развития до высоких волевых и нравственных качеств, общественной активности и любви к искусству. И всё планировалось так, чтобы 80–85 процентов времени занимали практические дела.

Мечталось о хороших специалистах – они нашлись, хотя и немного. Учителя, воспитатели выбрали (каждый!), что им ближе по склонностям, стали совершенствоваться, специализироваться, обзаводиться пособиями. Развернулась охота за специальной литературой, диафильмами, журнальными и газетными статьями. Куда бы кто ни поехал – в Алма-Ату, в Москву, в иные города, – непременно везёт оттуда себе и товарищам что-то нужное для воспитательной работы. И обретала она уже совершенно иное качество, иной, непрерывно повышающийся уровень. Какими бедными, несовершенными казались теперь те «классные часы» и прочие классные мероприятия, которые проводились до сих пор!

Был в школе небольшой факультативный кружок музыкантов. Из него вырос охвативший своим влиянием всю школу клуб любителей музыки. Ни мало ни много – почти половина интернатских детей стала его активной силой. Сразу взяли курс на самый высокий класс работы. Связались с Москвой, с композиторами Кабалеvским, Соловьёвым-Седым, Пахмутовой. Попросили советов. Все трое отозвались горячо и оперативно. Дмитрий Борисович Кабалеvский прислал подарок, о котором здесь и помыслить не решились бы, – комплект пластинок с записью шести его бесед о музыке, а с ними письмо, фотографию и набор музыкальной литературы. Это был праздник! Беседы композитора, замечательного энтузиаста работы с детьми, определили развитие музыкальной жизни школы. Охотно пошла навстречу областная филармония. Она стала добрым советчиком детского клуба, помощником в организации таких капитальных дел, как лекционные концерты.

Быстро стал преобразжаться и богатеть школьный кабинет музыки и пения. За недолгое время там собралось 80 магнитофильмов, рассказывающих о композиторах и исполнителях, сотни самых различных грампластинок, книги и журналы, сборники песен, проигрыватели «Стерео» и «Электрофон», телевизор, магнитофон, 12 баянов, инструменты духового, эстрадного оркестров, народные инструменты (заметим попутно: это уже не чьи-то дары, это куплено за деньги из трудовых доходов школы).

– Здесь ребята учатся музыке, учатся слушать её и понимать, – объясняют учителя. – Музыка по-новому открывает им окружающий мир, воспитывает душевную чуткость, облагораживает. Клуб знакомит с творчеством композиторов и исполнителей, делает эмоционально богатыми все наши праздники, всю нашу жизнь. У нас три оркестра! Хор большой... Клуб проводит музыкальные вечера, недели музыки, ребята имеют возможность слушать самые выдающиеся произведения, лучших исполнителей и даже встречаться с мастерами искусства, лауреатами – школа приглашает их к себе.

Тут мало сказать: «Хорошо». Это прорыв в мир современных форм работы школы! Я посмотрел, что это дало, – почитал ребята выказывания. «Музыкой я увлекаюсь всё больше и больше, – написала девятиклассница Алма Калдырова. Мне уже мало слушать её. Я много книг о ней читаю, узнала судьбу Бетховена, Шопена, Рахманинова, Моцарта, Чайковского...»

«Когда я слушаю Баха, – пишет её ровесница Надя Сулова, – меня поражают величие, сила и красота его музыки... Сколько чувств, сколько тайн и глубоких дум в этой музыке!»

А вот – мир физического развития. Любопытная деталь: в спортивных соревнованиях школ района интернат стал занимать первые места. Дети с ослабленным здоровьем!.. На областные соревнования от Мамлютского района стала выставляться команда интерната, и она занимает там обычно второе место, уступая лишь команде областного центра. Факты эти говорят ещё и о том, чего стоит традиционная постановка физического воспитания в школах с двумя уроками физкультуры в неделю.

В Мамлютском интернате ежедневные занятия физкультурой и спортом стали такой же нормой, как сон и еда. За счёт освоенных воспитательских ставок школа увеличила штат физруков. Физруки подготовили себе хороших помощников в каждом разновозрастном отряде. За один только год в спортивном активе школы появились 53 судьи и 21 инструктор. Целая спортшкола! Спортивную базу создавали несколько лет. Богатый получился стадион. Нет в районе другого такого стадиона, как в интернате! Два футбольных поля, две волейбольные площадки, две баскетбольные, оборудование для маленьких и для больших, и всё обустроено так, что просто неудержимо зовёт к себе ребят. Начали работать 8 спортивных секций, 11 групп, для каждой подобраны учебные кинокартины, диафильмы, литература. К физруку Г. С. Телёпину-старшему, первому организатору физического воспитания в интернате, в свой час присоединился физрук В. Г. Телёпин-младший, сын ветерана, питомец этой школы.

Утром, днём и вечером в спортзале и на стадионе идут тренировки, игры, подготовка к кроссам, внутришкольным соревнованиям, к сдаче норм на значки ГТО. Каждый день, в любую

погоду. Кончается лето – школа наряжается. У неё большой спортивный праздник: закрытие летнего сезона. Идут соревнования между отрядами, на личное первенство. Гремит аплодисментами стадион. А октябрьские праздники, 23 февраля, День Победы встречают массовыми кроссами.

Санаторный интернат стал школой здоровья, школой крепких мускулов, развитой воли и высокой активности.

Родилась и вступила в действие ещё одна широкозахватная воспитательная организация ребят. Она взяла на себя заботу о богатстве и полноте их эстетической жизни, о красоте убранства школы, её залов, коридоров, вестибюля, всей школьной территории, о развитии художественной культуры и талантов детей. Это клуб ИЗО. В него рванулась вначале чуть ли не вся масса воспитанников. Очень красивое было вывешено объявление. Глаза разгорались! Постепенно всё вошло в свои берега. Но активно рисующих и устремлённых к мастерству оказалось всё равно много: 50 человек – две группы. Пришлось отдать им под студию самый большой зал – в 66 квадратных метров. Скоро он стал выглядеть как маленькая академия художеств с живыми зелёными арками из кружевных веток плюща и аспарагуса. На стенах – портреты Репина, Шишкина, Сурикова, Левитана, галерея редкостных репродукций. Гипсовыми глазами смотрят Аполлон, Венера, Лаокоон, тут и там белеют резные слепки розеток и капителей, стоят настоящие мольберты, сделанные ребятами в школьной мастерской. А на столах – альбомы с репродукциями, журналы «Искусство», «Художник», «Юный художник», «Декоративное искусство» и целый арсенал подсобной индустрии – диапроекторы, кинопроектор, фильмоскоп, электрофон «Концертный»,

магнитофон, эпидиаскоп, телевизор... (Мне дали справку: для кабинета музыки и студии ИЗО школа приобрела учебного имущества на 13 тысяч рублей.)

Сколько бесед провели в школах страны классные руководители о художниках? Бессчётное число. Но что такое случайная беседа с показом случайных открыток и литографий? Велика ли эмоциональная сила таких встреч с искусством, глубок ли эстетический воспитательный след?

В клубе ИЗО сами эти беседы (точнее – вечера) стали явлениями искусства. Для всех ребят это каждый раз – вхождение в творческий мир живописца. Как много теперь об этом рассказывают в школе! Долгой была подготовка к первой встрече с Репиным. И вот – вечер. В зале медленно гаснет свет, лишь луч прожектора прорезает темь, высвечивая портрет художника. Тихая мелодия вливается в зал и словно уносит в какой-то другой, необычный мир – «Песня без слов» Чайковского. В тишине раздаётся неторопливый голос ведущего – юного художника:

– Илья Ефимович Репин...

На экране, сменяя одна другую, проходят цветные фотографии. Дом. Слободка. Топографическая школа. Здесь он рос и учился. Набережная Невы. А вот и Академия художеств... Ведущий рассказывает о первых работах, о захватившей воображение художника встрече с бурлаками. Силушка русская!.. Где-то вдали зарождается новый напев – глуховатый, вздыхающий... «Дубинушка». Это включена магнитофонная запись: школьный хор с оркестром подготовили бурлацкую песню. И вот появляются на экране его бурлаки. Нарастает, просторно катится над ними русский напев, покрывая шум ребячьих аплодисментов, адресуемых

авторам композиции. Песня удаляется, звенит голос чтеца:

Выдь на Волгу!
Чей стон раздаётся
Над великою русской рекой?!

Зал слушает рассказ ведущего о замысле, об истории работы над картиной. И как продолжение темы, как напоминание о судьбах, ожидавших подневольный и непокорный люд, печальным перезвоном доносится новый хоровой напев:

Динь-бом, динь-бом, слышен звон кандалный. Арестант в армяке у порога. Немой крик изумления в синих глазах мальчишки... «Не ждали!». А где-то «за кадром» всё ещё слышится: «Динь-бом, динь-бом...» Оживает история. Волнуясь, операторы готовят самый потрясающий кадр, который с оркестровой бурей заставит вздрогнуть зрителей, – страшен вид грозного царя-сыноубийцы!..

Забудет ли кто этот вечер, останется ли после него таким, каким был? А на очереди другие такие же встречи – с творчеством Сурикова, с его «Утром стрелецкой казни», с его Ермаком, с «Переходом Суворова через Альпы», с поэтической прелестью картин Шишкина, с работами советских художников... Не близок путь от интерната до Эрмитажа и Третьяковки, но ребятам легко «бывать» и там – есть многосерийные цветные диафильмы «По залам Третьяковской галереи», «По залам Эрмитажа», есть цветные диапозитивы с картин Леонардо да Винчи, Джорджоне, Тициана, Рафаэля, Веласкеса, Рубенса, Гойи, Веронезе...

Не скучают в студии мольберты и палитры – два отряда юных художников изо дня в день по очереди работают здесь кистью и

карандашом. Школа развивает таланты, таланты украшают школу, её жизнь. На диво нарядными становятся праздники, балы, карнавалы, вечера, школьные колонны на демонстрациях, от толка до пола расписанные кабинеты. И одна другую сменяют выставки ученических картин, плакатов, произведений декоративно-прикладного искусства.

Решительные шаги за грань предписанного. Многого ли сегодня достигнешь без них?

И вдруг проглянул эффект, которого совсем не имели в виду: многие питомцы клуба пошли в учителя. В сельских школах, куда их направили, они квалифицированно повели уроки изо и взялись налаживать работу по эстетическому воспитанию ребят. В интернате называют разнонациональные имена «первых ласточек»: Самат Касымов, Элла Шульц, Серикбай Касмакасов, Марина Сергиеня...

Есть в школе место, к которому душой тянется и юный пионер, и старый учитель. Это созданный стараниями всех классов и отрядов музей В. И. Ленина – центр идейно-политического воспитания. План создания его обсуждали всей школой. Установили связь с ленинскими музеями страны, с ветеранами партии, знавшими Ильича. Передал свои воспоминания о вожде первый секретарь партийной ячейки Кремля А. П. Пирогов. Вальтер Ульбрихт с дарственной надписью прислал свою книгу «Живой Ильич». Подарили книги с автографами старые большевики Г. Я. Лозгачев-Елизаров, В. Ф. Сивков и другие. Приобрели грамзаписи воспоминаний о вожде революции, магнитофильмы художественных произведений о нём. Народный художник СССР Н. Н. Жуков прислал набор портретов В. И. Ленина.

Сейчас сюдаходишь и чувствуешь: это музей особый, школьный, во многом рассчитанный на освоение образа Ленина детским сердцем, как сказала бы Мариэтта Шагинян. Он и оформлен с особым старанием членами клуба ИЗО. Здесь собрано около 5000 экспонатов. Свежую, живую струю внёс музей в систему идейно-политического воспитания ребят. В их жизнь Ильич вошёл не лозунгом, не сухой книжной формулой, а живой личностью, понятной, душевной, с детства пылливой и полной энергии, устремлённой к высоким целям, образом настоящего человека, которому хочется подражать.

«С открытием музея, – написала в одной из своих статей его руководительница К. И. Ветчина, – у нас появились новые интересные и содержательные формы работы. Для малышей путь к знаниям начинается не в классе, а в музее Ленина. Все ленинские уроки старшеклассников тоже проходят здесь. На базе музея организована школа юного ленинца. Совет музея разрабатывает тематику докладов, лекций, бесед, используя собранные здесь материалы».

И очень ценную Клара Ивановна отмечает подробность:

«Многие ребята работали над оформлением музея, и это стало для них школой политических интересов. Помню, вначале Алма Калдырова, например, как-то не очень близко к сердцу принимала всё то, что касалось музея, развитыми социальными интересами не отличалась. Но работала. Вместе со всеми оформляла экспозиции, альбомы. От дела к делу – заинтересовалась документами об Ильиче, о его соратниках, захотелось больше узнать о них. Через год она уже проводила с ребятами первые беседы о Ленине, о его школьных годах, показывала

диафильмы, знакомила с жизнью Марии Александровны и Иллы Николаевны Ульяновых. И как интересно было её слушать!»

А рядом – мир техники. Попискивает морзянка. Швед Стен передаёт с судна: шторм 9 баллов, координаты: норд 15, вест 53. Ребята смотрят на карту, находят точку вблизи Гвианы. У них тысячи связей со всеми континентами, включая Антарктиду. Радиостанция – их увлечение и радость. Многие становятся отличными радистами, некоторые кандидатами в мастера и даже мастерами спорта по коротковолновой связи.

В отдельной комнате – конструкторы. У них своя секция. Это подростки и юноши 11-16 лет. С паяльниками в руках они монтируют всякие радиопремудрости вроде усилителей, переключателей, карманных приёмников, ремонтируют телевизоры, проигрыватели, магнитофоны. Не спеша, с чувством, с толком своими руками изготовили систему селекторной связи, соединили кабинет директора с диспетчерской, воспитательской, учительской, медпунктом, водонапорной башней, котельной, мастерской, теплицей, животноводческим комплексом, гаражом. Изготовили, установили – работает!

Под крылом технической студии занимаются картингисты. Изучают двигатель, совершенствуют конструкцию минимашин, показывают на соревнованиях виртуозную технику езды.

И всё это течёт в одно русло – педагогическое, воспитательное. Всё должно работать на разностороннее развитие детей. Об этом помнят.

– Работа в студии, – говорил первый её руководитель А. Ф. Зуев, – даёт толчок техническому творчеству, расширяет кругозор ребят, сферу умений, знаний не только в области радиотехники,

но и географии, истории, астрономии, картографии, метеорологии, способствует патриотическому, эстетическому, интернациональному воспитанию.

А вот школьная журналистика – объединение актива радио и печати. Ведёт занятия юных корреспондентов учительница Т. А. Ускова. Вокруг неё собрались юнкоры отрядных стенгазет, школьного радиовещания, общешкольной газеты «Товарищ» – мальчики и девочки начиная с четвёртого класса. Часто встречаются школы, в которых стенные газеты из верных помощников педагогов превращены в парадные плакаты, а юнкорский актив базируется в «общих указаниях».

Т. А. Ускова учит своих питомцев не только писать заметки, оформлять газеты и отрабатывать дикцию радиорепортёров, но и наблюдать, видеть, принципиально оценивать дела и поступки, занимать активную позицию в жизни, вмешиваться во всё, что происходит вокруг, следить за публикациями в газетах, интересоваться политическими событиями. Юнкоры старшей группы пишут статьи, отзывы о фильмах, школьных спектаклях, книгах. Думай, оценивай, наступай! Возникают споры о поступках и неготовности к поступкам, о личных недостатках, дурных привычках, ложных убеждениях. Тогда встаёт вопрос: как влиять? И вот появляется в стенгазетах рубрика «Будь настоящим человеком» – затевается разговор о том, «как создавать себя», с чего начинать работу над собой, как освобождаться от недостатков и что получается, когда человек оправдывает, прячет их, хранит в себе, как некий груз, с которым трудно расстаться. Началось наступление на грубость, безразличие, лень, чванство – заперестрели по коридорам «молнии», сатирические листки, пошли по всем уголкам

юнкоровские рейды. Приближается Новый год, подходит Первомай – объявляется очередной конкурс стенной печати. И сразу преобразились коридоры: целые галереи стенгазет – одна одной боевее и интереснее!

Вот так на всех направлениях воспитательной работы – с устремлённостью на непреходящий педагогический результат.

Новые родники забили в жизни клуба интернациональной дружбы. Вечера заочных путешествий по ГДР, Болгарии, другим странам с показом их городов и сёл, природы, с исполнением стихов и песен, с рассказами об их национальной культуре, обычаях, с организацией викторин. Приходит 8-е февраля – вся школа читает память юных героев разных стран, погибших в борьбе с фашизмом. Плакаты вывешивают, доклады делают, читают стихи на немецком и английском языках. Как и всюду, идёт переписка, обмен фотографиями, отправляются посылки детям освобождёвшихся стран. Из ГДР приходят бандероли с плакатами. Они собирают около себя зрителей на вечерах, появляются на стенде «Дай руку, товарищ далёкий!». И словно сокращаются расстояния, ближе и роднее становятся дети разных народов, и ещё дружнее себя чувствует многонациональная семья интерната, в которой собрались казахи, русские, татары, украинцы, немцы, литовцы, корейцы, белорусы, чувашаи... И дорого ещё одно: вся жизнь клуба строится так, что помогает ребятам осваивать иностранные языки. Овладение ими – это уставная обязанность членов клуба. Её надо выполнять!

Так же горяча и жизнь клуба красных следопытов, которая увлекает ребят дальними походами, ответственными поисками и для всей школы интересными вечерами.

Не зря этот клуб удостоен диплома 1-й степени газеты «Известия» и других наград. Та же энергия деятельности и у любителей природы, которые со знанием дела и энтузиазмом охраняют её, зимой на лыжах развозят зайцам капусту, а весной расставляют на озёрах укромные корзинки диким уткам для гнёзд.

Рассказал я не обо всех воспитывающих центрах школы. Есть ещё объединения садоводов, полеводов, строителей, животноводов, овощеводов, юных машинисток, кинофотолюбителей, юных рукодельниц, любителей драматической сцены, хореографов, кукольного театра, лесоводства, цветоводства, машинноведения, автодела.

Настоящим учебно-производственно-воспитательным комбинатом стала эта школа. Какой УПК сравнится с нею?!

И стучится в сердце мысль: вот какая школа нам нужна сегодня! И вспоминаются горькие и непримиримые слова Г. М. Кубракова, высказанные на одном из крупных педагогических совещаний:

– Слишком узок фронт деятельности у большинства школ: урок, собрание о дисциплине, классный час, сбор макулатуры, в лучшем случае встреча с ветеранами – вот, пожалуй, и всё.

Но может ли быть иначе, когда с педагогических вершин доносилось: «Главное – это урок!»?

Здесь, в интернате, вся работа с детьми – главное!

Пишу и вижу: пришла пора показать ещё один «участок фронта» – трудовую жизнь этой сегодняшней школы будущего, показать, как руки разум учат и что это такое – школа-хозяйство. Но прежде я должен ответить на вопрос, который,

нетрудно догадаться, уже додумает кого-то из читателей: как ходят время на всё? Нельзя не ответить. Есть просвещенцы, которые считают, что у детей сутки делятся всего 6 часов. Максимум 9. В Мамлютке они значительно длиннее. Поэтому здесь свободно выделяют целый час ежедневно на производительный труд и полтора-два часа на развивающие занятия, на выход в мир интересных дел, которые начинаются сразу после ужина, а в выходные идут и днём.

Итак, трудовая жизнь. Пусть рассказ о ней начнёт директор интерната Григорий Максимович Кубраков. Даю целиком одну его статью.

ШКОЛА-ХОЗЯЙСТВО ИЛИ ШКОЛА В ХОЗЯЙСТВЕ?

Существует мнение, согласно которому труд считается не главным занятием детей. В таких случаях, как правило, говорят: «Главный труд детей – учёба». Так когда-то понимал эту проблему и я. Давно это было, 30 с лишним лет тому назад, когда начал свою педагогическую деятельность. Бывало, смотрю, как дети трудятся на пришкольном участке, с каким азартом и увлечением, и думаю: «Учились бы вы на уроках с таким рвением!» А того не понимал, что для детей труд – это тоже учёба, что не уроком единым жив ученик. Сейчас стыдно вспоминать – до чего же мы, педагоги, бываем далеки от детей, хотя и постоянно находимся вместе с ними, и до чего же примитивен и противоречив бывает наш педагогический подход к проблеме «труд – учёба». Все мы понимаем, что когда-то человеком сделал человека труд, но и теперь главное в жизни человека – труд,

а мы внушаем школьнику: для тебя главное – учёба, а не труд. Будто школьник не человек. Парадокс? Видимо, всем нам, кто причастен к воспитанию молодёжи, особенно школьным работникам, надо серьёзно задуматься над застаревшими проблемами, тезисами и лозунгами, пришедшими к нам из глубины времён, задуматься над тем, не пора ли некоторые из них пересмотреть в свете тех огромных изменений, которые происходят в нашем обществе? К этому призывает нас и реформа школы.

Труд. Как он разнообразен и неоднозначен! Не всякий труд воспитывает коммунистическую личность. Эту истину знают все. Но вот вопрос: знаем ли мы хотя бы с минимальной достоверностью те формы детского труда, которые бы гарантировали формирование коммунистической личности? К сожалению, не знаем. Нам хорошо известны отдельные образцы положительного опыта, в ряду которых ярко и зримо выделяется опыт А. С. Макаренко. Но, как известно, наша педагогическая наука опытом А. С. Макаренко, имеющим по оценке А. М. Горького мировое значение, пока серьёзно не занимается, не изучает его и не внедряет в школы. Хотя и пытаются педагоги-практики и теоретики-энтузиасты этот опыт возродить, но приживается он очень трудно. Педагогическая наука разрабатывает совершенно иной, не макаренковский подход, даёт практике совершенно иные, не макаренковские рекомендации. Рассмотрим это на примерах.

В стране существует много вариантов привлечения школьников к производительному труду. Все их при внимательном анализе, исходя из основных существенных признаков (организационных форм и содержания работы), можно подразделить на две группы.

Первая – когда труд организован на базе совхозного (колхозного) и промышленного производства, когда трудовые объединения школ, состоящие в основном из старшеклассников, являются структурными подразделениями своих базовых предприятий. Вторая – когда труд организован на базе собственного школьного хозяйства, когда трудовым объединением является весь коллектив школы от мала до велика.

Как видим, существует два варианта привлечения школьников к труду. Обобщённо назовём их так: «школа-хозяйство» и «школа в хозяйстве». Первый вариант, нетрудно заметить, – макаренковский, второй – рекомендуемый сегодня нашей академической наукой. История педагогики со временем этим вариантам направлениям даст свои, более точные определения, мы же пока их так и будем называть – макаренковский вариант – направление и академический, макаренковская школа и академическая.

Итак, школа-хозяйство или школа в хозяйстве? Это вопрос, от решения которого будет зависеть дальнейшее развитие советской школы. Вспомним: в 1922 году в своём заявлении в Центральный институт организаторов народного просвещения, касаясь основных проблем педагогики, А. С. Макаренко писал так: «Русская трудовая школа должна совершенно наново перестроиться... Основанием русской школы должна сделаться не труд-работа, а труд-забота. Только организация школы как хозяйства делает её социалистической».

Педагогический коллектив нашей школы-интерната 18 лет назад избрал макаренковский вариант. Привела нас к этому сама жизнь, весь ход развития школы. Мы поняли, что надо отказаться от услуг совхоза «Прогресс», на полях которого в первые годы

работала наша ученическая производственная бригада. Теперь мы имеем своё учебно-производственное хозяйство. Оно состоит из семи бригад (полевые, овощеводы, садоводы, цветоводы, строители, животноводы и школьное лесничество). Работает хозяйство непрерывно круглый год. В нём имеется 30 гектаров пахотоспособной земли, на которой выращивается фруктовоягодный сад (4,8 га), овощные культуры (4,5 га), зерновые (15 га), цветы (2 га), сосновый парк (3,5 га), размещается большой опытный участок (2500 кв. м), дендрарий. Имеем свою технику – 6 тракторов, 5 автомашин, 2 комбайна, 28 навесных и прицепных сельскохозяйственных орудий, некоторую строительную технику. На животноводческой товарной ферме содержится до 100 голов свиней, столько же кроликов и кур. Есть пасека из 25 пчелиных семей. Есть производственные мастерские и теплица.

Всё это создано своими силами и приобретено на средства хозяйства, которое даёт ежегодно 25–30 тысяч рублей дохода.

Испытав две формы организации трудового обучения и воспитания школьников: 1) производственная бригада на базе совхоза плюс школьная мастерская и 2) собственное хозяйство, в том числе школьная мастерская, мы пришли к твёрдому убеждению, что с точки зрения педагогической эффективности предпочтительнее отдавать, безусловно, собственному хозяйству. Собственное школьное производство – наилучшая форма приобщения детей к труду, при которой не утрачивается главное – единый коллектив. А коллектив – это, как известно, самый эффективный инструмент, с помощью которого можно успешно формировать

активную коммунистическую личность. А. С. Макаренко не случайно, не по недомыслию не повёл своих воспитанников на поля и фермы соседних хозяйств, а создавал собственное производство и строго следил за тем, чтобы оно было образцовым.

Школа-хозяйство имеет много преимуществ перед УПК и производственной бригадой, действующей на базе совхоза (колхоза). Школа-хозяйство – это совхоз (колхоз) в миниатюре: почти та же структура, те же заботы, радости и огорчения, тот же производственный, политический и эстетический настрой. Хозяйство – это полное структурное подразделение школы с единым планом, ответственностью, руководством. Это один из важных компонентов учебно-воспитательного процесса. Все учащиеся (с I по X класс), педагоги, рабочие, специалисты здесь объединяются в единый школьный коллектив с едиными партийной, профсоюзной, комсомольской организациями. Бригада же и межшкольный комбинат не полное структурное подразделение, они имеют дело с двумя организациями, у них два коллектива, два хозяина – совхоз (завод) и школа. Нетрудно заметить, что такая разобщённость вызывает действия бригады и межшкольного УПК, создаёт искусственные преграды, лишает школьников самостоятельности, инициативы и чувства хозяина.

Известно, какое большое значение имеет постоянное производственное окружение детей. Не только летом, но и в течение всего года наши учащиеся каждый день бывают в рабочей форме – на полях, с техникой, в кругу рабочих и специалистов: земля у нас – вокруг интерната, техника – во дворе, рабочие и специалисты – всегда рядом. Постоянное соприкосновение

учащихся с рабочим коллективом и техникой – это хорошая школа рабочей закалки и профессиональной ориентации.

Иногда приходится слышать и читать: «Школа-детхоз – это замкнутое, изолированное от общества хозяйство. При этом, призывая уводить детей к шефам на производство, ссылаются на ленинский тезис: «Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами». Но ведь в школах-хозяйствах дети тоже не робинзоны, тоже трудятся с рабочими и специалистами. В нашем хозяйстве, например, их 7 человек: тракторист, 2 свинарки, шофёр, токарь, пчеловод, зоотехник-агроном. Нельзя же думать, что, если они работают не в совхозе, а в школе, они уже не рабочие.

Нам представляется, что школа-хозяйство намного теснее и значительно ближе связана с целым обществом, чем академическая школа. Она напрямую органично и непосредственно входит в общую социалистическую систему, как самостоятельный трудовой коллектив в целое общество.

Академическая же школа как структурное подразделение базового хозяйства входит в общество не напрямую, а опосредованно, через своих шефов, и входит не как подсистема в систему, а только как часть подсистемы, входит не весь школьный коллектив, а только та его небольшая часть, которая связана с базовым хозяйством производственными отношениями, т. е. старшеклассники и их классные руководители. Остальная же часть коллектива постоянно с производством не связана, в производственные отношения не вступает. Направляется вывод: академическая школа, несмотря на некоторые трудовые поправки к её профилю, в отличие от макаренковской трудовой школы в своей основе

остаётся, как и прежде, школой теоретической.

Возникает вопрос: какой должна быть наша советская школа после реформы – таким же, как и прежде, только надстроечным явлением в обществе или базисным? Ведь если в школе, подобной нашей, есть земля, машины и другие средства производства, значит, в такой школе по логике вещей должно существовать и действительно существует школьное производство, где непременно возникают определённые производственные отношения. Но если существуют производственные отношения, значит, они, по Марксу и Ленину, «основные», «первоначальные», «определяющие все остальные отношения», в том числе и учебные. И если это так, а это так, и иначе быть не может, то из этого следует, что такая школа по своей структуре представляет из себя не только идеологическое, надстроечное, но и базисное явление, в котором базисное занимает основную, ведущую роль. И тогда вырисовывается сомнение: а правомерен ли тезис «Главный труд детей – учёба», если ведущую роль занимают отношения детей, складывающиеся в производственном, а не в учебном процессе?

Вот такие вопросы задаёт нам жизнь. Главный из них – что во что вводить: хозяйство в школу или школу в хозяйство? Наш коллектив ответил на него применением опыта А. С. Макаренко и убедился в ходе почти двадцатилетней практики, что ответил правильно. Вот почему мы считаем, что школа должна развиваться как школа-хозяйство. Это обеспечивает наилучшие результаты в воспитании детей, единство школьного коллектива, большую самостоятельность и ответственность учащейся молодежи.

ХОЗЯЙСТВО – КАТЕГОРИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ

Сентябрь начинается с досад. Сто новичков! Все разные – от маленьких до старшеклассников. И все в чём-то одиноким. В коридорах снова звучат «осенние мотивы» техник:

- Господи, где они воспитывались?! Без спроса рвут цветы, везде мусорят, воду разливают...
- Страшно неаккуратные.
- Веник держать не умеют! Кран забывают закрыть!

В отрядах вступает в действие макаренковский «метод взрыва».

Нашли ребята, кто рвал цветы. Он всю клумбу обезобразил – самые красивые оборвал. Его звали Кайрат. Оказался таким же сорванцом, как Жоломан. «Нельзя трогать, а я вот трону». Так привык. Для него это удовольствие. Вызовут в учительскую? Ну и что? Поругают и перестанут. А он будет ходить с независимым видом...

Но разговор с ним повёл отряд. Ребята обступили его со всех сторон, командир сказал:

- Ты умеешь только портить? А что-нибудь делать, как человек, ты умеешь?

Хлопец тяжело поднял узкие мерцающие глаза:

- А чего делать-то?
 - До тебя вот тут из пустыря красоту сделали. А тебе лучше, чтобы тут всё опять колбочками заросло?
- Кайрат молчал. Фонтанчик чёрных волос на макушке отблёскивал антрацитом.

- Чего молчишь-то? – наседали ребята, – Мы будем делать,

а ты будешь разваливать? Отвечай!

- Уж и цветок нельзя сорвать... – прогудел виноватый.

Ты отвечай, будешь беречь или будешь портить?

Кажется, целую вечность длилось молчание. Отряд ждал ответа. Хлопец что-то чертил на полу носком тапочка и наконец горестно пожал плечами:

- Ну, раз нельзя...
- Понятно, – уже мягче сказал командир. – А вещи твои почему раскиданы? Всё сложи на место, и чтоб этого больше не было. Кайрат стрельнул глазами по ребячьим койкам, тумбочкам и взялся наводить порядок у себя.

Интересное дело! День ото дня ребята убеждались, что он не такой уж и бездельник, каким показался вначале. Во время прогулок он с вататой ребят бегал в зоодром, где жили кролики, хомячки, маленькие курочки, голуби, попугаи, кормил их, брал на руки забавных пушистых крольчат, а чтоб дежурные не ворчали, маленько помогал им убирать в вольерах. Когда выходили на школьный огород собирать урожай, Кайрат не стоял ни минуты, живо кидался на каждый помидорный куст, срывал сперва самый крупный плод и кричал в восторге:

- В-во бом-ба!

И он никак не мог остановиться, когда объявлялся конец рабботы. В рамках класса ему было просто тесно. Всё детское существо его рвало в живой мир и протестовало против насильственного ограничения этого мира каменными стенами школьных кабинетов. Чем дальше он учился, тем острее ощущал, что оторван от жизни, становилась насильно над потребностями его естественного развития и вызывала неприязнь.

Его одолевало тяжкое уныние, когда это насилие оправдывали, с академическим видом повторяя: «Твой главный труд – учение». Он испытывал нарастающий голод, тоску по живой деятельности, и, когда этот голод оставался неутолённым, мальчишка «вытворял чудеса». И конечно, получал по заслугам.

Да не преступление ли мы совершаем перед детьми, держа их и поныне на пайке ограниченной деятельности? Всерьёз ли нынешней педагогике трудно понять, что, только сполна насыщая потребности растущего человека, мы обеспечиваем его безущербное развитие и подогреваем интерес к умственным занятиям?

Кайрат быстро втягивался в новую жизнь. Через неделю он получил «руководящую должность»: отряд выбрал его своим представителем в общешкольную трудовую комиссию. В эту комиссию входят по одному ученику от каждого отряда и несколько учителей, она планирует производительный труд, закрепляет за отрядами участки работы, организует месячники по благоустройству территории, недели охраны природы, праздники первой розы и праздники урожая, трудовые конкурсы и вечера. Передней Кайрат отвечал за трудовые дела своего отряда.

Пришёл он с первого заседания комиссии серьёзный, с радкой в руке и командиру сказал, держась ответственно:

– Тут много чего. Сказали – собрать отряд.

Перед отрядом он стоял по-командирски, опустив руки, смуглый лоб его напряжённо морщился, фонтанчик на макушке, отдававший антрацитовым блеском, вздрагивал. Он говорил сбивчиво, останавливался, позабыв слово «месячник», командир ему

подсказывал, но в общем ребята поняли: готовится месячник по благоустройству, а завтра весь отряд после тихого часа должен выйти на подготовительные работы.

– Слушаюсь, товарищ начальник! – шаловливо отдал честь маленький Коля.

Кайрат освобождённо улынулся и пятернёй, по-братски взьерошил ему волосы.

«Начальник»... Тут все были начальники и все подчинённые. Один был членом санитарной комиссии, другой – культурной, третий – политической – всего набралось в отряде 13 представителей комиссий, и каждому из них подчинялись все, когда приходил час вступать ему в действие. Получалось: всяк попеременно вступал в ходе дня то руководящим, то подчинённым лицом. У Кайрата в тот день вышло так: он был дежурным по столовой и там руководил порядком, а сам с утра побывал в подчинении ответственного за физзарядку, потом – члена санкомиссии, после – дежурного по классу, дежурных по учебному корпусу. В час труда он вёл отряд во двор на работу, а когда она кончилась, требовал, чтобы все хорошо вычистили инструменты. После этого со всем отрядом он попадал в подчинение ответственного за самоподготовку, потом – президента клуба, в который захотелось ему записаться. Так за весь день он побывал в руководящей роли раза 4–5 и 8 или 9 раз – в роли руководимого. Интересная получилась наука! Он учился быть организатором, требовать порядка, делать замечания и... принимать требования и замечания других.

С нового заседания комиссии он примчался возбуждённый, деловитый и сказал звонко:

– Яков Аронович та-акой план задумал!..

Для Кайрата самым удивительным человеком в интернете был биолог Я. А. Фрезе. Виски у него совсем седые, но он не ходил, а бегал с одного участка на другой – ему надо было успевать и в огороде, и в питомнике, и в «зелёной лаборатории» – на опытном участке. И он ещё управлялся рассказывать ребятам, как в детстве помогал матери ухаживать за цветами, как ходил и считал, сколько георгинов зацвело, как мальчонкой брался за всякую крестьянскую работу и учился выполнять её хорошо.

– Это большая радость, – говорил он, – когда хорошо сделаешь. Радость такого труда не сравнима ни с какими другими радостями!

На комиссии, по словам Кайрата, он сказал:

– Вы видите эти клумбы, эти наши красивые аллеи? Всё это было заложено под руководством нашей замечательной учительницы Валентины Сергеевны Мишкаревой, которая теперь на пенсии. Мы с вами должны раздвинуть границы этой красоты ещё дальше!

– Потом он сказал, – посыпал Кайрат, – что мы превратим участок вокруг школы в красивый парк, а ещё заложим большой сад – там будут яблони, смородина, сливы! – Он переводил дух и сыпал дальше: – Там юннаты были. Они уже обязательства ставили. Длиннине!..

Всю середину осени ребята, учителя, рабочие сажали яблони, кусты крыжовника и смородины. Яков Аронович показывал всем, как надо делать в ямке мягкий холмик, как расправлять на нём корешки саженцев. Кайрат строго приглядывался, и потом пальцы его аккуратно, не спеша расправляли корневые волокна яблонь, которые он сажал с воспитательницей и своим шефом

из отряда. Зимой он не один раз вспоминал о своих саженцах, даже видел их во сне – видел, будто пожгло их морозом и они стоят чёрные, как уголь. Было жалко и обидно. А весной, как только сошёл снег, он побегал с ребятами на садовый участок и прилетел оттуда к командиру лучистый и запыхавшийся.

– Принимаются! – выпалил он. – У смородины уже почки зелёные язычки показали!

Всю зиму в школьной мастерской мальчишки делали ящики для рассады, скворечники, синичники, клетки и вольеры для маленьких обитателей зоодома. Кайрат с друзьями бегал к ним, дурашливо балагурил с крольчатами, которые сидели за сеткой, навострив ушки.

– Чудаки, мы вам скоро стадион сделаем. Вольер называется. Вот раздолье вам будет! – Он широко махнул шапкой.

Крольчата от радости резво носились по клеткам, а хлопцы заливались смехом.

Через неделю Кайрат писал домой:

«Тут я привык. Интересно тут. Когда приеду на летние каникулы, то буду, наверно, сильно скучать по маленьким кроликам. А яблоньки наши приживаются. Уже листочки наклюнулись. Интересно! Я, когда сажал их, корешки им расправлял, как Яков Аронович показывал. А теперь мы порыхлили приствольные круги, теперь у них дыхание будет хорошее. И учиться тут интересней. Пятёрку заработал по дисциплине. А ещё я научился немножко столлярничать и инструменты затачивать. Дома теперь буду вам помогать».

Вот такая хорошая началась у него жизнь. Но почему-то не понравилась она комиссии, которая в это время проверяла

школу. Над головой директора в учительской раскатывались научно организованные громы.

– Всё у вас хорошо: и порядок, и успеваемость, и поведение ребят. Ребята замечательные! Но зачем это школьное хозяйство?

Отвечали учителя:

– Чтобы росли замечательные ребята. Как у Макаренко.

Директор добавлял:

– Можно ли без хозяйства вырастить хороших Хозяев?

– А учение для чего? – гремело в ответ. – Книги, парты, учителя? Самообслуживание для чего? У вас есть вёдра, швабры, тряпки? Вот и воспитывайте хозяев!

Вот и воспитывайте...

Нет, школа продолжала идти своим путём. Отлучаясь ненадолго, Григорий Максимович подлечивался, заживлял открывавшиеся раны и спешно возвращался к делам.

В организации трудовой жизни, трудового воспитания ребят у него был превосходный помощник – Яков Аронович, который за свои старательские труды получил звание заслуженного учителя Казахской ССР. Всё, за что брался этот неутомимый, хлопотливый человек, делалось с истинно немецкой аккуратностью, любовью к порядку и красоте, делалось удивительно увлечённо и с удовольствием. Этому его качеству Г. М. Кубраков был рад необычайно, потому что сам был таким. Он много раз говорил: – Наш непреложный закон – делать всё красиво!

Объяснял:

– Когда получится красиво, приходит радость. Отсюда и начинается любовь к труду.

И ребячий труд у него всюду был организован так, чтобы радость приходила как можно чаще и чтобы трудовые качества Якова Ароновича свободно передавались ученикам:

Кайрат забегал со своей садоводческой ватагой на овощной участок и останавливался. Никогда он не видел таких огородов. Ему казалось, что он вошёл в чисто выметенный зал. Ни единой соринки, ни единой травинки. Только разрезанно зеленеют ветки помидоров, резные листья огурцов, ряды морковки, лука... Им так свободно дышалось! А вдоль изгороди на белых щитах, как на стадионе и на игровых площадках, пестрели нарядные слова. Кайрат читал: **И для щей, и для борщей Нужно много овощей!**

Здорово кто-то придумал! Как марш. Подхватило и уже ведёт. Хочется и шагать, и руками двигать в этом ритме. Девочки в рубчих спецовках вон, кажется, и работают под этот марш – граблями землю рыхлят: раз-два, раз-два... Сменяются:

– Переходи к нам!

А дальше растянулись опытные делянки. Там по заданию учёных испытывались новые сорта помидоров, капусты, картофеля, зерновых. Туда тоже в спецовках шли работать группы, звенья. Час труда.

Нет, сад пока «не отпускаял» Кайрата. Надо ещё разок прорыхлить круги. Называется «сухая поливка». Стояли жаркие дни. На руках и на лбу выступал пот. А грабли двигались, как у тех девчонок: раз-два... «И для щей, и для борщей...»

Руки, плечи просили движений, и он давал им полную волю.

«ОТКАЖИТЕСЬ!..»

Кто вырастет в этом труде? Садоводы? Овощеводы? Агрономы?

Прежде всего в нём растут трудолюбивые люди. Люди с развитой потребностью в труде. Из таких получают потом обладатели не одного десятка специальностей, каких издавна звали на Руси мастерами на все руки, роднёй Ломоносова.

Порой дивились и сами педагоги, как быстро эти ребята взрослеют, освобождаются от детской неумелости, «отключённости», лени, как обретают уверенную самостоятельность. За какой-то год-два жизни в отрядах запасы умений и навыков у них увеличиваются раз в десять, даже больше. Приобретается широкий трудовой и организаторский опыт, интерес и любовь к труду, крепнет чувство причастности ко всей окружающей жизни, перерастающее в чувство хозяина. Они растут разумной производящей силой, с малых лет понимающей бытие как деяние. А есть ли что важнее для ребёнка, чем с детства чувствовать себя настоящим человеком?

Их всего четыре сотни, а за год они производят 3 тонны смородины, больше тонны крыжовника, тонны яблок, 65 тонн картошки, 13 тонн капусты и столько же свёклы, без малого полторы тонны моркови, 15 тонн пшеницы и ячменя, вырачивают 100-150 голов свиней. Только от растениеводства они получают доход 18 тысяч рублей в год. В плодово-ягодном питомнике они разводят самые ценные сорта смородины и других культур, обеспечивают ими окрестные школы и население, раздают ветеранам войны и труда, сажают на их приусадебных участках, отвозят своим родным.

Ежедневный производительный труд, соединённый с учёбой, делает живым и осмысленным интерес к наукам и не оставляет места никакому пустодушию, неприкаянности и предрасположенности к тому недугу, который называется гражданской инертностью. Они идут на экскурсию, видят в роще берёзы, искалеченные местными любителями берёзового сока, и от гнева сжимают кулаки. Потом приходят сюда второй раз и специальным составом замазывают на деревьях раны. Таким лесным лекарем стал и Кайрат, и подростки слабенький Коля.

Пришёл тяжёлый год, когда колхозам и совхозам района угрожала бескормица. В этих краях был брошен клич: «Все – на заготовку кормов!» Интернат поднялся как по боевой тревоге. Вооружились всем, что было: косами, вилами, серпами, секаторами, где можно пустили сенокосилки. Для стороннего взгляда это была на удивление дружная, слаженная и прямо-таки вдохновенная работа. Ребята понимали, что это такое – спасти скот. За два дня штурмовой работы собрали всё, что только можно было собрать. Задание райисполкома было перевыполнено почти вдвое. Интернат заготовил для хозяйств района больше 30 тонн сена, около 20 тонн соломы и 4 тонны веточного корма. Всё это было хорошо высушено и по-хозяйски сложено в скирды. Увы, в других школах картина была не из радужных. Даже убедить, поднять людей было проблемой. На заготовке веточного корма школяры бездумно калечили деревья и потом всё заготовленное так на месте и бросили.

– Ну и что ж! – острили по этому поводу интернатские юнкоры. – Зато у них система воспитания дальнобойнее нашей. Как выйдут на колхозную картошку, как начнут пулять картофелины –

куда гожа твоя артиллерия!

Грустный, конечно, юмор. А сколько таких школ? И у всех в отчётах по трудовому воспитанию – идеальный ажур: «Приобретают трудовую закалку на колхозных полях», «Вносят достойный вклад», «Применяется оправдавшая себя система». И как решающий фактор воспитания отмечается швабра. Наука! Поди её провергни!

А в интернат на многосильных лимузинах ехала новая комиссия. Комиссия уже более солидная, чем прежде. Ехали ответственные товарищи из Минпроса, облоно, района... Медленной процессией двигались по школе, хвалили порядок, красоту, ребята: хорошо воспитаны! И с полным единодушием признавали никудашной... систему воспитания!

– Школьное производство – это примитив, для начала сообщил товарищ из Минпроса. – Это возврат к прошлому.

– К кулацкому хозяйству, – успешно присовокупил представитель научной мысли.

– Оно не соответствует современным требованиям, – авторитетно продолжал ответственный организатор просвещения. – Нужны крупные межшкольные комбинаты, ученические бригады, которые бы входили как структурные подразделения в совхоз, колхоз или завод.

Солидные люди в директивном тоне произносили эти понаслышке заученные фразы, и им почему-то не было стыдно за свою педагогическую слепоту и ограниченность, за своё безответственное административное попугайство, при котором только и можно называть детское социалистическое производство кулацким. Их почему-то не смущало, что такой тип деятелей

просвещения давно уже стал предметом сатиры, его высмеял ещё А. С. Макаренко. Это о деятеле такого рода автор «Педагогической поэмы» писал, что оного следовало бы выпороть «обыкновенным пояском, которым рабочий подвязывает штаны». И добавлял, облегчая душу: «Это было бы идеологически выдержано».

Г. М. Кубраков о пояске не вспомнил. Он оставался педагогом и перед этой высокой комиссией. Он убеждал:

– Если бы нам сказали: откажитесь от хозяйства, и вы получите дополнительно пять, десять, двадцать воспитателей, мы бы не согласились. Потому что хозяйство – незаменимое средство воспитания. Его не заменит никакое количество даже самых талантливых педагогов!

«Ученики» ему попались трудные. Они его не слышали. Он призывал на помощь Макаренко, напоминал его слова, что усложняя производство, производства серьёзного, облегчали его педагогическую работу и что он решил в дальнейшем «бороться за то, чтобы в нашей советской школе было производство».

Ему снисходительно кивали.

Он объяснял, что хозяйство – это не просто труд, а трудозабота, который как раз и даёт наибольший воспитательный эффект. В этом убедился весь коллектив школы-интерната. Где нет такого труда, там нет настоящего воспитания! И объяснял ещё: речь не об отказе от ученических производственных бригад – в лучших вариантах они тоже что-то дают и какое-то время будут, видимо, параллельно сосуществовать с такой формой, как школа-хозяйство. Но разве трудно понять, какая форма является более прогрессивной, более ценной педагогически?

Тогда его спрашивали в упор:

— Вы против того, чтобы ученические бригады были структурными подразделениями совхозов, заводов — наших социалистических предприятий?

— Это нелепость, — отвечал он. — Школа никогда не станет структурным подразделением совхоза или завода — у них совершенно различные социальные функции. И статусы различные.

Лимузины ушли. Он провожал их усталым взглядом и думал: что же последует теперь?

ХРАМ И МАСТЕРСКАЯ

И вот ведь диво дивное: в штабах педагогических мамлютский опыт вызывал единодушную досаду и гнев, а в среде учительской — радость и одобрение. На мамлютский огонёк шли сперва одиночками, потом группами и вдруг двинулись целыми делегациями из областей — Северо-Казахстанской, Кустанайской, Кокчетавской, Целиноградской, Джамбулской, Талды-Курганской, Павлодарской, Чимкентской, Кызыл-Ординской, Восточно-Казахстанской, Алма-Атинской, а потом из областей Урала и Сибири.

Велико же беспокойство душ учительских за школьное дело!

Сюда вошедший начинает чувствовать себя поэтом. Пройдя калитку, он забывает о суетном мире: перед ним открывается храм воспитания. Человек идёт и чувствует: в нём что-то сдвинулось с места и стало меняться в душе.

Потом он вдруг вспоминает, что всё открывшееся перед ним — рукотворно. Что каждый сантиметр этой территории принят

в себя что-то долгие думы, труды, тепло души реальных людей. И тогда возникает желание всматриваться.

Какой изобретательный архитектор творил эти аллеи? Была перед ним длинная полоса земли, зажатая между живой зелёной изгородью и фасадом школы. Он взялся возводить здесь массивные причудливые стены каких-то фантастических зданий, протянувшихся во всю длину полосы. Ровно подстриженные стены из мелкого кустарника. Он поднял их до высоты человеческого плеча и подстриг с боков и сверху. У него был великолепный художественный вкус. Он избегал прямолинейности своего сооружения. Стены у него составлены из крупных кубических форм, которые то выступают, то западают внутрь, то совсем сближаются, образуя «зал» с цветочной полосой и парой скамеечек, то расходятся снова. Гладкая дорожка рядом, школьные окна, а за толщей зелёных стен слышны лишь приглушённые звуки, долетающие оттуда.

Дальше новые, новые «залы» и «комнаты» с табличкой у входа: «Тихая зона», со скамеечками, вдвинутыми в зелёные ниши, — кажется, нет лучшего места на свете, где так хорошо сидеть с книгой или писать дневники.

Магистральные дорожки идут к стадиону, к игровой зоне, а по сторонам новые «залы», не похожие друг на друга, поселившие у себя узорчатые клумбы — массивные, как торты, круглые и брусочные, похожие на дорогие, искусно разрисованные ковры. Оглянись, и покажется, что ты идёшь по широкой выставке цветочных клумб и газонов, окантованных по низу молочно-белыми линиями бордюров. 23 отряда и 23 клумбы. Чья красивее?

И снова мысль о рукотворности, о художественном замысле «архитектора». Кто он? Здесь в каждом изгибе аллеи проглядывает творческая натура Г. М. Кубракова.

За клумбами и аллеями открывается стадион, ещё дальше – игровая зона. Там визг и смех, взлетают мячи, несутся спринтеры, берут разбег прыгуны, чередой упрямых рук хватается за канаты, трапедии, шесты, натёртые ладонями до блеска, виснет на лестницах и турниках. Там, дальше, ветер треплет платья и рубашки на каруселях, вертушках и качелях, там поскрипывают тренажёры, мелькают цветные обручи, ракетки, скачут мячи, отлетая от мишеней. Ярмарка энергии!

Ребята проводят на воздухе почти столько же времени, сколько под крышей. Работают 14 спортивных секций. Охват 100 процентов. Ежедневные тренировки. В итоге каждого года – десятки инструкторов и судей, 100–120 разрядников (почти каждый третий) и 120–130 хорошо натренированных значкистов ГТО.

Всё оборудование стадиона, все аттракционы приобретены на трудовые доходы школы, установлены своими силами.

Вот мир, где создаётся богатство, – мир труда и урожая – сад и поля. Любоваться можно! Это, мир высокой эстетики, ещё одна зона прекрасного..

Ушёл на отдых Яков Аронович Фрезе, ушёл с успокоенной душой – сделал всё, что так хотелось сделать. Девятнадцать лет назад он писал:

«Мы ставим перед собой задачу превратить территорию вокруг школы в красивый парк, заложить, фруктово-ягодный сад...»

И в тихий час, отдыхая, он ходит теперь по чистым аллеям

парка, углубляется в тишину молодого рукотворного бора. Вспоминает: его zaloжили в день 25-летия Победы. Лет 8 всей школой вынычивали крошечные сосенки – поливали, рыхлили землю, радовались, замечая, как деревца набирают силу. И поднялся на жёсткой земле перед школой сосновый остров площадью в 35 тысяч квадратных метров. Смолистый воздух. Маслята пошли расти. Светло на душе!

Светло и спокойно: на смену заступили трое молодых фрезе: сын Валерий Яковлевич, такой же, как отец, хлопотливый биолог, дочь Светлана Яковлевна и жена сына Раиса Павловна.

Парадные двери. Стекло замечаеть только по сверканью. В вестибюле дворцовая торжественность и блеск. Цветы свисают с колонн. На стенах стеклянные планшеты без рамок. Изречения каким-то чудом сами попадают на глаза.

«Поведение – это зеркало, в котором каждый показывает свой лик» (Гёте).

Ещё:

«Никчёмный и упрямый делает всё по-своему, не слушает ничьих советов и скоро становится жертвой своих заблуждений» (Эзоп).

И – народное:

«Дерево узнают по плодам, а человека – по трудам».

Вдоль окон по коридорам из края в край бежит нарядная шеренга цветов. Тысяча горшочков. Для них протянули специальные полочки-подцветочники. Красные листья на зелёном фоне – чудесно смотрится! Зимой особенно красиво.

Влюблённая в эту радость Евдокия Кузьминична Иванова – почерневшая от загара новая хозяйка

цветочной школьной красоты, цветовод-воспитатель. К каждой весне она с ребятами выращивает в теплице по 10 тысяч штук цветочной рассады. Сколько терпения требует одна только пикировка! Растёт у неё и отряд умельцев, любителей цветоводства. Она особенно рада мальчикам. Двенадцать мальчишек увлеклись «девчоночьим» делом! Глубоко и всерьёз. Для них это – школа прилежания, терпения и готовности украшать жизнь.

А вот штаб ученического самоуправления. Сегодня пятница, по пятницам заседают совет. В нём 40 человек: весь комитет сомола, все командиры отрядов, председатель совета дружины, старшая вожатая, директор и врач. Слово – директору. Очень важная мысль:

– Мы руководствуемся указаниями Ленина в том, что «без полной самостоятельности молодёжь не сможет ни выработать из себя хороших социалистов, ни подготовиться к тому, чтобы вести социализм вперёд». Мы убедились, что настоящее самоуправление – это мощный стимул развития гражданской активности людей и даже умственного развития. Наш совет самоуправленя решает практически все текущие дела. Он заслушивает отчёты командиров отрядов, принимает по ним свои решения, обязательные для всех, в его руках соревнование отрядов, просы дисциплины, проведение субботников, уборки школьной территории и помещений – очень многое из того, чем раньше занимался педагогический коллектив. И он очень мобилен, наш совет. Принял решение – командиры тут же идут с ним в свои отряды, а члены комитета – в комиссии. Каждый из них возглавляет одну из школьных комиссий... Педагоги, дирекция школы в таких условиях получают возможность больше заниматься

психолого-педагогическими проблемами, связанными с совершенствованием учебно-воспитательного процесса.

* * *

Поздний вечер. Интернат отходит ко сну. А по тихой аллее медленно шагает высокий усталый человек. Как трудно теперь проходит усталость! Ему под семьдесят. Часто открываются и мучают, не дают уснуть раны: 11 раз за послевоенные годы ложился на операционный стол.

Кажется, он мог бы чувствовать себя удовлетворённым, как Яков Аронович. Столько удалось сделать за эти 20 лет! Кто-то сказал: «Это составило бы честь любому научно-исследовательскому институту. Вы практически заново открыли Макаренко. Вы все в этой школе совершаете подвиг!»

Бывают минуты радости. Вот пришли к тому, что в школе практически нет неуспевающих (не на бумаге, а на деле). Больше половины выпускников поступают в институты. Призы, награды... 146 дипломов и почётных грамот, 22 кубка, 10 медалей ВДНХ. Приезжают учительские делегации, ходят, смотрят, слушают – и изумление, и растерянность в глазах. Курганские учителя о своих впечатлениях сказали: – Это лучше, чем сто семинаров!

Областные и республиканские газеты рады рассказывать о мамлютском опыте.

Сколько школ он помог бы сегодня!

Задолго до реформы Г. М. Купраков писал в один из столичных журналов: «Не сведение воспитания к обучению, а перестройка в духе Макаренко – вот что нужно нашей современной школе. Такая перестройка давно назрела, в ряде школ она уже

идёт, но идёт без поддержки науки и органов народного образования, идёт стихийно, с большими издержками».

Статья не увидела света.

Педагогические журналы были полны утверждений, что обучение – это и есть воспитание, что учёба – это и есть труд. Редактору «Советской педагогики» он отправил гневное письмо:

«Нам, практическим работникам, до такой степени надоело глотать старую педагогическую жвачку, которой нас пичкают учёные-псевдомакаренковцы, что хочется крикнуть:

– Да когда же это прекратится?! Когда же будет возвращён школе подлинный Макаренко? Когда будет описан опыт хотя бы одной школы, работающей действительно по системе А. С. Макаренко?»

Ответ напоминал камень, брошенный с неприступной башни.

В Минпрос страны пошло коллективное письмо всех коммунистов школы с той же мыслью: «Когда же это прекратится?» Реакция была оригинальной: «Проинспектировать их!»

Живой, выстраданный, так нужный сегодня опыт! Может быть, написать о нём в одну из больших центральных газет?

Но и оттуда ответ был в духе приверженцев старой школы: «Как будто учение – это не труд!..»

Совсем худо дело, когда и ответственные работники печати не имеют понятия об особой воспитывающей роли производительного труда!

Но конечно, такой опыт трудно замолчать. Он покориł многих и в области, и в республике. 1 марта 1978 г. появился даже приказ облоно: «О создании опорных школ по внедрению педагогической системы А. С. Макаренко».

Принимались деловые решения.

«В целях дальнейшего совершенствования работы по изучению и распространению передового педагогического опыта Мамлютской санаторной школы-интерната, успешно работающей многие годы по педагогической системе А. С. Макаренко... включить в число опорных 16 школ области». Для ознакомления с опытом работы по системе А. С. Макаренко институту усовершенствования учителей поручалось провести серию областных семинаров на базе Мамлютской школы-интерната, директорам опорных школ – составить план и мероприятия по внедрению системы А. С. Макаренко. Заведующим райгорono и райметодкабинетами вменялось в обязанность оказывать этим школам систематическую помощь в деле освоения передового опыта.

Однако дальше решений дело не пошло.

– В педагогических верхах всё ведут полемику о наследии Макаренко, – сказал автору этих строк секретарь обкома партии, – и нас-то, партийных работников, дезориентируют.

Дезориентируют... А может, за это пора и спросить?

ТАКОЙ НЕОБЫЧНЫЙ ВОСПИТАТЕЛЬ

Ищем, спорим, пробуем. Реформа всех нас позвала быть активистами.

Кипят страсти вокруг «улицы»: как превратить её в зону действия педагогики?

Летят письма в редакции газет и журналов, писателям, учёным.

«Сколько передумано, сколько перепробовано! Клубы, уголки, педагоги-организаторы... А результаты? Главное – не достигаются нужного охвата ребят, те, кого в первую очередь надо «охватить», в большинстве по-прежнему остаются на улице».

«Весь вечер мы «обхаживали» эту проблему. Задача ясна: «Коренным образом улучшить воспитательную работу с учащимися по месту жительства». Но как найти эффективные формы? Кружки, секции, клубы... А что получается? Кто захотел – пришёл, не захотел – не пришёл. Даже на соревнования. Чувство ответственности перед коллективом секции, перед педагогом-организатором? Оно почти неощутимо».

«А получилось две «республики»: одна в школе, другая в микрорайоне. Педагогическое двоевластие. И вот кивает школа на жёковского педагога: «Пусть охватывает – ему за это деньги платят!» И сама структура такая вызывает разобщение педагогических сил. Ничего надёжного не получится, пока мы не объединим силы семьи, школы и общестественности».

«Один вопрос: как это сделать? На какой основе? Спорят учёные, спорят учителя: как расположить в микрорайоне наш педагогический «квартет»? А Макаренко встал бы и сказал:

– Граждане, вы забыли, что главная воспитывающая сила заложена в самом детском коллективе».

И – прямо в точку:

«Беда в том, что эти клубы, уголки и организаторы имеют дело с распылённой и практически неуправляемой массой ребят. Это как ворох пшена: сколь ни старайся схватить – рассыпается. В условиях жёка это ведь около полутора тысяч ребят...»

Рассыпается... А в то же время:

«...редакция буквально засыпана жалобами на одиночество. Одиночество – вынужденная изоляция, противоестественная в юном возрасте. Подросток тянется к сверстникам. И – не умеет общаться. Не умеет дружить. Не умеет налаживать и поддерживать контакты».

Как же быть?

«Тут нужны макаренковские организационные начала».

А именно?

СЛОВО ИМЕЕТ А. С. МАКАРЕНКО

Откроем пятый том его сочинений на странице 458.

«Что бы я сделал на месте директора школы? Я положил бы перед собой карту всех дворов, где живут ученики. Организовал бы бригады. Бригады приходили бы каждый день и рапортовали, что делается во дворах. Раз в месяц под руководством бригадира бригада выстраивалась бы, и я приходил бы на смотр. Я премировал бы лучшие бригады в школе. Я прикреплял бы родителей к бригадам. И можно было бы многое сделать».

Речь идёт о разновозрастных отрядах.

Свет на проблему: «... прикреплял бы родителей к бригадам». Вот где скрыта возможность соединить усилия школы, семьи и общестественности. Что делать родителям в классе? А в отряде – безграничный фронт работы всем, кто может быть полезен.

Хочу рассказать о жизни таких отрядов – они есть у нас и в городах, и в сёлах, многие действуют по 10-15 лет, кое-где больше.

МАКАРЕНКОВСКИЕ ОТРЯДЫ СЕГОДНЯ

Однажды в Москве я узнал, что есть целый район на Украине, где во всех школах, во всех до единой, организованы разновозрастные отряды. Говорили, что работают они уже несколько лет и показывают результаты, которые радуют и учителей, и родителей, и самих ребят, и весь район. Это Монастырский район Тернопольской области. Вскоре я туда выехал.

В первые же часы в Монастыриске я почувствовал, что макаренковские отряды – это гордость района, краса и сила всех его школ. Мне о них с удовольствием рассказывали в райкоме партии, в роно, в гостинице. Незадолго до этого здесь провели первый районный слёт разновозрастных отрядов. Отряды шли по улицам города нарядами звонкоголосыми колоннами, неся над головами свои красочные эмблемы с изображением комсомольского значка, пионерского галстука и октябрятской звёздочки – символы организованной дружбы старших, средних и младших школьников. Их сердечно приветствовали с трибуны партийные, советские, комсомольские и профсоюзные руководители района. Мне показали массу любовно сделанных фотографий слёта и долго рассказывали, какой наполненной жизнью живут макаренковские отряды и как много полезного делают для себя, для школы, для района.

Организационно всё было так, как это и представляешь себе, читая Макаренко. Жили ребята на одной улице – мальчижи, девочки, постарше, помладше, знали друг друга в лицо, учились в одной школе, виделись почти каждый день, но какую-нибудь хоккейную команду из далёкой Москвы знали лучше, чем друг друга.

Интересы, дела и заботы были у каждого свои. Даже когда собирали металлургический лом, и то не объединялись, потому что были из разных классов и выполняли свои классные планы. Так и в кино ходили, так и дружбу водили – старшие отдельно, младшие отдельно, мальчик с мальчиком, девочка с девочкой, как сказала одна мама, «все враздроб». Если случилось, кто-то обижал слабого, то и тогда часом все оказывались вот так – «враздроб». Встретились на тротуаре два хлопчика, они соседи, а сказать друг другу нечего. Идёт по улице Слава Дзюбинский завидный спортсмен-старшеклассник с комсомольским значком, умница и «золотые руки», таращат на него глаза пацаны-обожатели, а заговорить духу не хватает: не ровня... И вдруг сказали учителя:

– Собирайтесь все вместе, выберем командира, комиссара, физорга – будет разновозрастный отряд. Будет у вас всё вместе: и спорт, и концерты, и разные игры, и труд. И учиться будете по-могать друг другу. У ребят, что называется, и глаза вразбежку.

ПОБАРАТАЛИСЬ

Близ гостиницы действовал отряд, командиром которого ребята дружно выбрали Славу Дзюбинского. Собралось в отряд 10 человек из 10 соседних домов – как грибы на поляночке: и большой, и поменьше, и ещё меньше. Слава тогда перешёл в десятый, Сергей Мизык – в девятый, братья Володя и Толя Крегель – в пятый и седьмой, Володя Гармидер – в шестой, Олежка Вересняк – в третий. Отряд получился почти целиком мальчишечий, из девочек в нём оказалась одна только Алла Павлик – семиклассница со светлыми локонами, рассыпанными по

плечам. Но она ни капельки этим не огорчалась. Общительная, добрая и смелая, хорошая спортсменка, она с ходу нашла своё место в отряде.

Оглядел Слава ребят – все разные: открытые и немножко замкнутые, трудолюбивые и не совсем, выдержанные и не очень. Но всем им сразу понравилось, что их соединили. Они будто побратались в этот день, стали сочинять планы, побежали на пустырь «базу» строить – отрядную спортплощадку с турником, воротами и местом для прыжков. Славик у них и командир, и про- раб, и старший брат любимый, И все примериваются, приглядываются, как он лопатой орудует, как мяч принимает и как сразу встаёт и почтительно опускает руки, когда начинает разговаривать со старшими. И – к командирским манерам Сергея Мизыка, отрядного физрука. И к Алле Павлик приглядываются, как красиво она бежит, высоко поднимая колени, грациозно вытягивая носок, и как звёздочкой белеют у неё зубы в собранных губах. Даже когда ребята начинают футболные тренировки, Алла не оказывается «вне игры». Она становится вратарём и с азартом отбивает «верные» голы.

Каждый час им приносил массу интересного. Очень занятно оказалось всё делать вместе – и копать, и сажать, и лом собирать. Тут никому не приходило в голову выставлять свои капризы, свои «хочу» и «не хочу». Это и мамы почувствовали. Отправляет- ся Алла в магазин за хлебом, и ребята бегут домой: «Мама, давайте я пойду за хлебом». Дивится иная: что это с хлопцем? Бывало, не дошёлешься... Выглянет на улицу: всем отрядом пошли. Надо что-то благоустроить – все собираются. Плохая оценка

появилась – вместе задумываются. Подъехала к Крегелям машина с дровами – вся ребячья артель кинулась разгружать. Не видно ленивых, не слышно нежелющих – все стараются в поте лица!

Мамы рады. Схватится какая-нибудь: «Где Вовка?» – «Та в отряде ж у Славика, вон репетируют шосы!» – «О, ну то добрей!»

Раз у Славика, – все спокойны: там дурным делом не займутся. Славик не курит, любит книги, работу всякую и любит детвору. Мама его Мария Емельяновна сказала мне «по секрету»:

– Малёнки до його так и липнут. И Аллу все любят. Дружба у них така чистэнька! Нэма такого, чтоб слова яки погани, – цёго нэма.

Дело у Славика не простое, но он и рад тому. Что-то он умеет, что-то берёт интуицией, а что-то, конечно, и упустил бы, но у него наставники надёжные: мама и папа. К каждому отряду прикреплено 2–3 шефа: от школы, от парторганизации ближнего предприятия, от депутатов или родительского комитета. Совпало так, что у Славика шефами оказались мать и отец: Мария Емельяновна от школы – она учительница, Степан Иванович от партийной организации юристов – он юрисконсульт. Нагрузкой сына оба довольны: то ему и педагогическая и жизненная практика хорошая – всегда пригодится!

«А МАЛЕНЬКИХ ОБИЖАТЬ БУДУТ?»

Когда я собирался в Монастырисск, одна добродушная мама, по натуре маленько паникёрша, упрашивала меня:

– Я только очень боюсь, что вы будете пропагандировать отряды. Ради бога, не делайте этого.

Соберутся там разные, кто постарше, посильнее будут обижать маленьких, помыкать ими – нынче люди такие.

Что ж, предупреждение не лишнее. О явлениях такого рода писал и Макаренко – среди ребят всегда есть любители «показать свою силу над слабыми товарищами», и нужна «полная защищённость от произвола и самодурства старших» (это в том же, пятом томе, в статье «Методика организации воспитательного процесса»). И мне всё хотелось спросить у Марии Емельяновны или у ребят, не бывает ли у них этого, и всякий раз оказывалось, что вопрос такой здесь прозвучал бы неуместно. И всё-таки я его задал.

Утром рано я вышел на улицу. Хотелось ещё раз удостовериться: в самом ли деле ребята, как они говорили мне, встают «по часам» и отрядами сбегаются на зарядку?

Улицы в этом нешумном, опрятном городке чисты и тенисты, дома, построенные каждым хозяином по своему вкусу, простые, каменные, с большими окнами и асфальтированными дворами, стоят, глядя тыльной стороной в сады и огороды. Каждое утро, когда город ещё только просыпается, по уличному асфальту, тихо лопоча колёсами, движется пароконная повозка. За нею, при фартуке и с совковой лопатой в руках, шагает степенный горкомхозовский мастер чистоты. Против каждого дома его ждёт маленькая аккуратная кучка мусора. Кони останавливаются, мастер поддевает кучку лопатой, кидает в повозку, и она движется дальше.

По асфальту ещё безлюдной улицы привычной трусцой в спортивных брюках бежали два физкультурника. Я узнал Сергея Мизыка и Славу Дзюбинского. На ходу к ним присоединилась

в зелёном спортивном костюме Алла Павлик, из дворов выбегали другие ребята, на ходу поднимая кулаки к груди, и только маленький Володя бежал, по-детски болтая руками.

У Сергея отец физрук, приучил парнишку с детства делать по утрам зарядку, а когда организовался отряд, это сразу распространилось на всех. Сергей принесил Славику комплекс упражнений, их разбирали, разучивали, и день теперь начинался в отряде с зарядки. Был в этом отряде ещё один спортивный заводила – Анатолий Гармидер. Он вскоре окончил школу, ушёл в армию и оттуда стал присылать ребятам письма и новые, армейские упражнения.

Спортплощадка у них отнюдь не претендует на олимпийский вид, но зато всё здесь ребята сделали сами.

После зарядки я спросил:

– А скажите, только честно, маленьких у вас не обижают?

Славик глянул строго.

– Кто? Так мы же вместе всегда! – И в свою очередь спросил: – А у других обижают?

Как у других, я пока не знал, а эти и в школу вместе, и на агитпункт, и на праздник. Приходит чей-то день рождения – зовут всю «команду»: и старших, и младших, празднуют как одна семья.

А крепче всего сдруживаются ребят совместные дела. На лето школы получают задание: есть у вас 300 учеников – заготовьте для колхоза 300 центнеров сена. Отправляются отряды на пустыри, на косогоры. Старшие ребята идут с косами, вилами, младшие – с грабелями, самые маленькие – с котелками и чайниками: за водой бегать, чай кипятить на костре. Нигде так весело не

работается артелью, как на покосе! Здесь всё роднит людей: работа, солнце, медовые ароматы лета, смех, песни. Воспоминаний на целые годы! И опять же замечено; не нашлось во всём районе ни одного пацана, который бы сказал: «А я не хочу». И замечено другое: маленькие тянутся за старшими, их сноровкой и силой любуются, старшие чувствуют это и держатся на высоте. Воспитательные токи по кругу идут.

БУДЕТ ДЕЛО – БУДЕТ ЛАД!

Почему в отрядах не слышно заدير и забияк, я начал понимать в Ковалёвке.

Несколько дней мы ездили по школам района, в Ковалёвской средней побывали дважды. Эта новая белая школа стоит в большом богатом селе, заполнившем приречную долину и укрытом садами. Здесь центр крепкого колхоза имени Ватутина. Разнообразные отряды – их тут 24 – работают уже несколько лет. Многие опробовано и «обкатано».

Как и всюду в районе, отряды здесь начали свою активную жизнь со строительства собственных пристанищ – спортплощадок. Строили, складывались по рублику на мячи, на сетки, на прочий инвентарь, и уже это первое дело объединило. А, впереди призывно вырисовывались дела масштабные и общественно значимые – с заботой о красоте улиц, с разнообразной культурно-массовой работой в своих зонах действия. У улиц появились хоззаява – зоркие, инициативные, деятельные. Их девиз – красота и порядок. Обходили придирчивым дозором свою зону, глядели: что тут веселит и радует, а что наводит уныние. Вот стены облупились. Давайте побелим. Вот бурьян разросся. Давайте скосим.

Вот яма, а вот мусор... Одряхлел, скособочился сарайчик у старой бабуся – разобрал его 7-й отряд. И картошку бабуле выкопал, и кукурузу убрал.

Директор школы, крупная, яркая, деятельная женщина Ирина Владимировна Макарчук, отмечала тогда:

– Не было отрядов, и ребята часто оказывались в вакууме. Выпало из поля педагогического зрения свободное время. Чем мальчишке заняться? Его несло, куда ветер дунет. Теперь всё меняется. Теперь мы уже говорим: не должно быть вакуума! Каждый час нужному, интересному, полезному делу! Когда нет отрядов, об этом трудно вести речь. Когда отряды есть, это просто.

А отрядам уже хотелось дел по-настоящему важных. Задумались: вот речушка течёт по селу. Была бы для людей она радостью всегдашней, да плохи у неё берега: оползают, обваливаются. Сколько уже лет на селе слышно: укрепить бы их, деревцами обсадить... Собрался 17-й отряд со своим шефом – педагогом Надеждой Ивановной Юськив, встал Дима Терпак, командир отряда, сказал: «Давайте начнём мы». Надежда Ивановна удивилась даже: никаких сомнений и раздумий не возникло ни у кого! Только азарт в ребячьих глазах: «Начнём, пожалуй!» Идею подхватили все 24 отряда, назвали дело «Операция «Верба». Семнадцатый заготовил 750 вербовых колышков-саженцев, выкопал их в ползучий берег. Прижились колышки, пошли распускать свои цепкие корни, выбросили вверх побеги. Смотрят ребята, смотрят взрослые люди – доброму делу начало положено!

А следом – новая идея: расчистить, раскопать на речке «бассейны» для купания.

Ребята вдохновлялись всё больше, спрашивали иногда:

– Почему классом не так интересно работать, как отрядом?

И сами же отвечали, что разновозрастным отрядом и удобнее, и веселее. Конечно! Что потрудней делают старшие, сильные, что полегче – младшие, у каждого заметный успех. И никакому лодырю тут не позволят отлынивать и бравировать своей ленью. Среди одноклассников он это мог, там вряд ли кто одёрнет филоня: ровеснику можно и кулак показать. А тут на нахала быстро найдут управу: есть старшие! Да и атмосфера не та: дела настоящие, взрослым на диво, и всем работает весело – ни одного унылого лица! Здесь труд на глазах сближает всех и роднит.

Были в Ковалёвке свои задиры и забияки, с беспокойством поглядывали на них учителя, когда создавали отряды. Вскоре отметили неожиданное, удивительное: эти ребята в работе оказались сноровистыми, ловкими, изобретательными, и им уже не нужно стало утверждать свой авторитет кулаком. Задира - он от безделья задира, хулиган – это всегда мученик праздности. В делах отрядных он скоро найдёт себя настоящего. Только именно дело нужно в отряде. Будет дело – будет лад!

Конечно, для «полной защищённости» нужно что-то и сверх того...

ДОЛГОЖДАННЫЙ СОЮЗ

Школа, семья, общечеловечность – как долго мы ораторствовали о соединении этих сил! А две из них так и оставались вне упряжки. Практически даже три: есть ещё сами ребята.

Слышалось: «Трудно соединить». Ждали, что подскочит педагогическая наука, А она молчала и молчит и, вспоминая Макаренку, объявляет, что сегодня не то время.

Открытым оставался вопрос исходный: как соединить? В классную тележку всех не впряжешь: пристяжные, как давно стало ясно, ни места, ни дела заметного у этой тележки себе не нахоят.

Но вот явилась на свет боевая макаренковская тачанка с разновозрастной артелью ребят, и тут все руки соединились разом.

Улицы сельские превратились в отрядные зоны, центры всем знакомых десятидворок – в центры отрядов, вслед за артелью ребят двинулись туда шефы – педагоги, депутаты, партийцы. Учредили день отряда: ребята собираются, чтобы обсудить свои дела, планы, какие-то ЧП, приглашают шефов. Вместе всё обдумывают, вместе решают. Раз, другой – стали приходить и родители. Как не посмотреть, не послушать, что там обсуждают, что скажут «о моём Вовке» или «о моей Оксане». Получается объединённый детско-родительский сбор.

Любопытно: сюда идут мамы и даже папы, которые в школу на родительские собрания никогда не ходили. Иным далеко – идти неохота, иным радости мало: ребёнок не блещет успехами, начнут выговаривать – каково краснеть перед всем селом! А тут и близко, рядом, и все свои, соседи, о каждом знают всю подноготную, ни в чём один перед одним особенно таиться не привыкли. Тут всё – как дома. Разговор – о плохом ли, о хорошем ли – идёт по-семейному: и как слабенькая Таня старалась, учила, и как отвечала, как лучше могла, да не дотянула, не уразумела чего-то,

а спросить постеснялась. И все думают, как Тане помочь. И мама... В школе она бы горестно молчала, не знала, куда глаза девать: как оправдаться, а тут спокойно думает и по-доброму слушает советы, как помочь девочке.

– Много нового пришло с отрядами в нашу жизнь – так сказала мне директор Вистрянской восьмилетки Эмилия Петровна Ковбас. – Учителя и раньше обязаны были ходить к родителям, но делали это нечасто, иные вообще не ходили. А теперь... Есть план работы отряда, отряд тебя ждёт. А ты пришёл – идут и другие активисты, шефы, идут и мамы, и отцы, и бабушки, и дедушки. Таким образом, сама школьная воспитательная работа приблизилась к семье. Она пошла на виду у родителей и при их участии. А ещё, знаете, – добавила Эмилия Петровна, – учителю стало как-то отраднее. Раньше в семью он шёл чаще всего с тоской в душе: всё тот же разговор о двойках, о срывах, те же твои просьбы и советы, которые будут выслушаны большей частью из вежливости. Теперь и слушают иначе, и все вместе обсуждают, обдумывают, и, главное, делают. Делают с помощью отряда.

Вот тут уж можно сказать: совершилось! Совершился знаменательный в педагогической истории акт: главные силы, призванные воспитывать детей, соединились. Их замкнул на себе макаренковский разновозрастный отряд.

«МЫ ТОЖЕ ПОЛИТРАБОТНИКИ»

Родились отряды, нашлось место и для их центров, которые ребята внушительно назвали штабами. В оперативном порядке у самых добрых мам «конфисковывались»

свободные помещения – домики-временки, летние кухни, закрытые беседки. Так сделали мои знакомые ребята в калужском селе. Убирали домашний хлам, девочки, разувшись, мыли полы, мальчишки носили воду, потом все вместе оклеили стены, повесили портрет Ильича, стенгазету, списки, планы, у входа положили тряпку – ноги вытирать, прикрепили у двери скачавший где-то без дела колокольчик, написав рядом на случай секретных заседаний: «Звонить три раза». Всё, как в лучших домах! На второй день тут же появилась своя библиотека и свой библиотекарь с тетрадью учёта выдачи книг, своя аптечка и свой «врач» – он же по совместительству тренер по бегу и прыжкам. А в выходной принесли на соседнюю лужайку доски, пилу, топор, молотки и гвозди – сцену построить под соснами при квалифицированной помощи вёселого старого плотника. В свободный час горнисты трубили сбор, в две минуты сбегался весь отряд, и началась репетиция: сценки, танцы народных, акробатика, стихи, песни, сатира и юмор – весёлая концертная программа на полтора часа. Настанет день премьеры – всем родным и знакомым разнесут гонцы разрисованные пригласительные билеты с пожеланиями захватить для себя персональный стул. А в штабе к тому дню будут открыты выставки ребячьих поделок, рисунков и заготовлены для лауреатов «золотые медали» с лентами, почти совсем такие, как надевают на шею призёрам-фигуристам.

– Отрядные зоны, – читаю в своей дорожной тетради продолжение рассказа Эмилии Петровны Ковбас, – это теперь наши зоны широкого педагогического действия. Приближается праздник, скажем День Советской Армии, 8-е Марта, или идёт избира-

тельная кампания – вечера проводятся уже не только в клубе, а и по отрядным зонам. Ребята готовят концерты, оформляют помешение, шефы-учителя делают доклады. Всё это – вот, рядом! Сюда стала перемещаться и лекционная пропаганда. У нас 13 отрядов, 13 зон. У лекторов появилось 13 новых аудиторий слушателей. А в Ковалёвке – 24. В клуб не всяк пойдёт – это далеко, а сюда идут семьями: ведь «наши дети» выступают.

В Ковалёвке у меня была встреча с ребятами. Спросил у них, какое участие они принимают в политической работе на своих десятидворках, они ответили:

– Всякое. Мы тоже политработники!

КОГДА ПЛОХО В СЕМЬЕ...

Есть на Тернопольщине сёла, где с фанатической активностью действуют общины сектантов. Мне хорошо знакомы и методы, и сила их оупляющего влияния на детей. Неодолимая для ребёнка сила! С детских лет он изолируется от «мирских су-ет», т. е. от спортивной, культурной, иной общественной жизни, ему внушается, что служение высоким человеческим идеалам – это «служение дьяволу», пагубное для души. Обычаи в сектах суровые, жестокие, держат они детей в цепких руках. Противоборство школы и секты здесь длится десятилетиями, и школа далеко не всегда оказывается победительницей.

Трудность главная: ребёнку разрешают ходить только на уроки. Ни на тренировки, ни на репетиции – нельзя. Он отсидел 5–6 уроков и идёт домой.

И там весь остаток дня и весь вечер он оказывается один на один со взрослыми сектантами. Кто тут поможет ему?

Обстановка изменилась сразу, как только на улице появилась детская организация – разновозрастный отряд. Он стал строителем всей ребячьей внешкольной жизни, прямо здесь, под окнами. Из стен домов ребята вышли на спортплощадки, в штабы, на сцену, на работу по украшению улиц, по вырачиванию и уборке урожая на полях и участках. Между отрядами учителя стали затаивать соревнования по различным видам детского творчества, по бегу, прыжкам, спортивным играм.

Кажется, первой в районе организовала межотрядные спортивные соревнования Трудолюбовская восьмилетка, где директором стал молодой педагог Иван Владимирович Скорец. У школы название обязывающее. Она и в самом деле становится школой трудолюбцев. Отряды её отличаются на заготовке кормов для колхоза, на уборке урожая. По просьбе председателя ученики посадили в детском садике фруктовые деревья, заложили сад и у себя в школе. Колхоз выделил материалы для оборудования отрядных спортплощадок. Совместный труд и спорт выводят детей в живой мир, из-под влияния религиозных фанатиков. Иной становится и жизнь села.

И уже настоящий поход против недобрых старых традиций объявили отряды Горыгледовской восьмилетки, руководимой тоже молодым директором Юрием Ивановичем Стованом. Село там большое, 462 дома, хозяйство не из бедных, а вид улиц тоску наводил. Палисадники огораживались глухими, уродливыми заборами по принципу «неладно скроен, зато крепко сшит». Всяк старался и в палисадниках насажать чего-нибудь для желудка,

а от ближнего скрывал свои блага за неприступной стеной. Глянешь на улицу – глухая, все друг от друга отгородились. Ребята горячо обсуждали всё это на комитете комсомола, потом на совете командиров. Постановили: убедить пап и мам, что в палисадниках должны расти цветы. Был объявлен конкурс на лучший цветник. Так началась на селе «цветочная эпопея». Отряды обменивались индивидуальным и общим опытом цветоводства, сортовыми семенами. Скоро исчезли и уродливые заборы, их заменили невысоким крашеным штакетником. Красота должна принадлежать и служить всем людям! Первое место по нарядности, по эстетичности зоны занял 8-й отряд, который возглавляла самая хлопотливая из юных любителей цветов – Маша Горбата.

Общественное влияние на детей, общественные тенденции в их жизни заметно брали верх.

И ещё один важный момент. Душа верующих всегда наполнена гневом против «мирских пороков». В атеизме они видят причину таких зол, как пьянство, распущенность, грубость, лень, нечестность, неуважение к старшим. И как же удивлены были верующие, когда увидели, что их детей в отряде учат бороться с этими пороками, жить по правде и совести. Верующие уже не могли упрекнуть своего ребёнка, что он связан с плохими людьми, а ведь это был главный аргумент в защиту «веры». Надеясь на пополнение своих рядов сектантам уже не приходилось.

Около 20 мальчиков и девочек из семей сектантов учатся в Горыгледовской школе. И все из них, достигнув комсомольского возраста, вступают теперь в комсомол.

НОВАЯ СИЛА В ШКОЛЕ

Первые разновозрастные отряды на Тернопольщине появились 7 лет назад в селе Велесневе, близ Монастырiska, в восьмилетней школе, возглавляемой тогда Романом Петровичем Расевичем. В те годы Украинский НИИ педагогики по инициативе кандидата педагогических наук В. В. Кумарина принял попытку активно внедрить достижения науки в практику и помочь школам в освоении опыта А. С. Макаренко. Между школами и институтом заключались договоры о сотрудничестве, были разработаны соответствующие планы, методические рекомендации, и более 20 школ республики начали работать по системе А. С. Макаренко. Среди них была и Велесневская восьмилетняя, откуда макаренковская новь пошла потом по всему району.

Позже в беседе со мной секретарь парторганизации роно Галина Николаевна Лысик сказала:

– Мы заметили, как возросло в этой школе влияние хороших учеников на слабых, как сдружились ребята, стали активнее на уроках и в общественных делах.

На всех сборах, вечерах, в труде – всюду чувствовалась эта новая сила – разновозрастные отряды. Вместе с ребятами работали и учителя, забот им прибавилось, но они понимали, что без разновозрастных отрядов трудно ожидать успехов в учении ребят, изменения всей жизни школы.

– Велесневский опыт, – рассказывала Галина Николаевна, – был обсуждён на партийном собрании роно. Тут поддержка ему была полная. Коммунисты понимали, что этот опыт заслуживает самого широкого распространения, и были уверены, что он даст результаты. Вскоре повезли туда директоров школ.

Роман Петрович рассказал им о существе дела, о его значении, о результатах. Директора беседовали с командирами, учениками, родителями, смотрели альбомы, в которых была отражена жизнь отрядов. Все убедились: опыт многообещающий. Не было таких, кто сказал бы: «Нет, я этого не принимаю, я так работать не буду». Потому что они видели результаты. Только один всё смотрел недоверчиво... Поехал в Велеснево и я.

ЧТОБЫ УЧИЛИСЬ ЛУЧШЕ

Велеснево – село видное, стоит на возвышении, привольно раскинув свои сады и улицы. Здесь родился выдающийся деятель украинской культуры прошлого, собиратель шедевров народного творчества, учёный с мировым именем Владимир Михайлович Гнатюк. Один из питомцев дешней школы – Остап Степанович Черемшанский основал в селе музей Гнатюка, экспонаты для которого собирал в Париже, Чехословакии, Польше, Югославии и во Львове. Остап Степанович вдохновенно рассказывал мне об истории музея, о жизни Владимира Гнатюка, с благодарностью говорил о родной школе.

Школа в Велесневе разместилась по-дачному, укрывшись в садовой тишине. Новый её директор Михаил Степанович Батиг оказался человеком творческим и любящим практические дела. Он сразу заговорил об отрядах – как они помогают ребятам в учении, как влияют на успеваемость, на дисциплину, на развитие общественной активности детей.

Влияние сильное, потому что отряды оперативно реагируют на каждый успех или неуспех своего товарища. Такая теперь обстановка. Только вышли на перемену, пацаны бегут к своим

командирам:

– У Тани пятёрка по биологии!

– А твой Стэпан двойку схватыв!

Но командиры получают информацию и по официальным каналам. В школе (так и по всему району) оборудован специальный блок информации. Он установлен в коридоре. В нём 13 ящичков по числу отрядов. Это зеркало их сегодняшней жизни. Кто в школу не пришёл, кто получил замечание, у кого какие оценки – обо всём собираются короткие рапортики. В классных журналах на первой странице – список всех командиров, а перед фамилией каждого ученика стоит цифра, которая указывает, в каком отряде ученик состоит. Кончился урок, дежурные бегут с рапортичками к блоку информации. У командира и членов учебной комиссии в конце занятий вся картина, как говорят, налицо. И часто бывает достаточно простого разговора на ходу: «Как получилось? Что будем делать?» Когда разговаривает на эту тему учитель, тут реакция известная: немая тоска. А когда беспокоится твой старший друг и весь отряд – то и думается, и всё решается по-иному. В сложных случаях разговор переносится на совместное детско-родительское собрание.

По средам собирается совет командиров, по субботам – общее построение отрядов: сообщают итоги за неделю, планы на следующую. У всех командиров – тетрадки, там ведётся учёт успеваемости, всех полезных дел. Выходит командир, отчитывается за неделю: сколько двоек и пятёрок, как с дисциплиной, что доброго сделано, кого надо поощрить. Схитрил, о чём-то промолчал – это хлопцы из соседних отрядов мигом засекут:

– А вы бабуся Оксане воду нэ носилы!

«Я БЫЛ ПРОТИВ...»

Мне всё-таки хотелось встретиться с тем директором, который «смотрел недоверчиво». Встретились.

Это был пожилой, неторопливый человек, педагог с большим стажем, осторожно относящийся ко всем нововведениям в школьном деле, директор Комаровской восьмилетки Фёдор Денисович Литвин. Он сразу заговорил, что называется, открытым текстом:

– Я был противником этого дела – отрядов. Потом всё-таки начал пробовать.

Ещё крепкий и плотный, Фёдор Денисович уселся покапительнее и начал объяснять обстоятельно:

– Вот представьте, получил я на школу план: приготовить 148 центнеров травы. Дали всем ребятам индивидуальные задания, начали ходить, организовывать. Хлопотали-хлопотали, за декаду план выполнили только на 35 процентов. На районном совещании я, конечно, получил разнос. А после меня там выступали другие директора и – у них перевыполнение. Там работали отрядами. Я приехал с совещания, говорю учителям: давайте и мы так. И представьте: за три дня я перевыполнил план. Дал не 148, а 190 центнеров! То же самое и с металлоломом. Задание было большое, классные руководители замахали руками: это не по силам, где мы столько наберём? Я им говорю: а давайте, может, по отрядам. И знаете что? Я собрал столько лома, сколько не собирал никогда!

Тут Фёдор Денисович по старой привычке ещё нажимает на «я» – «я собрал», «я перевыполнил», ко мне слышалось, что он уже понимает, какая это большая самостоятельная сила – ученики, объединённые в разновозрастные отряды. Коллективно они

все дворы, все канавы прочистили! Фёдор Денисович признался решительно:

– Я нашёл, что в отрядной системе много хорошего. – Перебрал что-то в памяти, добавил: – Отряды – это большое дело. Без них мы многого просто не в состоянии охватить. У нас 5 населённых пунктов, – продолжал он, – мы их раньше не могли держать под контролем, особенно хутора. А теперь мы каждый день знаем, что там делается, командиры докладывают: «Вчера Остап долго гулял на улице, а мы его побачили и отправили уроки учить». Вот вам, пожалуйста! Помощь? Отряд уже и присмотрит, и потребует. И это ж как действует, когда сами ребята спрашивают: «А чо ты двойку получил?» или «Чо ты нагрубил учительнице?» Действует! Конечно, прибавилось работы учителям, – за ключил Фёдор Денисович. – Поступает какой-то сигнал от командира – надо учителю сразу принимать меры. А раньше сигналов никаких не поступало – учитель сидел спокойно.

Закончил Фёдор Денисович свою исповедь таким признанием: – Да! Сила в этом добрая заложена, только не изучена ещё. А кому изучать? Кому на здоровую голову охота брать лишнюю минуту? – Подумал ещё, говорить ли, сказал: – Об уроках труда тоже ещё разок надо было поразмыслить. Почему в средних классах не ввести послеурочный час труда?

Вот и ему поразмыслить захотелось.

КОМАНДИРЫ

Должно быть, ни один директор не откажется иметь хорошие отряды. Но вот проблема; командирские кадры... Есть у парня качества лидера, но отряд ему доверить –

что козлу капусту. Другому и можно, и хорошо бы доверять, он сам отмахивается обеими руками: нет навыка, нет интереса, нет вкуса к делу.

Вкус к организаторской работе продолжает пока оставаться у старшекласников в остром дефиците. Сработали многолетние перегибы в сторону словесного воспитания, призрачные надежды «вырастить активных» вдали от практических дел.

Вырывают девочки. Но не вечно же и мальчикам оставаться в пассиве! В монастырских школах командами смело ставят пионеров. Ставят и растут.

– Вы знаете, какие толковые есть ребята! – сказали мне в роно. – Они берут не авторитетом возраста, а силой морального примера. Если мальчик верен делу, честен и за общую правду умеет постоять, в отряде такому симпатизируют все.

На командные посты выдвигают ребят комитеты комсомола, советы пионерских дружин. За каждого голосуют отдельно. Эта процедура облечения полномочиями придаёт командиру – большому ли он, маленький ли – особый вес. И права. Он действует от имени организации и отвечает перед ней за отряд.

– Школьные командиры, – сказали мне в райкоме комсомола, – это наш самый боевой актив. Это люди удивительно чуткие к хорошему опыту. Как быстро они его схватывают и как быстро растут!

В Велесневе привели пример: утреннюю зарядку в школе как-то поручили провести одному командиру отряда. Он провёл. Неплохо провёл. Захотелось попробовать и другим. Так и пошла «цепная реакция». И у всех получается!

В школах конечно же сразу позаботились о командирской учёбе. Занятия – раз в месяц. Что там «проходят»?

Обязанности и права командира, методы его работы, опыт отрядов А. С. Макаренко – на примерах из «Педагогической поэмы», из его статей о воспитании. И – шире и выше: о силе коллектива, о мажорном тоне его жизни, о требовании и уважении, об умении командовать и умении подчиняться. А есть ещё наука собственных ошибок и удач. Командиры выступают, рассказывают о них, коллективно обсуждают, кто как поступил бы в какой-то острый ситуации.

А ведь, пожалуй, это ещё и первые уроки будущих педагогов.

Но не слишком ли велика нагрузка у командиров? Спросил я об этом восьмиклассницу Любу Бабий из Червоненской школы и шефа-воспитателя её отряда учительницу начальных классов Зиновию Ивановну Бойко. В отряде 4 девочки и 7 мальчиков. В те дни у них было много работы. Помогали колхозу, провели экскурсию «Моя улица»: кто живёт на ней, какими делами славен. Утро «открытый!» Сделали красивый альбом с фотографиями. Две недели «вытягивали» двух отстающих. Трудлюбивые мальчишки, а не привыкли много думать. Вытянули. Четвёрки у хлопцев пошли. Люба ответила на мой вопрос так:

– Я не скажу, что трудно. У командиров же есть и заместители, они тоже работают. Есть свободное время.

– А трудные ребята – как с ними?

– Всем отрядом! «Стенкой».

«ОНИ ПЛОХО ПОСТУПИТЬ НЕ ДАДУТ!»

Кто вырос в детском разновозрастном коллективе, тот знает, какая это воспитывающая сила – младшие мальчики и девочки. Вот уж кто не потерпит несправедливости, никакой фальши, жестокости!

– Они плохо поступить не дадут! – вспомнил я слова старшей воспитательницы Мамлютской школы-интерната Нины Ивановны Петрушиной. – Малыши в отряде – это сила, облагораживающая отряд. В классе, среди ровесников, такой силы нет. Там все на равных.

На линии поведения в монастырских школах и отрядах младшие ребята тоже делают большую погоду. Попробуй кто-нибудь из подростков плохо повести себя на улице или хотя бы пойти вечером на взрослый киносеанс. Подбегут, остановят: «А чо цэ ты идэш?»

Добираются и до «сердобольных» мам. Иная очень уж бережёт своё дитяtko, и в какой-нибудь осенний день, когда отряд идёт помогать колхозу в уборке свёклы, она скажет чаду: «Ладно, ты не ходи, побудь дома». Пацаны потом увидят её в поле, подлетят стайкой и этак лукавенько спросят: «А чо цэ вашего Мыкo-лы нэма?» Вот и попробуй перед ними оправдаться!

Славная сила! Чистая душа отрядов.

У меня уже не возникал вопрос, почему в этом районе забыли о детских правонарушениях.

НАУКА ТРУДОЛЮБИЯ

Когда впервые приезжаешь в Шумячи – совсем не шумный посёлок на Смоленщине, – идёшь по его зелёным улицам, обращаешь внимание на молодых людей. Есть что-то не совсем обычное в их облике. Шофёр ли это, тракторист ли – он по рабочему, но со вкусом одет, хорошо побрил и подстрижен и держится со спокойным и добрым достоинством. Спрашивает ли, отвечает ли – он не позволит себе разболтанных движений, неряшливых фраз. Он по-спортивному собран, уважителен и с первой минуты вызывает ответное уважение к себе.

Заговоришь с таким молодым рабочим, и тут же приходит мысль о школе, которую он окончил. Чувствуешь в человеке её неумолкающей педагогической камертон, её «фирменную марку». А когда знаешь, что её питомцев, ставших людьми труда, в торжественный час называют новой гвардией, что счёт её выпускников, которые в последние годы после вузов, техникумов и прямо из школы пошли в сельскохозяйственное производство, идёт на сотни, хочешь поскорее познакомиться с этой школой.

Она стоит, словно любуясь своей ухоженной усадьбой, светясь белизной стен среди газонов, цветочных грядок и клумб, среди зелени тонких деревьев вдоль дорожек.

Замечено: облик школы – это ясный портрет её Директора, выражение его творческих идеалов, стремлений, его педагогической позиции. Эта школа рассказывала мне о своём директоре Василии Фёдоровиче Алёшине, народном учителе СССР, каждой мелочью, каждым уголком. Вот стоят, poblёскивая стёклами,

школьные тракторы. Пять голубых «Беларусиков». Вот ряды плугов, культиваторов. Вот машина – «каблучок», которую водит сам Василий Фёдорович. А вот коридоры, двери, парты. Я увидел их в конце учебного года и... будто и не бывало здесь детей. Целую поэму во славу труда можно сложить о школьном опытно-производственном участке и обширных полях вокруг, на которых с весны до осени рокочут эти вот голубые «Беларусики».

Во всём проступают черты характера Алёшина, талантливого, государственно мыслящего педагога и опытного хозяйственника. Третий десяток лет он отлаживает систему трудового воспитания школьников. В 60-х годах, когда «модной» снова делалась школа теоретическая, кто-то в учительском стане облегчённо вздохнул: «Хорошо! Дал уроки и – домой!» Алёшин остался открытым провинником такой «благодати». Потому сегодня особенно интересно видеть, к чему он пришёл и от чего отказался.

Знаю школы, в которых, кажется, нет недостатка в труде. Есть там и труд обслуживающий, и труд производительный, и просто общественно полезный труд. После долгой всерайонной весенней агитации выпускники этих школ соглашаются даже «всем классом» поработать годок в родном хозяйстве, но уже летом от «всего класса» остаётся лишь три-четыре человека, а к осени и того меньше. И выясняется: много у ребят хороших качеств, остро не хватает одного – трудолюбия. Они открыто признаются в том, что им хочется туда, где полегче.

Начинается эта трудолюбивая с первого класса. Выводят перелашек на пришкольный учебно-опытный участок, учительница сеет за них горох и редиску, и потом они забывают об этих посевах на всё лето. Каникулы! Поливают те грядки потом

четвероклассники или шестиклассники, «отбывающие практику», пропалывает ещё кто-нибудь, а урожай собирает вообще неизвестно кто. «Отбывающим практику» я задаю всегда один вопрос: «Что здесь посеяно и для чего?» Получаю ответ на редкость позитивный: ребята переглядываются и пожимают плечами. Труд без цели, без педагогической направленности! И это длится целых 6 лет. Годы механического, беззаботного и безрезультатного труда! Какой след это оставляет в душе растущего человека?!

А дальше ученики идут в производственную бригаду. Не буду приводить унылых сцен, когда пропалочная «подёнка» охлаждает пыл даже энтузиастов. Представлю картину посветлее.

Приехал в бригаду, которой многие завидуют. У неё культурный полевой стан, построенный совхозом, столовая, спортивная площадка, богатый красный уголок – там радиола, телевизор. Спросил у ребят: «Нравится?» Ответили звонким хором:

- Конечно! Очень!
- А что нравится?
- Всё! Весело, свободно. Дружба!
- А работа? Замялись:
- Полею свёклу, капусту... Улыбок заметно поубавилось.
- Привыкли, втянулись.
- С «гарнирчиком» идё-ёт!

«Гарнирчик» объясняет многое. Работа с растениями – одно из самых увлекательных дел человека – и здесь была некой неукусной пилюлей, которая трудно глотается без сладкой оболочки – без весёлой культурно-массового гарнира. Но сделать радостью саму работу этот гарнир не помог. Бригада ничего тут не

выращивала, не сеяла и не сажала, она приехала только прополоть посеянное кем-то. Но центнеры, которые тут вырастут, войдут в отчёты школы, и это прозвучит оглушающей музыкой со многих трибун. Однако ни с одной из них мы не услышим о самом важном: велик ли воспитательный эффект, много ли граммов трудолюбия прибавили ребятам эти ударно звучащие центнеры?

У Алёшина думы об этих «граммах», глубокие думы педагога, занимают и разум и сердце. У него школьник с первого класса учится радоваться делам своих рук.

Участок в этой школе отличается от других, как говорят, уже с порога: он не учебно-опытный, а опытно-производственный. Это первая «педагогическая площадка», где закладывается трудолюбие. Первоклашки здесь начинают с того, что получают грядку или клумбу и приступают к великому таинству сотворения земных плодов. С этого часа их захватывает тот самый труд-забота, педагогическую «соль» которого как безупречного воспитателя читателей хозяев и увлечённых трудолюбцев, способных слышать зов дела, открыл А. С. Макаренко.

Первая забота – семена. Отбирают, проверяют, готовят, узнают тайны их жизни. Потом – почва, постижение её секретов. И вот она принимает семена. Оказывается, как интересно и приятно – сеять! А дальше пойдёт целая карусель забот и радостей. Поле сеяли – нужен дождик. Полили – надо порыхлить. Пошли сорняки – спеши полоть, потом подкармливать, снова полоть. Всё это и хлопотно, и интересно. Труд-забота! Воспитывающий труд! Радостно видеть, как показали из земли твои первые растения, как повеселели они от рукотворного дождика, как много прихлынуло

к ним света, когда с грядок сняли мохнатую шубу сорняков, как легко и вольно задышалось после этого и цветам, и свёкле, и бобам! Радостно смотреть.

Труд и его результат – красота и радость – здесь идут рядом и пробуждают в детских душах желание стараться.

Не спешите утверждать, что это интересно одному и неинтересно другому. В детстве всё интересно, что сделано своими руками. И всё оставляет в сознании ребёнка добрый след. Не торопитесь принижать этот детский труд современными ярлыками «примитивный», «несовременный». Именно с него, с простого ручного труда, начинается и всегда будет начинаться человеческое трудолюбие. Оно открывает дороги и в космос, и в глубины вещества, и к самым высоким вершинам творчества.

Кипит на участке работа, и идёт порой незримое соревнование: у кого лучше, у кого красивее?

А как же каникулы? Помнят о них в Шумячах, помнят! Но однажды ребята собрались и постановили: летом будем тоже на участок приходить. Утвердили даже норму: первые-четвёртые классы работают летом по 30 дней, пятые-шестые – по 35, седьмые-десятые – по 42 дня. Кто-то из сердобольных мам было всполошился: когда же детям отдыхать? Ответили им сами дети: милые мамы, не бить же нам баклуши с утра до вечера! Надо и поработать – это же так интересно! И вопрос, как говорится, был исчерпан.

Работают, любят. А потом – праздник урожая с выставкой экспонатов, с потоком гостей. Для многих ребят это день первой трудовой гордости, и для всех – день ошутимого взросления. Стенды рассказывают, как много выращено детьми всяких

овощей, как много народу можно ими обеспечить. Смотрят гости, смотрят папы и мамы, тёти и дяди, смотрят районные руководители. Ребята ходят именинниками. Скольких словесных бесед о пользе труда стоит один такой праздник!

А придёт весна – и начнётся новая трудовая «эпопея», нахлынут новые заботы, новые открытия и радости.

Шесть лет опытные педагоги во главе с начальником участка учат ребят трудолюбию, учат культурному производственному труду, сотворению благ, учат, как говорила известная калужская учительница С. П. Масонова, «за трудным радостное находить», укрепляют чувство личной полезности для общества. И когда колхозы зовут их на помощь, они идут охотно, идут с надёжной подготовкой и стойкой привычкой хорошо работать.

В книгах нет науки трудолюбия. Василий Фёдорович Алёшин у народа её взял. Эта народная педагогика и открыла ему секреты зарождения любви к труду. Человек, с детства неразлучный с трудом, он легко их понял. Вот эти три секрета-основы: начиная с первоклашек, заложить в дело интерес и позаботиться о радости. Макаренко помог осмыслить скрытую психологическую пружину: роль заботы.

Не хитро, в общем-то. Но отчего из почти 100 тысяч сельских и поселковых школ мы находим лишь единицы, где организовано дело с прямым расчётом на воспитательный результат? Почему инструкции хорошо помнят о каникулах, но не вбирают в себя лучший опыт воспитания привычки и любви к труду?

«Ведь воспитание трудолюбия – это воспитание главного качества человеческой личности, создание той основы, на которой строится и жизнь общества и жизнь отдельного индивида» –

так говорил государственный деятель и педагог Г. А. Алиев на сессии Верховного Совета страны, когда принимался закон о школьной реформе.

Мучает нас глубокое и давнее несчастье: многие из тех, кому надлежит научно направлять и организовывать трудовое воспитание, мало в нём смыслят. Эта их беда – не прошли трудовой школы сами – становится бедой нашей. Им незнаком сам механизм многообразного воспитывающего влияния производственного труда. Что же они могут сказать о методах воспитания трудящихся? Знаю людей достаточно умных, в докторском ранге, для которых, однако, разглядеть разницу между трудовым воспитанием и трудовым обучением – непосильная задача. Потому и слышим мы от них речи об одном лишь трудовом обучении и профориентации. Будто достаточно научить человека привинчивать-отвинчивать да поведать ему о людских профессиях – и можно кричать «ура!». Потому и нет у нас института трудового воспитания, а есть лишь институт трудового обучения и профориентации. Живуча старая догма: «Обучение – это и есть воспитание». Живуч тип учёного, который «простой труд» в душе почитает низкой материей, где и науки-то особой и тем паче воспитания особого никакого не требуется – всё элементарно: вложи школяру в руки какой-никакой инструмент, дай потяпать-постукать – и готово! И рапортуй, что юная смена прямёхонько подошла к осознанному выбору профессии. Читаю педагогические статьи и замечаю: вот уже автор аккуратно замалчивает идею политехнической подготовки и спешит поскорей обручить школяра с первой попавшейся специальностью.

Какие же глубокие нам нужны перемены во всём!

Школа Алёшина (как и другие лучшие) поэтому видится школой для многих.

Так вот, первая ступень трудового воспитания – это те 6 лет, когда ребята проходят начальную (основную, закладывающую основы!) науку трудолюбия в многообразном ручном труде. Но уже в шестом и даже в пятом классе они начинают мечтать о технике, о работе на машинах, переходят в школьную производственную бригаду.

И вот приходит час подняться на вторую ступень. Ученики прощаются с участком, благодарят своих наставников – биологов С. С. Андросову, О. Г. Дубровскую, Е. А. Румянцеву и переходят в бригаду.

Производственная бригада школы – организация солидная. В ней две с лишним сотни работающих, своя техника, ей отведён массив колхозной земли в 125 гектаров. Практически это школьная земля. Руководители бригады не бегают каждую весну за председателем колхоза: «Что вы нам дадите и когда?» Своё поле! Ученики так и говорят: «В колхозе нашей земли 125 гектаров». Они не «ходят в колхоз на прополку», а выращивают колхозу на своём поле нужные ему культуры. Разница как будто чисто условная. А на самом деле... В первом случае они – подёнщики, вспомогательная рабочая сила, ни в чём серьёзно не заинтересованная, а во втором – хозяйева, сами всё решающие и ответственные за дело от начала до конца.

Вторая ступень трудового воспитания – это ступень сближения с техникой, с научными основами производства: Подростков здесь ждут семинары по агротехнике, по изучению машин. Есть три мастера-инструктора, под их руководством ребята овладевают машинами, а потом и работают на них – пашут,

сеют, удобряют поля, обрабатывают посевы, убирают урожай.

Выращивают они не одну культуру – несколько: 40 гектаров отводят обычно под кукурузу, 50 – под картошку, 25 – под овёс или ячмень, 10 – под корнеплоды. Даже в СПТУ ребята не получают такой возможности изучать весь цикл работ на всех видах полевых культур.

Школьное поле сейчас – это поле традиционно высокой культуры земледелия. Для местного колхоза оно стало в немалой степени примером, образцом. Это красивое поле. Ровные ряды, тучные всходы, в междурядьях чистота. А урожай... Ребятам есть от чего чувствовать себя «на высоте». Когда колхоз берёт с гектара по 140 центнеров картошки, школа собирает по 200, когда ячменя у колхоза выходит по 19 центнеров, у школы – по 31; ещё больше разница по зелёной массе кукурузы: её собирают по 450 центнеров с гектара.

Поля школьной бригады стали своеобразной научной лабораторией по испытанию новых сортов зерновых и других культур. В последние годы отсюда передали в колхозное производство по два новых сорта ячменя и картофеля, по одному сорту овса и кукурузы. И сверх всего, ребята взяли на себя ещё одну заботу: досуг и общественные дела по месту жительства. Там организованы и действуют успешно разновозрастные отряды.

Любопытная цифра: годовой объём общественно полезных работ школы сейчас составляет 200–240 тысяч рублей.

В школах сегодня стало «больше труда». Слышится по этому поводу много и одобряющих, и обнадеживающих слов.

Дело за тем, чтобы побольше мы заботились о качестве трудового воспитания, как это делает Василий Фёдорович Агёшин.

ЗДЕСЬ РАСТУТ «ЗОЛОТЫЕ РЕБЯТА»

«Ты слышал выражение «золотой ребёнок»? Так вот, эта маленькая деревенская школа выпускает таких детей. Её хочется назвать Питомником Хороших Человеков. Приезжай. Такого ты ещё не видел. Очерк напишешь, а то и повесть. Места здесь отличные: тургеневская глушь...»

Так написал мне как-то мой давний друг, районный газетчик. Он сообщал, что в эти края учительская молодёжь валом не валит, но добраться туда «сухой пустяк». С поезда надо сойти на станции Судимир («Это akurat между Сухиничами и Брянском»), там «штурмом взять автобус», который идёт на Хвастовичи, отрястись на нём по ухабам ровно 30 вёрст – и можно вздохнуть с облегчением: ты в райцентре. Отсюда до Берестны ходят попутные. Это ещё каких-то два десятка вёрст прогулочной тряски-пляски в кузове с какими-нибудь бочками, и считай, что ты почти добрался. Там до Высокого останется всего километров пять ходу, «а если с песней, то и того меньше».

«Школа начальная, – писал он. – Работают там двое: учительница и техничка – бывшая её ученица. Ты в газетах, наверное, встречал это имя: Елена Николаевна Дерунова, заслуженная в России учительница. Ей пятьдесят. Подвижная, душевная, только глаза грустные».

Потом он прислал мне пачку не очень удачных фотографий. На обороте одной из них было написано: «Это и есть Елена Николаевна». Она стояла к аппарату боком, напоминая артистку Ермолову, с чуть запрокинутой головой и узлом волос, спущенным на затылок, стояла, спокойно сложив перед собой отяжелевшие кисти рук. Лицо её с прямыми линиями профиля было усталым и грустным. «Годы?» – подумал я.

А друг звал: «Ты приедешь и скажешь, что яркой её жизни можно позавидовать, что этим счастьем она богаче других. Но вот «откуда грусть?» – вопрос сложный. Приедешь – поговорим».

Сколько раз я приезжал за эти годы в Высокое? Бывал там и по дню, и по два, и всякий раз, уезжая, жалел, что я не кинооператор, что не могу показать людям этот «Питомник Хороших Человеков», дела и дни Елены Николаевны, как видел их сам.

В первый приезд не повезло мне. Такая была досада! Больше 70 километров «открутить» на велосипеде по лесным дорогам (не хотелось «тряски-пляски» – махнул от Думиничей напрямик по карте), что называется, в поте лица подкатить к Высокому и уехать, что Елены Николаевны нет дома. Июль! Она уехала куда-то на юг. Высокое сразу упало в моих глазах. Я смотрел на него с тоской. Что ж ты, Высокое, скучно так выглядишь? Ни садочками глаз не порадуешь, ни красивыми палисадниками, ни весёлой чередой берёзок, посаженных вдоль изб? Только куры да свиньи бродят по улице, да чернеют коровьи лепёшки на траве. Что ж ты так тускло, без интереса живёшь, Высокое?

Уже не зная зачем, я мчался дальше по улице, распугивая кур и поросят, мчался в конец деревни, где весёлым кудрявым острым зеленели деревья школьной усадьбы.

Высоко над входом, за калиткой, горел факел. Нет, это был не огонь. Это призывно пламенели кудряшки оранжевых цветов, как эмблема вознесённых в белой чаше (ею оказался покрашенный диск от старого грузовика). А дальше, за факелом, открывалось что-то дерзко-нездешнее, почти вызывающее, приводившее на память живописные цветники Пятигорска и Сочи. Разрисованными пряниками пестрели клумбы, твёрдо лежали жёлтые чистые дорожки, словно врезанные в зелёную шубку газонов. Их боковые линии надламывались, уступая место скамеечкам, описывали круги и полукружья, окантованные зубчатым кирпичным бордюром у клумб. Клумбы положены были строго симметрично, по определённому рисунку, и на каждой вился свой чёткий узор. Глухая беседка пряталась в высоких цветочных зарослях, к ней вела уютная аллея, угол школы с крыльцом выглядывал из парка. А слева весь край усадьбы улыбался румяными яблоками. Дальше угадывался школьный сельскохозяйственный участок. Всё было обнесено тонким ровным частоколом.

– Ай школа наша понравилась? – услышал явно ко мне обращённый голос.

Сзади стояла, пряча горделивую улыбку, молодая колхозница с граблями на плече. Глазами указала на школьное крыльцо:

– Острог был. Арестованные при немцах сидели. Потом конюшня была. Тут жутко что было – продолжала она попросту, будто давно меня знала. – Это уже потом Елена Николаевна с ребятами всё тут в красоту произвела. Это всё её с ребятами заботы – ничья тут родительская рука ни к чему не прикоснулась.

Когда-то здесь дремал пустырь. Телята бродили, гуси. Потом вдруг разлетелись с детворой по деревне шумные, будоражившие новости:

– Пустыря не будет. Там станет красиво, будет парк и сад, будут аллеи, цветы – новая учительница приехала!

Люди смотрели, как носила она с детьми первые шкетники, первые деревца из леса, как собирала плотников тесать столбы и прожилыны, дивились: «За свои рубрики нанимают!» Но спустя неделю чьи-то старушечьи голоса надрывались вблизи школы. – Приехала тут, пустырь огородила! Гусей, скотину лишила такого раздолья! А дети кричали своё:

– Будет красиво. Как в городе будет! Бежали с лопатами, с граблями. Копали, сажали, браковали сделанное, придумывали лучше. Потом зацвели виолы, гвоздики, георгины, золотые шары... Ребята видели их в первый раз, сбегались, ввели за собой взрослых, фантазировали:

– А ещё дорожки обсадить!

– И обложить кирпичиками, – как клумбу!

Через год или два старая клумба казалась им уже маленькой, невзрачной, сделали большую, а по бокам ещё две длинные. Потом ещё!

Женщине с граблями («Анохина моя фамилия, Прасковья Григорьевна») всё это нравилось. Эта школа, эта красивая детская усадьба теперь каждое утро, каждый день веселили её душу. Там учился и её мальчик. Он так любил Елену Николаевну!

– Она им милей матери, ученикам, – торопилась объяснить мне всё Прасковья Григорьевна. – Она и ранку перевяжет, и накормит, и молоком напоит. Обеды им готовит. Овощи у них свои,

фрукты свои – вон сад-то какой у них. Самые голодные годы были после войны – она корову купила для них, для учеников, ей-то, одинокой, много ли молока надо? Ох, она их так поддерживала хорошо! Были ж дети – на одной сухой картошке сидели. Жёлтые, бледные. Всех подняла! Это прямо как родная мать! Ей было сладкой отрадой рассказывать, а мне – слушать, и она повела было речь о «климате», который создаёт учительница в деревне, но ждали Прасковью Григорьевну дела, она извинилась, сказала: «Ладно, может, потом когда-нибудь!» – и заспешила к дому.

– А тут есть Тоня Фирсова, техничка, – отойдя, оглянулась она. – Тоня вам всё расскажет! Это ж и её тут труды – и парк, и всё это при ней началось, она ученицей тогда была.

Я провёл велосипед в калитку, поставил к изгороди. За стеной частокола раздавались ребячьи голоса. Пойти туда? Там была ещё одна калитка. За ней разговаривали два мальчика. Один был постарше, наверное, третьеклассник, другой только ещё приглядывался к школе. Старший объяснял:

– Когда приходишь, то сперва ноги надо помыть.

– А где? – спросил младший.

– Если дюже грязные – вон ручей. Там доски положены. А потом ещё вот тут, в касках, – чтоб начисто. Это немецкие каски, от войны. Вот на дощечку становишься – и тряпочкой. А дальше уже не замараешь – там до самого крыльца тесовая дорожка, она чистая. У калитки дежурные стоят, проверяют. А когда холодно бывает, то вода в касках тёплая – Елена Николаевна греет нам.

– А когда совсем не грязно?

– А тогда – пыль. Тогда тут две тряпочки. Пыль сухой надо обтирать, а подошвы мокрой. Елена Николаевна так велела.

Вот гляди...

Я не стал нарушать такой важный инструктаж, пошёл в цветник. На дощечках, прибитых к колышкам, читал: «Аллея роз», «Золотая аллея», «Дельфиниум», «Кориопсис».

– Здравствуйте, – услышал вдруг.

Девочка, по-деревенски неловкая, невзрачная, с одутловатым, чуть растерянным лицом. Линялое сиреневое платице, линялые тряпочки в косичках. Она силится одолеть свою неловкость, сделаться общительнее и спросила, глянув на мой фотоаппарат, пристёгнутый к офицерской полевой сумке:

– Наверное, вы из Калуги?

У неё получилось тактично и вежливо, она, должно быть, сама удивилась, что так у неё хорошо вышло, и сразу почувствовала себя свободнее. Вспомнила, что надо представиться, и сказала:

– Я тут дежурная, звать Шура. И вот ещё дежурный, это Вася, он из нашего класса.

К нам подошли те два мальчика, что разговаривали у нижней калитки. Шура кивком указала на старшего. Я похвалил их усадьбу, они улыбнулись – все трое.

– Тут всем нравится, – спокойно заметила Шура. – И взрослым!

– Всеяй деревне! – добавил Васёк, крепкий, аккуратный мальчик с выгоревшей чёлкой.

И Шура повела меня за собой по утопанной дорожке вдоль узорчатых цветочных ковров и ковриков, повела непринуждённо и просто, будто так это само собой и разумелось, что она должна мне всё тут показать и объяснить. Она остановилась, рассказывая о цветах, откуда они и как называются, что больше всего она любит виолу («...ещё её называют анютины глазки»).

Попутно она поднимала на дорожке палые листья, комкала их и отдавала мальчикам, чтоб отнесли в мусорницу, а я следил за её лицом. Оно менялось. Оно становилось по-детски увлечённым и приветливым, глаза смотрели на меня выразительно и ясно, и ей всё больше нравилось рассказывать о своём красивом хозяйстве. Я наблюдал за ней с удивлением: откуда она так много знает о цветах? Но я ещё неясно представлял, кто это передо мной, какая судьба, и потом пожалел, что не знал этого. Я бы увидел больше. Я бы увидел, как распрямляется душа ребёнка, о котором года три назад соседи говорили слова ужасающие; «Это оторва, это бандитка растёт».

Мы завернули в сад, вышли на овощной участок, там буйствовали на грядках диковинно крупные помидоры, огурцы и так полушилась свёкла, что из-за её листьев виднелись только головы да плечи маленьких огородников.

Всё необычно и всё красиво. Я ходил и думал: какого же дивного союзника привлекла себе на помощь в воспитании ребят Елена Николаевна! Поэт сказал: «Ах, красота, эта страшная сила!» Но здесь она была силой доброй и могучей – она была поставлена здесь воспитательницей.

В парке нас встретила девушка. Я догадался: Тоня, техника. Плечистая, плотная, с крупными загорелыми руками, в ситцевом платье. Парковые дорожки вокруг были словно вылизаны – ни травинки, ни упавшего листка, только корни деревьев, как вдутые вены, выступали по краям.

– Какая у вас чистота кругом! – указал я Тоне на эти дорожки. Она несмело улыбнулась, ответила:

– У нас два воспитателя: Красота и Чистота.
– И надёжно воспитывают?

– Прививают любовь к хорошему. А когда человек любит красоту, порядок, он же не может быть плохим, правда?

Мы шли с ней к школе, она продолжала:

– Я потому сюда и пришла работать. Когда-то я тут училась, меня Елена Николаевна учила. Мы ещё маленькими закладывали этот парк, этот сад, я сажала вон те берёзы. Вон какие большие уже! Потом училась дальше, в неполной средней – пять километров отсюда. И пошла к Елене Николаевне работать. Я раньше думала: техничка, уборщица – что хорошего? А это ж работа тоже воспитательная, правда?

Теперь в полный рост вставал передо мной другой союзник педагога, тоже красавец, волшебник и великий труженик. Имя его – Чистота-Порядок. Он встречал детей ещё у калитки. Когда два мальчика разговаривали там, я понял, что если театр у Станиславского начинается с вешалки, то школа здесь начинается ещё раньше – с калитки. Школа – это храм. И в этот храм ты можешь войти после того, как почувствуешь, что ты весь в порядке, чист и свят от ботинок до макушки и до кончиков ногтей.

Воспитателей у волшебника – легион. Это – и тесовая дорожка к школе, и крыльцо, и ступеньки, обладающие какой-то гипнотической силой внушения. Входи! Но... Чистилок нет, решёток тоже. Внизу постелена белёсая, мягкая от частой стирки мешковина, ею не ботинки – руки можно вытирать. А ступеньки будто отполированы, на них хочется сесть. И глаза ещё раз оглядывают обувь.

Это – и запах. Здесь обычной школой не пахнет. В прихожей

стоит запах хвои и горячего душистого чая. И всё блестит, будто в аптеке: самовар, чайники, чашки, умывальник с мыльницами и щётками для рук и медицински белый эмалированный таз.

Это – и шеренга белых полотенец на гвоздиках, своё для каждого, и зеркало на стене, и под ним рядок карманчиков с расчёсками: войдите, разденьтесь – причесаться надо. Это и парты в классе; им уже лет по десять, а они все новенькие.

И – бутафорский Кот Котофеич, весело пантвующий на столике в глубине прихожей, среди картинок и журналов. Он сидит, шикарно одетый, весь в красных и синих шелках и в широкополой шляпе с бантом, с сумкой через плечо. Там у него маленькие книжечки со стихами. Мимо не пройдёшь ничоём! Котофеич умеет звать к себе в гости: возьми, погляди, почитай – будешь знать то, что другие знают.

Вот такие порядки у волшебника, ведомство которого начинается от капитки.

– Ведь ребята – они какие? – подсказала мне Тоня. – Много неряшливых, безалаберных, таких, знаете, – всё у них кое-как. Кто их нынче дома-то к порядку приучает? Всем некогда! Вот при- ходится Елене Николаевне придумывать...

Тоня в этих делах – фигура опорная. «Техничка» для неё о- начает «ассистент педагога», и это, пожалуй, самое точное опре- деление её роли и места в жизни школы.

Она знала здесь не только все дела – знала и детей, и всё, что с ними происходит. Спросила меня о Шуре:

– Вам понравилась эта девочка?

И тут я узнал историю маленькой «бандитки».

Нет, с ножом она ни на кого не нападала. Но к семи годам де- вочка стала уменьшенной копией матери – злобной, неряшливой, безобразно грубой женщины. Шура ходила такой же отрывистой, сердитой походкой, так же огрызалась направо и налево и даже для матери не находила добрых слов. Люди поговаривали, что это вырастет тяжёлый, грубый, беспардонно изворотливый чело- век, для которого никто не дорог и ничто не свято.

Первый раз в школу она шла надутая, чуть в стороне и впе- реди других, шла своей сердитой походкой и косилась на всех. На ней был измятый, криво надетый фартук и новые перекрученные чулки; туго, но неряшливо заплетённые косички торчали одна вверх, другая в сторону.

До этого дня Шура ни разу не заходила на школьную усадьбу. Ребята вступали туда, как в волшебный дворец. Шура тоже про- шла через капитку и... замерла.

Потом пошла, несмело переступая, снова задержала шаг и остановилась. Где она есть? В какое царство пришла? Или, мо- жет быть, это сон?

Рядом, тоже затихший, стоял крепкий белоголовый мальчик, Васёк. Он молчал.

– Нравится? – подошла к ним Елена Николаевна. Она была доброжелательной и ласковой. Шура глянула на неё сперва рас- терянно, потом вдруг улыбнулась в ответ и кивнула головой. Мо- жет быть, первый раз она так благодарно улыbnулась человеку. Ребята загалдели:

– А она на свою мамку ругается!

– На всех! Дурными словами!

Елена Николаевна знала это. Знала, что мать величает Шуру и заразой, и змеей, и собачьим мясом и по месяцам не моет

в бане. Но на ребят учительница посмотрела с тем же добрым, успокаивающим выражением лица и сказала, что теперь Шура в нашей семье и, если к девочке пристало что-то плохое, мы ей все поможем.

Дня через два после уроков Шура подошла к Елене Николаевне и попросила:

– Можно я тут ещё немножко побуду? Я ничего не испорчу.

Она пошла в беседку. Цветы, склоняясь с обеих сторон, провожали её до самой дверцы. Шура откинула крючок, остановилась. Тишина. Белёсый половик у порога. Скамеечки вдоль стен. Голубые. И зелёный полумрак. Рослые цветы обступили беседку, заслонили окна. Чистенько, тихо. Слышно только, как где-то за речкой рокочет трактор. И так не хотелось девочке уходить отсюда домой!

А наутро дети сказали, что Шура в школу не придёт. Елена Николаевна тут же оделась и пошла к ней.

– А чего такое? – встала у порога Шурина мать. – Хворает Шура, ну? Шура выбежала из-за печки:

– Что ж ты бре... – и осеклась. – Что ж ты врешь? Сама не пускаешь, а врешь? Сказала: «Ерунда ваше ученье, иди нынче гусей стереги».

– Напрасно вы так, – строго заметила учительница. – Вы на это не имеете права. – А Шуре сказала:
– Одевайся, пойдём в школу.

Всегда, сколько помнит себя Шура, она видела в семье торжество безобразной силы зла, грубости и безрассудства. И вот первый раз на её глазах торжествовала сила здоровая и добрая. Шура чувствовала себя освобождённой от чего-то тяжёлого,

озлобляющего и шла с Еленой Николаевной, взглядывая на неё удивлёнными глазами.

В этот день она успела побыть дежурной, поработать со своим классом в огороде и цветнике. После обеда Елена Николаевна с Тоней вымыли её в бане, вычесали голову, остригли ноготочки.

Близился вечер. Шура играла с Котом Котофеичем, разглядывала книжки с картинками, а когда Елена Николаевна остановилась около неё, она опустила голову и затихла.

– Я не хочу домой! – прошептала она.

– Не бойся, – успокоила её учительница, провожая по улице. – Мама тебе рада будет. Скажет: «Какая ты у меня чистенькая, красивая!» А завтра опять придёшь...

Рассказывая, Тоня заметила:

– А знаете, наверное, каждый ребёнок трудный. По-своему. Вот хоть Васёк.

Это была история тоже любопытная. Смышлёный, неиспорченный мальчишка, а пошёл в школу – разбираться не умел: чисто или грязно, опрятно или неряшливо. Ему было всё равно. Из дома вышел с новеньким портфелем, к вечеру портфель был уже старый. – Фу, мать мне ещё купит! – успокоил он учительницу.

Дояркой у него была мать – доярки хорошо стали зарабатывать. И вот вам – добро бьёт под ребро, как сказала Елена Николаевна. Васёк уже – задача. И не один, конечно, Васёк. Как поступить? Провести беседу с классом?

Елена Николаевна повела ребят на ферму. Доярки убрали сырой, тяжёлый навоз, кидая его лопатами в люльку. Они были потные, устали, но стойла выскребли начисто.

Беззаботного мальчика учительница вывела вперед. – Вот погляди, Вася. Вот как работает твоя мама. Она старается, чтобы было чисто, хорошо. Но ты знаешь, как она устаёт? Посмотри, какие у неё руки. Все посмотрите...

Женщины показывали загрузевшие, потрескавшиеся ладони. Первый раз в жизни ребята разглядывали рабочие руки матерей и не отводили глаз.

Сказано: лучше один раз увидеть... Вопрос о том, как достаются портфели, был всем ясен. Но теперь возникла другая забота: что останется в душе у ребят? Не испугает ли, не оттолкнёт ли их трудная работа животноводов?

Объяснять? Внушать? Можно. Но прочен ли будет результат? Она повела ребят в соседнее помещение. Там были маленькие, недавно родившиеся телята. Симпатичные, с чистой шерстью, они забавно смотрели на гостей и лизали им руки. Дети глядели их доверчивые мордашки и хохотали.

Елена Николаевна сказала:

– А давайте, ребята, нашим мамам и тётям помочь ухаживать за телятами.

– Давайте! А как?

Вёдра и веники дети разобрали нарасхват. Так началось их шефство над телятами. И вместе с тем так завязывалась та самая связь школы с жизнью, о которой стали поговаривать лишь многие годы спустя.

Приходил черёд, Васёк отправлялся с напарницей на ферму и помогал женщинам подметать проходы, чистить клетки, поить телят, придерживая ведро.

«Это очень нужно для нравственного роста детей –

общественный труд, – прочитал я в районной газете статью Елены Николаевны. – Надо только, чтобы труд не был бременем, а чтобы ребёнок влекло к нему, чтобы у детей разгорелось желание делать и находить в этом удовольствие».

С фермы Васёк возвращался повзрослевшим, рассудительным, матери говорил солидно: – Мам, чего тебе помочь?... А учительницу огорошил опять:

– Фи, в навозе копаться! Я космонавтом буду! Ещё задача! Они уже различали: работа грязная и работа чистая, труд неприятный и труд в лучах славы. Как внушить детям истину, которую мы когда-то повторяли на каждом шагу: полезная для общества работа всякая прекрасна и почётна, труд был и должен быть у нас «делом чести, делом славы, делом доблести и геройства»?

Вечером Елена Николаевна записывала себе план: «Беседы о трудовых подвигах простых людей... Заронить в детское сознание мысль, что их отцы и матери делают большое и нужное для общества дело, заставить гордиться родителями-тружениками, пробудить желание стать в будущем хорошей сменой им».

И вот уже весь Васин повзрослевший класс охотится за газетками.

Ты читала? В районной про наших доярок написано, читала? – спрашивал Вася у Шуры.

– Я и портреты вырезала!

Из-под ребячьих рук выходит красочный альбом трудовой славы взрослых. На первой странице фотография знатной доярки Прасковьи Ковровой, под ним стихотворные строки. Дальше по страничке отведено прославленной калининской льноводке

Елизавете Ниловой, курганской трактористке Екатерине Родионовой, первой водительнице хлопкоуборочного комбайна Турсуновой Ахуновой, калужскому свиноводу Василию Шаршавенкову, Николаю Мамаю, Николаю Мануковскому, Валентине Гагановой... Под портретом В. И. Гагановой старательной детской рукой выведено:

«Это знатная ткачиха. Она перешла из передовой бригады в отстающую. Она знала, что заработок у неё тут будет меньше, а всё-таки пошла и сделала так, что эта бригада тоже стала передовой».

Каждая страничка будто говорила: «Видите? Любое дело становится большим и почётным, если за него берётся настоящий человек».

Доходило ли? Оставляло ли след?

Оставляло. Васёк менялся. Тоня как-то даже залюбовалась им.

Начинался сенокос. Все, кто повзрослее, уходили на луга. И бабушки уходили. А дetsада в Высоком нет. Куда определить ребяташек? Придумали: а в школу! Там теперь всегда есть дежурные.

Дежурил тогда Васёк. С ним были две первоклассницы. Они вышли к нижней калитке встречать детвору. Васёк стоял подтянутый, с ответственным видом и поправлял фуражку, чтоб она сидела, как полагается. На полном серьёзе он произвёл осмотр голупузой гвардии и дал команду: протереть обувь! Вот дощечки, вот тряпочки – пожалуйста! Объяснить, по какой причине это требуется, он не успел: отряд уже с великой организованностью сошел и пыхтел, наводя блеск на босоножках и тапочках, а за неимением таковых – на голых пятках.

Потом в парке Васёк давал необходимые инструкции. В первых, надо беречь красоту и порядок. Пройти по аллеям и

дорожкам и, где увидишь упавший листок или ветку, – поднять. А куда деть? Это – во-вторых. Нужно отнести в мусорницу. А если увидел, травинка на дорожке пробилась, – удалить её, выковырнуть. Потому что портит весь вид. Тут инструмент нужен, например столовая вилка. Инструменты хранятся в сарае. Они там лежат рядочками, чистенькие. После работы их надо почистить и опять положить на место. Потом помыть руки с мылом и – в беду седку книжки читать, или на игровую площадку!

Васёк целый день возился с малышней и наутро опять пришёл. С девочками поливал цветы, подкармливал помидоры, подметал с мальчишками дорожки, потом оглядывал с ними цветник и спрашивал по-хозяйски:

– Правда, красиво?

«В душе ребёнка, – прочитал я в другой статье Елены Николаевны, – чувство красивого соединилось с чувством удовлетворения, принесённого работой. И родилось счастливое ощущение радости труда». А мне всю глубину перемены, которые происходили в ребятах, довелось увидеть чуть позже.

Была осень. В школе занималась утренняя смена – второй и третий классы. До начала уроков в первом и четвёртом классах оставалось часа полтора, но оба эти класса в полном составе были уже около школы. Они работали: берёзовыми венниками подметали... не аллеи, не игровую площадку, не цветник – там было чисто, – а площадку, прилегающую к школьной усадьбе. Оказалось, что никто их об этом не просил, никто даже не подсаживал этого и не назначал никаких сборов.

– Сами! Это они сами! – услышал я знакомый голос Прасковьи Григорьевны. Она несла воду и остановилась, мы

поздоровались. – А дома что им? Разве интересно им дома сидеть?

Ребята разогнулись, вразнобой сказали нам «здравствуйте» и стали объяснять, что эта площадка «ничья», стало быть, обратить её некому.

– А хочется, чтоб кругом красиво было! – сказали девочки. Среди них, проворная, ладная, выделялась Шура.

– А то там хорошо, – рассудительно пояснил Васёк, указав в сторону школы, – а тут замусорено, листва. Весной трава плохо будет расти.

Ничего не скажешь – логика!

«Хочется, чтоб кругом красиво было!» – переглянулись мы с Прасковьей Григорьевной. Новые хозяева растут!

– Всё это – школа! – приглушив голос, заговорила Прасковья Григорьевна. – наших ребят вы везде отличите: аккуратные, выдержанные. Уже большие выросли, но чтоб кто плохо поступил или бумажку бросил где зря – вы этого не увидите. Вот уже сколько лет мы тут живём – ни разу ещё на деревне ни драк не было, ни хулиганства. Это – школа, её заслуга.

Рядом стояла женщина и всё кивала, с усердием кивала головой, сказала басовито:

– Это правда истинная! Кабы вы знали, какая у них учительница!

Догадался: Шурина мать. Прасковья Григорьевна сдержала усмешку, заговорила весело:

– Мы даже удивляемся, какие они трудолюбцы у неё получаются, у Елены Николаевны. Как одна семья работают. Чего они только у неё не умеют! И никаких им не надо указок – сами видят, что делать. Вот и Валерка наш. Ну что он, во втором

классе был, – ребёнок! А приду с работы – он всё в доме убрал, дров принёс, изба подметена. Пришёл с уроков, снял форму, сложил аккуратненько. Вечером вымоет ботинки, утром их вычитит – пылинки в класс не занесёт. Конечно, и я приучала, но по правде – с работой да с хозяйством и оглядеться некогда. Тут скрывать нечего. Да любая мать сейчас – разве она столько даст ребёнку, сколько Елена Николаевна? Они у неё и концерты готовят, и выставки разных своих работ...

Она помолчала, думая о чём-то серьёзном, и сказала вдруг:

– Я только вот о чём думаю. Если бы ребята находились в её руках хотя бы до седьмого класса! Вот это уж твёрдо был бы человек! И к труду приучен, и в культуре воспитан. А то пойдут они от неё, после начальной такой школы, учиться дальше – вот тут рядом неполная средняя, а там ничего этого нет, что здесь, о воспитании там очень-то и не думают... Если бы везде так было, как у нас!

Вот это меня теперь занимало больше всего: почему не везде? Почему даже в соседней школе, куда идут учиться дальше питомцы Высокской, «ничего этого нет»?

– Я там училась, – рассказала мне Тоня. – Там даже не люба, когда скажешь про Высокскую школу, как тут всё делается. Не любят и не интересуются. Их сюда не зазовёшь! Я вот смотрю, кто к нам идёт и едет? Туристы разные, больше всего старшеклассники. И знаете, что говорят? Они слов не находят, они радуются, завидуют нашим ученикам. А я хожу и думаю: почему же из района никто не обрадовался, не заинтересовался? Один раз привезли к нам учителей на экскурсию, они походили, посмотрели, набросали на наших дорожках бумажек от конфет и уехали...

Вы знаете, как детям было обидно? Замусорили такую красоту!.. И кто!.. Вы представляете! Зачем же они приезжали? А Елене Николаевне, думаете, не обидно?

Впору было хвататься за голову. Откуда это? Почему?

Потом я приехал сюда осенью.

Мы выходили с Еленой Николаевной на перемену, глаза её смеялись. Она была ещё вся полна уроком, он продолжал жить в каждой чёрточке её лица, в её глазах. В них тихо светилась лукавая, приглушённая сила доброй учительской власти, покоряющая детей. По просторным ступенькам крыльца террасы мы спустились к ребятам, которые выбрали место для новых юннатских опытов и клумб.

— Ну, народ, — сказала она со своим лукавым задорцем, — как будем делать? Как лучше?

И смотрела, любовно пощуриваясь, как они стоят и планируют, смыслённые, делом занятые её «белоголовики», её «народ».

Она и в класс входила с той же оптимистичной ноткой, журуя на ходу «имениника»:

— Вова, что ж ты натворил в контрольной, что ж ты накуролесил?

Наша беседа с ней длилась допоздна. Мы говорили о проблемах педагогических и сельскохозяйственных, о детях и родителях, о роли кино и газет и наконец перешли к её работе. Я раскрыл записную книжку, но Елена Николаевна вдруг сделала протестующий жест.

— Не пишите. Не надо, — проговорила она, и глаза её налились горечью. — Ничего обо мне не пишите.

Не писать? О ней? О её школе, о её примере воспитания, таком дорогом и повсюду нужном? Я смотрел растерянно. А она, прочитав на лице у меня эту бурю смятения, только закрыла глаза и печально помотала головой.

— Не надо.

Переболчала, подняла своё стареющее, остро очерченное лицо, посмотрела с болью:

— А зачем, Иван Семёнович? — услышал я. — Одни неприятности!.. — И ничего не объяснила.

Приезжал я сюда и через 5, и через 15 лет и каждый раз, счастливо удивлённый, видел её в школе — ничего не растерявшую, по-прежнему играющую весёлой и мудрой своей добротой. Ей переваливало за семьдесят, но вы не говорите ей о заслуженном отдыхе. Пусть жизнь остаётся яркой! Пусть по-прежнему не обходят её большие заботы и дела. Она только будет забавно ругать себя, когда останется сама с собой, одна в пустом учительском доме, и спазмы начнут сжимать ей голову.

— Никудышный, никудышный я человек! За всё я должна переживать, за всех беспокоиться!..

Но вот как не переживать? Парень ходит неприкаянный, Павлик, бывший её ученик! Окончил СПТУ, а на работу не идёт, целый день музыка в доме — радиола заливаётся. Чьё упущение?

«Можно б, кажется, и не забивать себе голову заботой, моя ли вина? Через сколько рук он после меня-то прошёл? Да ведь и мой он! Тут, в Высоком, все дети мои! Уйдут в армию — мне почтальон благодарности носит, не кому-то ещё: «Вы воспитали...»

Многих портить стали матери. Когда-то их нужда заставляла неволить детей работой. Сейчас копейка вольная — «Пускай

гуляют, пока молодые!» Акулина, мать Павлика: «Ой, да Николавна, он у меня – всё! Вся моя радость!»

Женщин в магазине стояло много. Елена Николаевна в гурток свернула вокруг себя очередь, летучее собрание повела.

– Давайте поговорим, только тихонечко, чтоб не мешать продавцу. Акулина, ты вспомни, какой он из школы вышел. А теперь каким становится?

Затревожились бабы. Стоит этот Павлик, горит со стыда, слова сбивчивые: «Да я хотел, Елен-Колавна, а это мать... Я завтра...»

– Ну, Наташа, вот ты, всё ты дома на себя завалила, извесь в пальчик, а дети ж у тебя без дела вянут. Кого ты растишь? Хлопнула дверь – молоденький тракторист на порог. Расстолкал очередь, горсть рубликов продавцу:

– Две бутылки!

Глянула Елена Николаевна – кровь отхлынула от лица: Володя, тоже её бывший ученик. Подошла.

– Володя, что с тобой?

– А мы с отцом, Елена Николаевна. У нас получка!

– Ну подожди, давай мы подумаем. Неужели нельзя это отметить по-другому, поразумнее?

– А как?

– Купить хороший костюм, например.

– А уже Елен-Колавна! Уже есть. Два! Даже три. Куда их?

– Ну что-нибудь ещё. Из обстановки.

– А всё есть. И сервант, и всё. Диван – во какой!

– И всё-таки, Володя... Ну, положите вы на сберкнижку, потом...

– Ой, Елен-Колавна, там полно, там их уже класть некуда!

А я ведь с отцом, Елена Николаевна, я не с кем-то там... «Утешил...»

Собрала потом в школе отцов, матерей.

– Давайте думать. Что вы делаете? Что же вы делаете?!

Тишина. Слова с напряжением, с нагрузкой входят в людское внимание, как вилы в сноп. Ох, как это много, как это огромно – учительский твой авторитет! Теперь выкладывай им всё! Как комбикорм тащат, как зерно крадут, как папы-мамы подпаивают кого-то, а ребёнок всё видит!

– Я ни себя, ничего не жалею, чтобы он вырос хорошим, честным человеком – вы это знаете. Но он видит... Куда же ты его толкаешь, отец?!

Смотрела в зал и поражалась: доходит! Понимают! Им такой погром нравится!

Прекрасно! Но она знала: зло идёт не от родительского неведения только – и продолжала свою битву уже в другом, в водящем кругу – на сессии сельского Совета – как народный депутат:

– Вы говорите «растащиповка» и говорите «нет дисциплины». Давайте думать почему? Получали «палочки» – был порядок; стали богаче жить, на сберкнижках тысячи – ворами стали. Из-за чего? А вот пожалуйста: главный агроном подъехал к складу, нагрузил себе телегу комбикорма и повёз.

– Но это же не воровство, он выписал. Законно!

– Это не воровство, но это хуже воровства! Рабочему выписать нельзя, а конторским служащим за месяц три тонны выдали.

– Ну, Елена Николаевна, им же надо как-то!

– А рабочему не надо? Он воровать должен?

У женщины охапку соломы отобрали, всеми карами пригрозили, а другие, чуть в чинах, возами возят. Это «законно»! Вот и дисциплина! Вот и подчиняйся! Правильно?

Кто-то уязвлённо жал плечом, кто-то гудел невнятно, партгор отрезал:

– Правильно, конечно! В точку, Елена Николаевна!

Ещё не остыла она от этой схватки – новая, совсем неожиданная пожаловала в гости.

Легковая остановилась у калитки. Вошли двое – один помоложе, другой постарше. В хороших плащах, при галстуках. Солидные манеры. Шляпы сняли ещё у крыльца.

– Елена Николаевна, дорогая, здравствуйте!

– Гости милые! Как давно не виделись! Ну, где вы? Как вы? Жизнь, работа?..

Младший улыбнулся расслабленно.

– Нормально вообще-то. Недавно был на курорте. Вот, между прочим, а?.. Ну что мы – едем на курорт – в кармане каких-то 200–300 рублей. Чепуха! А там, я посмотрел, – вот это живут! Один там туз – из Средней Азии. У него чемадан денег! А? Другой из Закавказья...

– Ох!.. – Елена Николаевна брезгливо передёрнула плечами. – Ну и мерзавцев же где-то расплодилось!

Старший, казалось, её не слышал проговорил ровно, будто сам себе:

– Со мной в Москве таких тузов училось много. Тысячи швыряют! Рестораны, женщины... Живут!

– И вы им позавидовали?! – Елена Николаевна смотрела гневно.

– Ну, Елена Николаевна, мы же под одним солнцем живём!

– И вы им позавидовали? – уже напористее повторила она. – А я бы не хотела с ними греться их краденым теплом! Лучше быть человеком на Северном полюсе, чем поддлецом на черноморском берегу!

Гости вскочили со стульев.

– Ну что вы, Елена Николаевна, мы же просто к слову. Это чепуха!..

Но она не успокаивалась:

– Послушайте, вы же ответственные люди! Чем же вы обольщаетесь?! Каким враждебным человеку, мерзким кумирам вы начинаете поклоняться?! А ведь у вас есть подчинённые. Вы что, думаете, они слепые? Будьте уверены, они всё прекрасно видят, всю эту гниль, и делают свои выводы, А вы даже не задумались! Как вы дошли до этого? Как вы дошли?..

И после, когда они, повторяя какие-то признания и клятвы, уехали, она всё останавливалась на этой фразе; как они дошли? Почему? Где тут чья вина? А дети всё видят. За них надо бороться,.. Всю ночь на потолке шуршала какая-то неутомонная мышь. Сон не приходил. В голове огненными россыпями вспыхивали и прогорали слепящие мысли. Она спорила с кем-то многоликим, и душу теснило давно знакомое ощущение бессилия, предательское ощущение, что она не может охватить всё, что необходимо охватить оздоровляющими руками педагога. К кому-то подступала с гневным вопросом:

– Почему так мало хороших, воспитывающих фильмов? И зачем выпускают такие: вот распахнулась дверь, помаятся ребята, кто-то кого-то портфелем по голове, крик, грохот... Художественно? Может быть. Но безобразно! Понимаете, я не за то, чтобы

ходили на цыпочках. Но что канонизирует такое художество? Разнузданность, беспардонность. Зачем? Во имя чего?

К утру её сквала головная боль. Спазмы. Голос охрип и огрубел, как у простуженной, на лице – землистые тени. Она похотела по комнате, присела на диван, попробовала разговориться с заглянувшей техничкой, а взгляд увела симпатичная детская мордашка, улыбающаяся с цветной обложки журнала. Голос грубо вязал слова, нежнея, словно заигрывал с лукавым ребёнком и словно просил у него исцеления.

– В Ловати работала, в детсадике, до войны, – расплетала болезненный, скованный голос, обращённый ко мне. – Показательный был детсад в деревне. Вот такие же курносики. Вечером мамы придут, а малыш обхватит меня за шею: «Калявна!.. (Николаевна)». Не хочет домой... – Мыслями счастливо улетела туда, в Ловать: – Чистенькие, накормленные. – И снова она здесь, любясь, потянулась к журнальной Алёнке, – Ну куда от них? Это же прелесть! – Взглянул журнал в руки, и на лице сквозь боль проступило что-то смягчённое, почти солнечное. – Вот она, рожница! Глаза хитрющие, зубки хорошенькие! Ведь это народ-то непростительный... как их не любить?! Самый хороший народ – вот эти!

Совершалось чудо. Алёнка рассеивала её боль, спазмы отходили, отпускали, жёсткие тени, стоявшие в глазах, истончались и таяли, только в голосе ещё держалась болезненная хрипотца.

– Вот немножко и проходит, – облегчённо шепнула она Алёнке. Засмотрелась на неё опять и словно поблагодарила за помощь: – Глазёнки такие умные!

И вышла на воздух.

Цветник, обливаемый росой, пестрел, приглушив свои краски, и сладкий аромат ночных фиалок дотаивал в теплеющем воздухе. Она стояла на высоком крыльце, мысленно видя ребят, хлопочущих над клумбами, говорила им со своим обычным задорцем: «Ну, народ, давай думать, как сделаем?» И вот они стоят и плахируют, какой выйдет рисунок, смыслённые, делом занятые, с круто сомкнутыми от думы бровями.

Человеки растут! Хороший народ! И дышать легко. Часами глядела бы на эти детские думающие головы, и, кажется, не надо и радости никакой другой!

А те двое ржавой иглой в сердце засели. И Володя. «Мы с отцом! У нас получка».

Что упущено? Что упустила она?

И приходило тягостное ощущение нехватности!.. Три года, всего три года дети находятся под её крылом, в её начальной школе, а потом... Что там, в той же Берестянской восьмилетке, в недалёкой средней школе? «Процент успеваемости?»

Мне хотелось, чтобы она высказала всё, я ждал с раскрытым блокнотом, но по-прежнему слышал вдруг становившийся устойчивым её голос:

– Не пишите. Не пишите – это не поможет, я убедилась давно...

Самое печальное, что убедился в этом и я. Писал я о ней много, но это не помогало делу.

Я ездил по районам, по школам и пытался понять главное: почему нет интереса? Всюду резало глаз одно и то же: неприветливый вид усадеб и зданий, травую заросшие клумбы, поломанные изгороди и вымученные планы воспитательной работы.

В одной из сельских восьмилеток мне вышел навстречу директор – разбитной, улыбочивый атлет. Разговорились, я рассказал ему о Высококой, он хохотнул:

– Хо, цветочки-дорожки!.. Не в таких ещё условиях учили! У бабки Лукеры в арендованной хате, при «поросячьей инспектуре» уроки проводили. И, между прочим, давали процент!

Было видно, как на блюдечке, что думы о воспитании отнюдь не отягощают его. Что не гложет его печаль-забота, каких людей он выпустил, не тревожит товарищ, что в ком-то из них дурманым букетом расцвели безалаберность и лентяйство, небрежность и эгоизм, а у иных и кое-что откровенно антиобщественное при более-менее твёрдом знании, сколько будет дважды два! Нет! Его забота – лишь «провести урок». Но чувствует себя товарищ капитально: он «даёт процент»! Его унылая, живущая художной жизнью школа в районе котировается ничуть не ниже других и отнюдь не считается огорчительным контрастом рядом с Высокой. А живётся ему по сравнению с Еленой Николаевной куда как легче! Ему и во сне не снятся её тревоги и печали, её горькое творческое одиночество.

И какой знакомый парадокс! Её называют самым дорогим, самым уважаемым человеком в районе. На сессиях, конференциях, совещаниях имя Елены Николаевны Деруновой произносится с особым почётом. Заслуженная учительница, трижды награждённая орденами, много лет бесценно депутат райсовета! Кажется, нет во всей округе человека влиятельнее, чем она. Один её телефонный звонок – и любой избиратель будет принят в любом районном кабинете с самым глубоким вниманием. Когда она выступает на учительских совещаниях, зал слушает, что

называется, с великим интересом. Руководители района бесконечно любят её, помнят её дни рождения, шлют ей подарки. Её глубоко уважают и в облоно, и в более высоких педагогических инстанциях. Уважают, любят, почитают... И в то же время с таким равнодушием, с такой жестокой бесхозяйственностью относятся к тому, что она совершает, к делу её жизни, к сокровищам её педагогического опыта!

– Откуда холодок тянет, не пойму, – горячился мой друг-газетчик, – но отношение вот такое... никто и пальцем не пошевелит. Раздражаются даже! Я написал о ней как-то статью к учительскому совещанию, дали её, захожу в зап минут за десять до начала – читают, жестикулируют. Один директор в кругу приятелей митингует: «Зачем нам эта реклама? Ну, работает она (я понял: о Елене Николаевне) хорошо, знаем, награды получила, ну и на здоровье! Зачем этот культ личности?...» Понимаешь?

– Посредственность желает оставаться нормой. Но вот говорят, для других школ высокий опыт кажется непосильным.

– Слушай, ну что же тут для нормальных людей непосильного? Цветник? Сельскохозяйственный участок? Ребячьи труды? Старенькой учительнице по силам, а таким дядям... А? Ты скажи, спроса нет – вот это да. Спрос у нас за что идёт? За успеваемость, за проценты. А за воспитание какой спрос? Тут и мерки-то никакой не придумано, чем это дело измерять.

Я чувствовал себя без вины виноватым перед её трудами и талантом. Первый раз в своей долгой корреспондентской жизни оказывался не в состоянии помочь делу, огромная ценность которого была для меня очевидной. Вокруг него стояла какая-то

невидимая многолетняя стена, и, сколько я ни бился, мне не удавалось даже поколебать её. Несколько лет пытался привлечь к опыту Высокой школы внимание большой педагогической печати – журналлов и газет Минпроса, его академии, но лишь с изумлением читал их равнодушные, порой нелепые отписки.

...И снова я в Высоком.

Сухонская, подвижная, но уже совсем поседевшая, Елена Николаевна светилась ожиданием чего-то праздничного. На столе рядом с лукавенькой журнальной Алёной лежали старые письма, газеты разных лет. В них, видимо, тоже было что-то целительное для здоровья тела и духа старой учительницы. Мы перебирали их, и мне казалось, я слышу издалека залетевшие сюда голоса людей, растроганных, не забывающих её. Вот из Думиничей:

«Вам шлют большой комсомольский привет участники турпохода старшеклассников. Ваша школа забываемая! Таких трудолюбивых и вежливых детей мы видели впервые...»

От бывшей ученицы: «Милая, любимая Елена Николаевна! Как я часто вспоминаю Вас и нашу чудесную школу. Мы, когда узнали о награждении Вас новым орденом, это было для всей нашей семьи как праздник... У меня всё хорошо, борюсь за звание ударницы коммунистического труда».

Из Калуги – от знакомой учительницы: «Я часто думаю о Вас. Нет, у Вас поистине замечательная жизнь! Вас окружают любящие вас дети – и благодарные Вам родители... Вам может позавидовать любой!»

В районной газете: «О таких Ленин говорил, что они идут в массы, просвещают их; своей жизнью, поведением, благородством очищают жизнь от всякой скверны, приближают светлое будущее».

Развернул ещё одну газету – с первой странички смотрело приятное, умное лицо девушки. Мне сразу почему-то вспомнились слова Елены Николаевны, которые были когда-то напечатаны в «Крестьянке»: «Есть у меня ученица Нюра Щёголева, сейчас она уже в седьмом классе. Мечтаем мы с ней, что станет она учительницей».

Это Нюра Щёголева и есть!

И статья под снимком: «От неё веет чистотой и душевным здоровьем... Анна Петровна Щёголева – выпускница Кондровского педучилища, работает в Клёновской восьмилетке... Сколько души она отдаёт детям! Её уроки содержательны, эмоциональны, полны открытий. Она пишет стихи, играет на баяне. Она – ученица Елены Николаевны Деруновой, которая вложила в неё свою любовь».

Приятная встреча! Мы стали вспоминать о Нюре Щёголевой, обо всех, кого знал и я, – о Шуре, Васке, Алёше. Это уже взрослые люди. Шура теперь уважаемый рабочий человек, о Елене Николаевне пишет подруге: «Она моя родная мама». О школе написала: «Это для меня вечная святыня». А мальчишки... Поехали они учиться дальше, повидали места другие, в городах побывали и однажды пришли к Елене Николаевне плечистые, взрослые, с тёмным пушком над губами. И Васёк заговорил о том, что всем им хочется теперь сделать Высокое красивым, новым, деревья насажать вдоль улиц, парк разбить, чтобы там и скамеечки, и сцена, а рядом чтоб – спортивный городок.

Они ушли в армию, и ей хотелось, чтобы они возвращались скорее. А потом думалось, что если даже судьба занесёт их в другие края, куда-нибудь на ударные стройки, – что ж! Велика Россия, и ведь всю её надо обжить и благоустроить!

...Стоял август. Теперь она любила этот месяц больше всех. Канун сентября, месяц счастливых ожиданий! Ими наполнилось всё: калитка, дорожки, спортивная площадка и каждая комната в новой школе.

Все дни двери в школе были открыты. Блестели полы и парты, и всё было залито солнцем, какой-то особенной тишиной. Это не усталая тишина отдыхающей школы, это – здоровая и чистая тишь приближающегося праздника. И сама Елена Николаевна входила сюда, как в храм, в котором виделись ей новые созвездия детских глаз – смыслёных, отзывчивых, жаждущих. Здесь каждая парта, каждый блик на стене внушает ребёнку аккуратность, прилежание, сдержанность.

Всё в ожидании: и шеренга свежих полотенец у входа в столовую, висящих, как в детском саду, и самодельные обручи, урассенные букетиками из конфетных бумажек, – для танцующих на сцене («Ох, нравится мамам!»), и учительский столик с тетрадями и планами. И немножко уже скучают без зрителей выставка «Цветы России», витрина ребячьих рисунков и вылепленных из пластилина фигурок Волка и Журавля, Вороны и Лисицы. И уголок с названием «Наши ошибки». Три карманчика рядом: «1-й класс», «2-й класс», «3-й класс». Пройдёт контрольная, в карманчики Елена Николаевна положит именные карточки, на них слова, которые ученик написал с ошибками. Утром, до звонка («Ведь за полчаса до уроков приходят, непоседы!»), всяк найдёт свою карточку и сядет за разбор собственных промахов. А потом войдёт Елена Николаевна, на ходу весело жура «именинника».

Ждут своего великого дела планы воспитания, которые

хочется назвать планами сотворения настоящих человек. Здесь развитие трудолюбия, способностей, талантов, воспитание патриотизма, активности, воли, настойчивости в учёбе, коллективизма, умения заметить, где нужна твоя помощь, умения экономно использовать время, культуры поведения, физической культуры... Разделы, детализация, время...

Близится сентябрь, и она забывает, что ей за семьдесят. У неё снова начало пути. Она стоит у калитки, освещённая солнцем, сухонькая, с пучком волос, спущенным на затылок, и вся лучится, глядя на стайку детей, шагающих в царство красоты.

Мы прощаемся. Я уйду, издали снова оглядываюсь на Елену Николаевну, на её чудесный городок и думаю о том, в каком мы все огромном перед ней долгу за её дело, за судьбу тех дивных ценностей, которые она создала для воспитания детей. Сколько лет стоит она перед всем районом и областью, перед руководителями просвещения страны, протянув им лучшие плоды своей долгой жизни: примите, это нужно всем, этого так сегодня не хватает всюду!

Нет, её должны услышать!

ЦЕНТР ПРИТЯЖЕНИЯ

– Вы посмотрите, как не хватает им дела! – изумлялась пожилая сельская учительница, глядя на детей, игравших в городском дворе.

Мы беседовали с ней на балконе и смотрели во двор, окружённый многоэтажными домами. Там, среди газонов, расчерченных ровными дорожками, у которых стояли крашенные скамеечки, турники, бумы, «вертушки», висели на цепях кресла-качалки,

бегала детвора. И острый воспитательский глаз легко подмечал картины, вызывавшие беспокойство.

Вот одна: группа мальчишек била футбольным мячом в каменную стену пристройки, пиная его ногами. Мяч отскакивал от стены, его «выстреливали» обратно, и он с пушечным звуком снова ударялся о каменную преграду. Скоро хлопцам это надоело, и они разбрелись кто куда, не зная, чем заняться. Четверо взобрались на забор соседнего дачада. Они не кричали, не дразнили маленьких, нет. Они сидели сонно, нахолодившись, как замёрзшие зимой воробы, и молча, со скукой глядели на дошколят, что они там делают.

А вот три девочки лет по 12 в домашних платьицах скучают на скамье-качалке. Вяло, без жестов перекинутся одним-двумя словами и тут же надолго умолкают, равнодушно глядя в разные стороны.

Мальчуган годов четырёх, плотный, упитанный, вывез на дорожку свою красивую игрушечную машину, толкнул её, и она покатилась навстречу малышу лет трёх. Очарованный игрушкой, малыш подбежал к ней, наклонился, но тут хозяин машины пихнул его двумя руками. Простодушный малыш упал на асфальт и смотрит растерянно: игра такая?

– Боже мой! – с горечью воскликнула сельская гостья. – Они не умеют играть, не умеют общаться!..

Она не видела в этом дворе ни хулиганских ватаг, ни разбивания стёкол, ни шумных ребячьих драк, но лицо её становилось всё более расстроенным.

– Внешне вроде бы ничего особенного, всё благополучно, – сказала она, прощаясь. – Но я почувствовала, что в этом благополучии зреют печальные неожиданности.

«Зреют... И созревают! – не отпустила меня эта мысль. –

Сколько мы слышим о таком, сколько читаем, сколько «созревших» проходит через милицию, через руки судей и врачей!»

И я подумал о педагогах. Но на этот раз не о школьных, о других. О тех, кто первым вышел навстречу дворовым детям.

Начав знакомиться с ними, я удивился, как много пришло на этот сложный фронт истинных талантов и подвижников. Здесь расскажу об одном из них. Точнее, об одной. О том, какой доброй и мудрой силой вошла она в дворовый ребячий мир и как поиному заиграла в нём детская жизнь.

Была она много лет школьной учительницей, любимой и любящей, потом завучем, инспектором роно. И каждый день, возвращаясь с работы, шла будто окружённая детскими бедами. Там заброшенность, там хмельные отцы, а там – «подворотня». И как мало становится учителей, умеющих думать не только об уроке! Временами она готова была бросить все свои служебные заботы, собраться вокруг себя дворовых ребят, взять их за руки и сказать: «Пойдёмте со мной...»

Потом пришёл день, когда она услышала новое выражение: «педагог-организатор». Специальная должность при управлении домами.

«Боже мой, – подумала она. – Да это же мечта!»

И – два заявления одно за другим: «Прошу освободить» и «Прошу назначить».

Знакомые учителя, как всегда с радостью встречавшие её на улицах, теперь спрашивали озабоченно:

– Алла Михайловна, что вас не видно? Где вы работаете?

– А теперь в жэке, педагогом-организатором.

– А что такое? – следовал вопрос, полный искреннего

сочувствия: – Здоровье? Заболели?

– Спасибо, нет, – отвечала она. – Как говорят, по зову сердца.

– Да что вы! На сто двадцать рублей?

Рубли, рубли... И не надо болеть за детские судьбы?

Она приняла микрорайон в центре Калуги, у площади Победы. 57 многоэтажных домов, 11 тысяч населения, 1,5 тысячи школьников.

Знакомилась с каждой квартирой, с каждой семьёй. Звонила, входила, в руках тетрадка. «Здравствуйте, я педагог-организатор домоуправления. Давайте знакомиться». Записывала: папа, мама, дети, их склонности... С комиссией обходила дворы. Пересчитывали небогатые игровые и спортивные объекты, определяли, где оборудовать футбольные, волейбольные, где хоккейные площадки, где какие поставить столы для игр. Записывали. Представитель жэка у каждой площадки с какой-то редкостной щедростью повторял:

– Это мы сделаем. Деньги у нас есть.

Алла Михайловна, полная, тихая, благодарно взглядывала на него и подсаживала уже совсем как заказчица:

– А здесь – ограждающую сетку придётся... Чтобы уже всё как следует!

Записывали и сетку.

Под «штаб» ей отдали трёхкомнатную квартиру в доме номер 8 по улице Маршала Жукова, на первом этаже. Алла Михайловна была рада, кажется, так же, как бывает рад человек, получающий новую квартиру. У ребят появилось общее пристанище, а у неё – место для работы с ними. Конечно, три комнаты, пусть и четыре (потому что есть ещё кухня), на полторы тысячи ребят не

раздолье. Но по тому, как замышляла она развернуться с делами, ей, наверное, и всего первого этажа было бы мало. Она всё распланировала по-хозяйски, исходя, как говорится, из наличия. В кухне будет детская библиотека, в остальных комнатах – занятия кружков, сборы, маленькие репетиции (жэк и пианино покупает). Здесь будут и витрины, и выставки и можно хранить всякие материалы. А массовые занятия?.. На этот счёт она кое-что придумала, ещё когда ходила по квартирам. По соседству – Дом культуры «Строитель». Можно договориться, в какие-то кружки устроить ребят туда. Недалеко станция юных техников. Сколько там всевозможных технических кружков! Мальчишки просят. Очень многие! Неужели нельзя договориться? Ну, а игры, спорт, тренировки – это, конечно, во дворах.

Там все дни стучали молотками плотники – обустроивали площадки. Ребята льнули к мастерам и вереницами тянулись в «штаб», которому Алла Михайловна дала сугубо мирное педагогическое название – «комната школьника». Шли – кто с мячом, кто с фотоаппаратом, а кто «без ничего», но все с готовым решением:

– Я – в авиамодельный.

– Я хочу шить научиться.

– Я – в фото.

Море интересов: работа с растениями, вязание, хореография, изготовление игрушек, кинесъёмки, футбол, радиотехника, вокальное искусство...

Алла Михайловна составляла списки, шла с отрядами своих подопечных к директору станции юных техников М. А. Туманяну:

– Простятся, Михаил Арамесович! Только сказала им о техническом творчестве, у них и глазёнки загорелись. Возьмите...

– Ну, если загорелись... – со всем южным радушием отвечал Туманян. – И ещё есть? Приводите, присылайте. Будем работать! Шла в Дом пионеров, в Дом культуры «Строитель», в спортивный комитет. Подсчитала потом: 386 мальчиков и девочек, можно сказать, за руку отвела в кружки, связала с делом. Организовывала дворовые футбольные, хоккейные, волейбольные команды, занятия теннисистов, шахматистов. Находила тренеров, руководители кружков, проводила первые спортивные соревнования между дворами.

И каждый день среди входивших в «штаб» искала она глазами тех, о ком помнила теперь особо. Они врезались ей в память ещё при первом знакомстве, в квартирах. Первый – это Андрей К. Тогда он стоял лохматый, с надутыми губами, недоверчиво смотрел из-под лба. Алла Михайловна заметила, как насторожило его слово «педагог», с которым она вошла в квартиру. Поняла: из неблагополучных. Бабушка подтвердила: да. И дальше – где слово, где мимика – объяснила тихоночко, чтоб не разбирал Андрюшка слов: отца... и не знает, мать... горюшко горючее... лишили прав родительских... остался вот с маленькой сестрёнкой при бабушке. А он растёт, 9 лет, с ним... трудно становится. И школе с ним... тоже. Уличные мальчишки сбивают с пути.

Андрей успел уже привыкнуть к таким разговорам и пропустил их мимо уха. Он разглядывал гостью. Разглядывал её лицо – мягкие, какие-то матерински добрые черты, глаза, её благородную серебристую причёску, слушал её тихий голос и заметно успокаивался. И когда она в конце заговорила с ним, он смотрел уже повеселее и охотно сообщил, что любит играть в хоккей, в футбол, любит быть вратарём.

– Приходи, – сказала ему на прощание Алла Михайловна. – Я думаю, тебе там будет интересно. Запишу тебя в команду.

Он молча кивнул.

В комнату школьника он пришёл среди первых. Алле Михайловне было приятно, что он пришёл, и Андрей это понял. Она посадила его рядом с собой, записала в команду, потом спросила, не сможет ли он помочь тут кое-что сделать.

Мальчишки и девочки занялись уборкой комнат. Андрей подносил воду, помогал Алле Михайловне расставлять столы и стулья. Потом она сказала:

– Я хочу, чтобы у нас здесь было красиво и уютно.

Девочки закивали, звонко загалдели, Андрей тоже кивнул, только молча.

Скоро они начали делать игрушки. Все обрадовались, когда узнали, что Алла Михайловна оказалась такой мастерицей: очень забавные у неё получались собачки, белки, ёжики. Все у неё учились вырезать, сшивать и склеивать разные фигуры. Андрей обычно работал рядом с ней. У него получалось быстрее всех. Алла Михайловна одними глазами улыбалась ему, тихо хвалила:

– Молодец. – Тут же находила глазами какую-нибудь девочку, у которой что-то не получалось, подсаживала Андрею: – Помоги ей, Андрюша.

Он подходил, спокойно, как Алла Михайловна, помогал. Потом уже сам направлялся к другим, у кого не ладилось. Он всё проще держался среди ребят.

В другие дни они ходили на экскурсии, ездили на природу. Андрей во всём помогал Алле Михайловне. Он умел разжечь костёр, надуть мяч, начать игру,

и Алла Михайловна благодарила его без слов – одной лишь мягкой своей материнской улыбкой.

«Боже мой, – думала она, – какое это счастье, что он не успел увязнуть в компании безнадзорных!»

* * *

Она, что называется, задыхалась. Ей не хватало дня. Сколько всего всякого нужно было делать, чтобы охватить всех детей и дать хотя бы главное, чего им не хватает! Наплаживалась работа кружков, спортивных секций – приходила новая мысль: нужен клуб выходного дня, чтобы никто не слонялся, не ведая, куда себя деть, нужны интересные праздники, походы, дела интересные, концерты, смотры. А ещё клуб интернациональной дружбы, клуб любителей книги...

Она становилась «жертвой» собственной инициативности, изобретательности, творческой фантазии. Замыслы – один другого нужнее – возникали у неё чуть ли не в каждом подъезде, и надо было, наверное, иметь солидный штаб исполнителей, чтобы всё, что виделось необходимым, превращать в дела.

Так нужно, так должно. Но реально ли? По плечу ли одному педагогу?

А рядом четыре школы. Четыре больших учительских коллектива работали на территории домоуправления. Объединиться бы как-то, вместе обдумать и вместе развёртывать... Признано ведь, что школа должна быть центром воспитательной работы в своём микрорайоне. Ходила Алла Михайловна в каждую из четырёх. Выступала на педсоветах, на родительских собраниях, говорила убедительно, со знанием дела и обстановки. Немая глушь. Все заняты. Всем некогда. А если точнее – все так далеки от детей!..

Если бы кто-нибудь всерьёз спрашивал со школ за работу в микрорайонах!

* * *

А к ней уже тянулись «педагогические резервы».

В этом домоуправлении оказалась солидная – и количественно, и по составу – партийная организация: 126 человек. И в большинстве это старая партийная гвардия – вышедшие на пенсию ответственные работники, служащие государственных учреждений, отставные офицеры. Повезло увлечённой воспитательнице или не повезло, но они выбрали Аллу Михайловну Горолевич своим секретарём.

Ну конечно же, с этого дня вопросы воспитательной работы парторганизации заняли, как пишут в протоколах, центральное место. В каждом доме «открылись» активисты, люди, которые всю жизнь прожили с идеей коммунистического воспитания в душе. Их и агитировать было не надо.

Чудесной находкой назвала тогда Алла Михайловна живущую через дом от «штаба» бабушку-сказочницу, представительницу боевой комсомолки 20-х годов, энтузиастку массовой работы Тамару Георгиевну Свищёву. Была она девчонкой в сибирском селе – повела с друзьями бой против дикости и невежества. Написала сердитую обличительную пьесу про врагов новой жизни, поставила спектакль. Научилась играть на гармошке, на балалайке, выступала на сцене, организовывала общественные дела. Ей так много хотелось сделать, чтобы новая жизнь скорее разгоралась в таёжной глуши.

Теперь она пенсионерка. Образованный, общественно

активный и жизнерадостный человек, партгрупорг своего дома, душа его жизни. Праздник, юбилей в семье – все там будут от чистого сердца поздравлены. Беда, неприятности – идут в семью старые, мудрые люди, вместе думают, заботой горе отводят. Кто-то небрежен к нужде общественной – не смотрит, что кладёт в пищевые отходы, которые идут на корм скоту, – письмецо опускается в ящик: «Пожалуйста, будьте внимательны...»

Ролей у Тамары Георгиевны на исходе восьмого десятка стало не меньше, чем в юности. Она и сказочница, и самодеятельный режиссёр, и лектор, организует с ребятами концерты во дворе, массовые праздники... Приходит час объявленный, оставляют ребята телевизоры, бегут с ковриками во двор. Из соседних домов сбегаются тоже. Садятся в круг на коврики, из подъезда, по старинному наряженная, улыбочивая, выходит седая сказочница. Вокруг неё, тоже в сказочных нарядах, семенят её герои.

И начинается урок воспитания сказкой. Подходят и останавливаются взрослые, папы и мамы. Для них это тоже урок. Урок внимания к детям.

Можно было только радоваться, как вступали в дело коммунисты – военные, оставшие офицеры. Алла Михайловна, пожалуй, и не ожидала, что окажутся они готовыми на такие педагогические операции.

Наверное, целый политотдел заменил собой один только полковник в отставке Александр Фёдорович Плетнёв. Вот уж душа большевистская! Нет проблем, которых бы он не умел видеть и к которым не хотел бы приложить все свои способности.

Как-то наведёлся в больницу и остановился поражённый тем, что увидел. Перед ним была многоголика команда забинтованных подростков: кто на костылях, кто в гипсе... Что такое?

Вроде никогда не было подобного «взлёта» детского травматизма. Ему ответили: безнадзорность, новая беда времени.

«Слайды!..» Он схватился за фотоаппарат, стал расспрашивать этих загипсованных бедолаг, делать снимки.

И вот идёт он к Алле Михайловне, собирают родителей – в одном доме, в другом, в клубе «Строитель». Собирают в школах ребят. Серия лекций-бесед с цветным слайдфильмом.

Сначала на экране идут кадры счастливого детства: ребята в кружках, на спортивных площадках. А дальше голос лектора становится тревожащим: «Папы и мамы, все ли вы помните о своих детях? Что происходит с ними – вы это знаете?»

На экране мальчишка с забинтованными глазами. Ему нравились взрывы. Набил с ребятами в бутылку негашёной извести, залил водой, закурил – бутылка взорвалась в руках... Вот другой. Он на костылях. Дома и в школе его всегда одёргивали: не скачи, не бегай, сиди спокойно, а в нём разгоралась тоска по движениям, по ощущению свободы... вырвался, залез на сарай, по неумелости не удержался, упал – перелом костей. А вот совсем страшный кадр. Парнишка в бинтах с ног до головы. Зимой построили снежную крепость, взяли её «штурмовать» со снежками. Крепость упорно оборонялась. Один из наступавших, фантазёр, не ведая, что такое «опасно», зажёг бутылку ацетона и бросил в крепость. Загорелся мальчик. Обгорели нога, рука, бок...

– Где ваши дети, папы и мамы? Как вы их к жизни готовите?

Александр Фёдорович служил на Сахалине, на Курильских островах, встречался с Чкаловым, с Девятаевым, улетевшим

из плена на фашистском самолёте, с четвёркой наших воинов, 49 дней проживших в открытом океане без пищи и питьевой воды. У него богатейшая фильмотека слайдов о тех краях, о героях, и это стало основой лекций о мужестве, о героизме, о дальних землях нашей Родины.

Алла Михайловна любовалась, когда на суботник вёл колону шестиклассников седоватый крепкий смугляк, настоящий морской волк, капитан второго ранга в отставке Михаил Сергеевич Драмшев. Или когда отправлялся с детворой в турпоход энтузиаст воспитательных дел, тоже страстный общественник и умелый лектор-беседчик, подполковник в отставке Юрий Владимирович Титков. С Аллой Михайловной и без неё военные шли и в школы – на комсомольские собрания и вечера, на прямой разговор: какого качества ты человек?

И ещё боевая единица: на работу с трудными вышла ветеран комсомола и партии Мария Анфиногеновна Сотникова. В войну она была секретарём Ошского обкома комсомола Киргизии, возглавляла оборонную работу среди молодёжи. Человек волевой и опытный, с ней и папам, и мамам легко говорить на самые трудные темы. И ребятам она тоже нравится, нравятся её собранность, чёткость мысли, смелость. Они подружались с ней и многому учатся у неё.

Актив, актив, славные помощники педагога! В большом доме на Тульской живут хорошие спортсмены – муж и жена Ситниковы, Галина Андреевна и Леонид Иванович. Зима, выходной день, у дома собираются подростки с лыжами, выходят Галина Андреевна, Леонид Иванович, тоже с лыжами, и вскоре длинная цепочка ребят, идущих за ними, оказывается в загородном бору, на «олимпийской» лыжне.

Тут мы прервёмся. Сколько на этом месте раздаётся недозволенных голосов? С таким-де активом всяк горы свернёт, а вот попробовали бы, скажем, в сельских условиях!..

На память приходит одна история.

Стоит как-то на машинном дворе в Попелеве, что под Козельском, механик Иван Дмитриевич Карасёв – школяры подбегают:

– Ван Митрич, а можно мы тут помочь будем? Дело было в первых числах июня, у ребят начинались каникулы.

Посмотрел на них Митрич, усмехнулся. Вот тебе и помощь, и смена! По КЗоТу таким работать вроде не разрешается, а если по делу глядеть – чего они будут скукой маяться! Тут им машины, взаправдашняя работа – интересно! А колхозу рук не хватает. Вот сейчас нужна чистка, смазка плугов, сеялок, культиваторов. Трактористу в сезон когда этим заниматься? Он только сеялку отцепил – цепляй цепляй, грабли, стогометатель. Не до чистки. По-раскинул Митрич умом, похвалил ребят:

– Молодцы. Машины будете чистить, смазывать?

У ребят и дух перехватило:

– У-у, конечно!

Повёл их Митрич к машинам. На колёсах, на дисках сеялок комья глины с соломой присохли, всё грязью забрызгано. Расставил он юных гвардейцев по двое, по трое, назначил старшего, дал всем чистилки – пошло дело! Звон, скрежет и усердие такое – хоть кино снимай!

Наутро добровольцев ещё больше привалило. Летом в Полево приезжают ребята из Москвы, Калуги, Тулы. Подростки с девичьими пальчиками, но тоже просят:

– А нам можно?

Из третьих, из четвёртых классов детвора увязалась, плечи расправляют, помогают:

– А нам, Ван Митрич? Мы – тоже!

Ну что ты скажешь? Никому без дела не интересно!

Работать у Митрича – это ещё и авторитетно. Человек он в округе почитаемый, «бог техники», ордена Ленина удостоен, работник хозяйственный, аккуратный, порядок любит. Стоит он с выгоревшими на солнце бровями, губы обветрены, в глазах лукавинки играют. Всем он дело найдёт – и городским, и сельским, – пусть привыкают! Пусть привыкают, пока не подросли, – потом их приучить будет куда труднее.

Младшим даёт дело попроще – мыть и смазывать. Тут ты ни ногу не отшибёшь, ни руку не поранишь, а воспитательная «соль» дела хороша и тут. Отмоют – машины будто новенькие стоят, глядеть весело. Вот уже и какой-то вкус, интерес к делу пробуждается. Через эту ступень у Митрича всё проходят. Даст он им инструкцию, «инструментом» вооружит:

– Вот вам ведёрочки, тряпочки – мойте.

Моют. Полосочки грязной не оставят. Помыли всю технику – чистая стоит. Доволен Митрич. Похвалит своих гвардейцев – поблуются вместе: хорошо! Ходят хлопцы походкой хозяйской, рукава засучены, руки, что у zapравских механизаторов. Высохнут машины, разведёт Митрич кусок битума в солярке,

даст ребятам помазки – теперь смазывайте металлические поверхности, чтоб не ржавели. Глядь, совсем машины как только с завода. Снова вместе хлопцы стоят, любятсся с Митричем.

А дальше уж и ремонтом кое-каким нехитрым занятся можно. Группой с механиком обойдут подростки культивавтор: ага, стойка погнута.

– Это снимите, – скажет Митрич, – в кузне поправят.

Берут ребята гаечные ключи, подбирают, какой нужен, снимают стойку. Потом поставят на место. Митрич закажет токарям наделать новых болтов, гаек, ребята привинчивают. Уехал механик в поле, вернулся, они с докладом к нему:

– Мы тут одну стойку сами сняли – кривая была. В кузню отнесли.

– Порядок, – серьёзно отзывается Митрич. Серьёзно, с доинством переглядываются и хлопцы. Вошли во вкус, спросили:

– Можно мы и в воскресенье придём? Взрослые-то работают.

Подумал механик, сказал по-отцовски: – Нет, ребята, в воскресенье вы отдохайте. Дальше – больше, им уж охота и посерьёзнее дело залучить, поближе к нуру машинному подобраться. Пришёл какой трактор на ремонт – это им что праздник. Что-то подать трактористу, что-то подержать, деталь промыть – тут все дела нарасхват. Все закоулки у машины глазами высверлят: «А это что?», «А это зачем?» И уж совсем станет день забываемым, когда Митрич откроет им чудо из немыслимого набора шестерён – коробку передач да ещё покажет, как скорости переключаются. С этого дня шестерёнки технической смекалки начинают

вращаться у ребят в самых захватывающих комбинациях.

Понятно, что дела такого рода не могут долго и прочно держаться на одном лишь ребячьем интересе. А раз уж это работа, то тут должен быть и определённый распорядок, и какая-то оплата труда. Иван Дмитриевич это понимал. С самого начала он пошёл с этими соображениями к председателю колхоза, и с тех пор было установлено, что ребята приходят на машинный двор утром, работают по 4 - 5 часов и им начисляется зарплата – по 40 копеек в час.

Мамам и папам всё это в радость, конечно. То малый баклуши бьёт, а то к делу причаётся да ещё деньги будет приносить отцу с матерью. Четыре-пять часов в день по 40 копеек – глядь, за месяц вон какая зарплата набегит! И вот уже много лет довольный ходит Иван Дмитриевич.

– Толковый, – говорит, – народ растёт. Эти пустой жизнью жить не будут.

Вот трое из его гвардейцев закончили СПТУ, в армию пошли – Серёжа Авдеев, Саша Кузьмичёв и Павел Дрыничев. По три года отработали у Митрича на машинном дворе – закалку получили подходящую. Потом по два года за рулём на механической практике в колхозе – и на полевых, и на транспортных работах. Всё освоили. Что особенно отрадно Митричу – они так бережливы техники!.. Не забудешь. А чуть какая новинка – мимо не пройдут.

Показал Митрич Павлу загрузчик сеялок своей, местной конструкции – парень тут же освоил, стал работать: 120 секунд – сеялка загружена. Осталось Павлу два денёчка побить до ухода в армию, а тут нужда в колхозе приспела горячая: шёл ударный ремонт теплятника, стройматериалы позарез нужны –

возить их некому. С поля никого не отзовёшь – там своя горячка: сев озимых, картошки много убирать... Попросил Митрич:

– Не сможешь, Павел? Хоть денёк.

Ни слова горького, ни вздоха – кивнул Павел, оделся и поехал.

Брат его, Володя, тот после школы в Боровский техникум пошёл, стать решил механиком, как Митрич. Товарищи Володины по школе безо всяких раздумий в СПТУ двинулись: даёшь технику!

Встречает иногда Митрич московских, тульских своих питомцев. Один подходит.

– Вы меня не узнаете? – ладный, крепкий парень, в армии отслужил. – Я из Тулы, ученик ваш, на машинном дворе у вас работал. Так вот и прикипел к механизаторскому делу, СПТУ окончил. Продовольственную программу выполняю.

Вот такой пример из «сельских условий». Добрый, завидный пример! Но один момент тут есть печальный: не видно учителя. Всё совершалось без него, по воле ребячьей фантазии и хозяйской сообразительности колхозного механика. Отчего на разных дорогах оказались актив и педколлектив?

Да ведь та же беда и здесь, в городе. Школы живут своей просвещенческой жизнью, а их могучий актив в микрорайонах, взявшийся развивать воспитательную работу, – своей. Дороги не сходятся. И не видно, чтобы это беспокоило просвещенческие умы. Школы оказываются словно на островах... Даже когда на эти острова переправляются активисты воспитания с «материка», сближения сил не получается.

– Вот проводим мы вечер старшекласников в 18-й школе, – сдерживая свой праведный гнев, рассказывает упомянутый выше подполковник Ю. В. Титков. – Тема одна из самых «вооружающих»: «Есть у революции начало – нет у революции конца». Большой, нужный, многое решающий разговор! Но... Из 17 учителей-комсомольцев на этот вечер не пришёл ни один. И директор не пришёл!

Вот как!

Но удивительно ли? Сколько лет внушалось учителю, что его дело учить, что обучение – это и есть воспитание! Кто же спросит за какой-то там вечер!

– А есть кому спрашивать и в городе, – отозвался на это Титков. – Я на городских совещаниях не раз говорил: «Товарищи, много митингуем о воспитательной работе с детьми, а много ли делаем? Давайте пойдём в микрорайоны, посмотрим, что за дети, что за родители, какую линию ведут школы и какой есть опыт у педагогов-организаторов...» Очень трудно раскачать!

Да. Но не мириться же нам с застоём!

* * *

Проходят годы.

Подросток, стал крепким парнишкой Андрей. Окончил восемь классов, поступил в ПТУ – будет сварщиком. А комната школьника и сейчас остаётся для него родным пристанищем. Заходит, снимает шапку, аккуратный, уравновешенный, с ходу готовый что-нибудь делать. Алла Михайловна встречает его, как своего ребёнка. Он вырос около неё. Это она «повинна» в том, что не попал он ни под какое дурное влияние.

– Ни одной сигареты не выкурил, глотка вина не погробовал. Это – Алла Михайловна. В тёмных глазах её, налитых теплом, – тихая материнская радость.

Здесь он в заботах рос. Украсил новогодние ёлки, устраивал светомузыку, организовывал с ребятами и девочками дискотеки – любил всё делать так, чтоб было всем интересно. Теперь тренирует ребят-хоккеистов. И по-прежнему Алла Михайловна обращается к нему тоном тихой просьбы:

Ты не сможешь прийти вечером, маленьким помочь?

Маленькие соберутся что-то вырезать и клеить. И как семь лет назад, Андреем молча кивает: «Приду».

Выходит, теперь он тоже «педагогический актив»!

В иной час задумается Алла Михайловна. Вроде бы и есть на что глянуть. Сотни ребят втянуты в деятельную жизнь. Каждый теперь уже ищет себя: поработал в одном кружке, научился чему-то – выбирает другой, третий. Хорошо. Пусть пробуют себя во всём! Сроднились со спортом, стали крепче, дружнее, учёба у многих лучше пошла. На городских спортивных соревнованиях у её питомцев – лучшие места. Кубков, дипломов, грамот – целая витрина. А труд? Труд для многих стал радостью. Кружок мягкой игрушки вырос в производство красивых сувениров. Их посылали в Москву на фестиваль, приобретали профсоюзные организации, Валентина Михайловна Леонтьева показывала их по Центральному телевидению. Когда работали «на фестиваль», это было как большой микрорайонный праздник труда. Полны комнаты ребят – не пройдёшь. Режут, клеят, красят. И отовсюду смотрят готовые

Катюши, котят, мишки. Заработанные деньги перевели в фонд помощи сиротам Никарагуа. И все ходили счастливые своей со-лидарностью с Никарагуа, своей хоть маленькой причастностью к её борьбе за свободу.

Во всём этом – твой труд, твои заботы. Тоже можно ходить счастливой. Сотни ребят! И сделать так, чтобы всем было инте-ресно, чтобы все пошли за тобой, чтобы всем хотелось сюда, в эти четыре комнаты, – это не просто.

Вроде бы можно быть довольной. Хотя и огорчений, порой очень обидных, – вдосталь. Одни комиссии – финансовые, депу-татские, из горono, из горсовета... Сколько проверяющих! И что слышишь? «Интересно, зачем вам столько кружков? Надо за-крыть половину. Надо беречь государственные средства!»

Всё скрашивают дети. Их здоровая, смыслом наполненная жизнь.

Но если бы охватить всех! Вот о чём давно уже начались её беспокойные думы. Ещё многие, многие ребята остаются «вне». Тут нужна какая-то более совершенная организационная структу-ра. Перед тобой масса. Масса, а не коллектив и не система кол-лективов. Кружки, секции? Слишком слабы и эпизодичны в них внутренние связи, зависимости. Оттого и не велико чувство от-ветственности подростка перед таким коллективом. Не раз было; надо выставить на соревнования дворовую команду, но... Кто за-хотел – пришёл, кто не захотел...

Великие споры вокруг этой проблемы разгораются и в печати, и среди педагогов. Как построить дело, какая организационная структура нужна, чтобы полноценное воспитание осуществлялось непрерывно на каждом, как говорил Макаренко, квадратном сан-тиметре?

Педагогическая наука десятилетиями твердит, что надо со-единить усилия школы, родителей и общестственности. Но где? Как? В какой точке? В классе? В семье? В улице? Как им замк-нуться на школьнике? Ответа нет.

Она мало слышала о макаренковских разновозрастных отря-дах, но тут задумалась о них. Макаренко называл их основным инструментом воспитания личности. Основным! Сам детский кол-лектив. Что представляет он собой в жизни? Обратилась к кни-гам. Всё просто. Дом, подъезд, отрезок улицы, где живут 12–16 школьников – вот и отряд. Командир, комиссар, физорг... Над от-рядом – шефы: педагог, кто-то от родительского комитета, от парторганизации, от депутатов. Здесь-то и сливаются воедино воспитательные усилия школы, семьи и общестственности! Через отрядных командиров и комиссаров педагоги и родительский ак-тив ладят всю работу с детьми – и учебную, и трудовую, и спор-тивную – какую угодно.

Отряды – вот что превратит рассыпанную массу в организо-ванные коллективы и даст возможность охватить всех! Будут об-щие дела, общие интересы – будет дружба и коллективизм. Дети ищут общения, ищут дела... Понятно: первый год будет трудным. Ничего. Потом всё войдёт в норму, появятся традиции...

Начались долгие дни хлопотной, канительной работы. Спи-ски. Подбор командиров. Утверждение их в школах – на комите-тах комсомола и советах пионерских дружин, первые сборы отря-дов. Алла Михайловна свозила командиров в Москву, устроила инструментальные занятия.

Какое дело должно быть первым? Конечно, перенакомить и сдружить ребят в отрядах. Обычное явление: жили в одном

подъезде, но друг друга не знали, особенно старшие младших. И вот первые общеотрядные дела...

Поворотный момент. Переход на новые формы организации жизни детей, на новую систему организации воспитательной работы. А школы и ведать о том не намерены. В упряжке она по-прежнему одна – жэковский педагог-организатор со своим активом. «Острова» устойчиво безмолвствуют. И не видно, чтобы кто-нибудь силится сблизить их с материком жизни.

И снова мучили её думы о том, как это нетерпимо и пагубно. Одно схоластическое урокодательство. По-человечески, сердцем учителя многие с детьми не связаны. «Как тебе живётся? Что радует тебя и что тревожит?» – только бы это спросили – и уже другие отношения! Нет, спрашивают лишь уроки. И дети мучаются заброшенностью и одиночеством. Собрать бы учителей, работников народного образования, обсудить с ними фильм «Чучело» и спросить: «До каких пор будет такая заброшенность?» Этот фильм мог перевернуть, разметать все завалы в народном образовании. А на него и учителя иные шли гонимые мелким обывательским любопытством: «Ах, ах, там дочь Пугачёвой играет!»

* * *

Весна. Апрель-86. В стране сегодня коммунистический субботник. Еду в Капугу к ребятам: в тот самый микрорайон. У них теперь традиция – выходить на коммунистический субботник как на праздник дружбы и труда. Написал Алле Михайловне, что приеду.

Как мне хотелось побывать на их первом субботнике! И как жаль, что не пришлось! Это был начальный шаг жизни разновозрастных отрядов, первый совместный труд. С этого началось преодоление разобщённости, сближение ребят, рождение коллективов. Я должен был это видеть; что у них пойдёт легко и что – трудно, как станут складываться отношения старших и младших, преодолеваются негативные привычки... Не удалось. Теперь предстояло увидеть лишь продолжение и услышать рассказы, как всё начиналось.

На улицах и в скверах города шла генеральная уборка. К «штабу» и во дворы шатали колонны ребят с портфелями (прямо с уроков), разбিরали грабли, лопаты, веники. И сразу – за дело. Без толкотни, без галдежа и без филонства. Один сгребает листву и мусор, другой начисто подметает за ним, и каждый уголок двора обновляется на глазах.

С Аллой Михайловной мы идём на Тульскую, там ждут нас разновозрастные отряды Тани Тищенко и Наташи Ключевой. Ждут, чтобы мы вместе с ними сажали деревца.

У Аллы Михайловны, как всегда, ровное, просветлённое настроение, мягкие интонации и такой же бархатно-мягкий взгляд. Всё у неё идёт своим разумным ходом. С отрядами, классами вышли военные и гражданские пенсионеры – весь её партийно-политический актив.

Первые разновозрастные отряды родились у неё вот в этих пятиэтажных домах на Тульской. Два дома – два отряда, в одном – 27, в другом – 28 школьников. На два дома общий двор, вошедший в себя площадки, где можно поиграть, молодые деревца, тропинки, лавочки. Обычный городской двор.

В душе какая-то смутная путаница чувств. Хочется увидеть ребят-хозяев, и мало верится, что сейчас, вот здесь, это произошло.

По всему двору мальчики и девочки, большие и маленькие, хлопочут с лопатами, с железными граблями, и никто из взрослых не стоит у них над душой. Они уже вырыли ямки, приготовили саженцы и в свою артель принимают нас между делом.

Работаем, с нами резвые мальчуганки (за чем ни пошли – пулей!), прыткие девочки-подростки и командир отряда Таня Тищенко – спортивного вида восьмиклассница с симпатичным, умным лицом. Меня она «вводит в курс» – рассказывает, а все остальные – в роли подсказывающих и поправляющих.

Как они начали? Начали не очень хорошо. Это два года назад. Объявили первый субботник, а вышло мало – всего несколько девочек. Пошли по квартирам. Идут ещё. Но неохотно, как сонные идут. Некоторые пришли и стоят, руки в карманы, кто-то плюхнулся на лавочку. Не хотели браться. Потом видят – все работают. Неудобно. Взались тоже. Сначала нехотя, вяло. А рядом малыши – такие быстрые, дружные, сравни тех и этих – смешно. Даже самый ленивый понял. Тогда зашевелились. И – пошло. Уборка была. Убирали во дворе, в подвалах, мыли подъезды, окна. Ребячий хор добавил: «Дерева вот эти сажали! К рокалетию Победы! Вон какие!» Хотели аллею Ветеранов заложить, потом посмотрели – зелени во дворе уже и так много. Тогда – просто ёлочки, берёзки посадили. Потом поливали их летом. Дел сразу много нашлось. Концерт подготовили к рокалетию Победы. Штаб тимуровцев организовали. Штаб бережливых – следить, чтоб никто ничего не ломал, не портил, чтоб свет зря в подъездах не горел.

Потом – группы здоровья, группы бега...

– Подружнели, подружнели ребятаки! – походя подкинула хонькая бабуся. – Хозяевами ходят!

Они рассказывали, как зимой по вечерам и в выходные стали большими группами ходить на лыжах, как по воскресеньям отпраздновали далеко за Оку, а с Ларисой Карпенко из шестого «А» обязательно увязывался её братишка, Коля, из пятого класса. Всю зиму ходил, ни разу не пропуская, только первый раз уморился очень, но не охал, не хныкал, а дома потом звонко рассказывал, как они ходили, как отдыхать садились и сколько он интересного видел в природе.

А скоро оказалось, что они хорошо научились чувствовать, где им нужно заботу свою приложить. Обратили внимание: в домах стало много малышей. Народ это подвижный, выбегут во двор – им и дальше, на тротуар, на улицу интересно выскочить. А улица шумная, движение большое, опасно. Собрались отряды и придумали: шефство над малышами. Даже ввести их в состав отрядов. И стало в этих отрядах уже не 55, а 89 человек. И нашлись хорошие шефы, «которые с малышами умеют» (Наташа Макарова из девятого класса, Света Созинова из восьмого, другие девочки и мальчики). А умеют они увлечь игрой – в пионербол, в классики, в популярную «резиночку», которой повсюду с великой пользой увлечены девочки и которая здесь мальчиков тоже захватила. А ещё садятся на лавочки и вместе с малышами начинают шить куклам платя и фартучки.

...Мы возвращаемся в «штаб». Там накрыт длинный стол, на столе сияет самовар, идёт дружное чаепитие с конфетами и печеньем. Нароботавшиеся вместе юные труженики не по домам разбрелись – вместе и чаёвничать пошли,

и тут у них тоже разговор – не переговорить. Как за два дня в ударном порядке подготовили «коронный концерт» к празднику работников коммунального хозяйства. Как потом выступали («Что ни фраза – грохот аплодисментов», «Стены раскалывались!»), и как отблагодарили их коммунальщики – наняли «Икарус», 40 человек поехали в Москву, в Останкино.

Этого не забыть им. Как поднимались на телебашню, «на седьмое небо».

– Триста тридцать семь метров!

– На лифте.

– Пятьдесят четыре секунды – и там!

– Это им праздник на всю жизнь! – счастливо заметила Алла Михайловна.

Кто отдохнул, насиделся – встаёт, уходит. Подходят новые, садятся за стол и, как дома, наливают чаю, и снова бежит звонкий ручей разговора – о делах и праздниках, больших и маленьких, о хорошей их дружной жизни,

* * *

На том бы можно и закончить наш рассказ. Но есть нужда и здесь подумать над проблемой.

Легко понять Ю. В. Титкова – он прав: речей насчёт необходимости улучшить воспитание сегодня слышно много, а надобно бы уже побольше хлопотать о том, что нужно для того. А нужна в первую голову трудовая база.

Находит, изобретательно находит педагог-организатор, чем занять, к какому делу приставить ребят. Но сколько найдёшь им подходящих дел в городском дворе? Труд нужен не эпизодический – постоянный. А такого и при школах нет.

Время не терпит – требует подумать, как открыть школьные мастерские для постоянного ребячьего труда. Подростки мечтают и о мини-мастерских при домоуправлениях. Чтобы стояли там столлярный верстак, слесарный с тисками и инструментами, парочка электро- и радиомонтажных столов и, может быть, две-три швейные машины.

Кто-то из речистых ораторов наверняка прочтёт это с панической суетой: где брать? Где размещать? Кому доверить? Люди инициативные на это отвечают: не так уж мы бедны, чтобы для большого дела не найти старого верстака и подходящего подвального помещения. А Свердловский МЖК, например, сделал для мастерских специальную пристройку.

Будет инициатива – будет всё!

ТАК РОДИЛАСЬ ТРУДОВАЯ ШКОЛА

«ЭТО ТО, О ЧЁМ МЫ МЕЧТАЕМ...»

Мы ждали, какой это вызовет отклик. В эфир ушёл телевизионный рассказ, который открывал явление необычное, но в то же время, может быть, смутно ожидавшееся многими. Рассказ о новаторском решении современных проблем воспитания школьников. Речь шла о сельской восьмилетней школе, что в Уланове, под Медынью, о такой её простой, но необыкновенной жизни, которой, думается, ото всей души аплодировал бы Макаренко. Передачу вёл писатель Сергей Сергеевич Смирнов. Это было в 1970 году.

– Ну, теперь двинется на вас поток писем, – сказал тогда

Сергей Сергеевич директору школы Софье Петровне Масоновой.

Но, должно быть, и он не предполагал, что хлынет такое поводье и что об этой небольшой сельской школе придётся думать ещё и вторую и третью передачи по Центральному телевидению. Потому что окажется: проблемы, к которым приложили разум, сердце и руки в Уланове, слишком глубоко и остро волнуют многих, очень многих и повсеместно ждут кардинального решения.

«Я не могла не написать Вам. Вы делаете замечательное дело! Вот такой и должна быть наша настоящая школа! Прошу Вас: обратитесь через «Учительскую газету» и «Сельскую жизнь» ко всем сельским учителям – пусть все так построят работу школ. Это всколыхнёт учительские массы, а большинство молодёжи будет с удовольствием оставаться на селе. *Н. А. Гладышева, учительница-пенсионерка.*»

«Меня очень обрадовала и взволновала ваша телевизионная беседа с С. С. Смирновым. Умеет же он найти среди многообразия нашей жизни такие замечательные явления! Как хорошо, что ваша школа с ранних лет прививает детям любовь к труду и умение создавать прекрасное вокруг себя. Как бы это сделать, чтобы все школы выполняли эту великую задачу?.. Вероятно, этому надо учить и в педучилищах, и в пединститутах, и на курсах повышения квалификации. Причём не только биологов, а всех учителей, как это правильно сказано в передаче. Если взяться за такую работу по-настоящему во всей стране, то проблемы трудового воспитания будут решены блестяще, и в ближайшие годы каждый уголок нашей страны руками молодёжи будет превращён в чудесный сад.

О. М. Самойлов, полковник медицинской службы, заслуженный врач Казахской ССР, г. Актюбинск.».

«Видимо, ваша школа является пока единственной в Советском Союзе, достигшей столь разительных результатов. Опыт ваш должен быть использован тысячами школ. Мы тоже решили его взять на вооружение. Убедительно просим ответить на наши вопросы... *П. Тесля, г. Новошахтинск, Ростовской обл.*».

«Здравствуйте, товарищи-коммунары! О вас сейчас рассказывают все. Я приветствую ваше начинание. Такой тип организации жизни школьников, их труда и учёбы – это то, о чём мы мечтаем, то, что должно у нас быть. Идти дальше надо именно этим путём! У меня двое девочек школьного возраста, и я ничего лучше не желала бы им сейчас, как жить и трудиться в таком коллективе. *А. Аезаева, фельдшер, г. Братск.*».

«У меня давно зрела мысль уехать в деревню, в совхоз. В городе дети, кроме школы, ничем не заняты, с утра до вечера играют мяч. Вы скажете, что при школах есть кружки, а при ЖКО клубы школьников. Есть. Но всё это мало что даёт. А я хочу, чтобы мои мальчики росли трудолюбивыми. В селе это вообще легче осуществить, а когда там такая школа, как ваша, – это просто прекрасно. Я сама на любую работу пойду, не боюсь никакой работы. Посоветуйте, можно ли приехать к вам в село, как устроиться с жильём. Пожалуйста, будьте добры, напишите... *М. Козлова, г. Красноярск.*».

– Так что же это за школа и что за опыт? – стал расспрашивать меня редактор одной газеты, услышав, что я давно знаю эту школу и как-то причастен к тому, что она появилась на голубых экранах. – Это что – очередная мода?

Мода... Я понимаю: популярная богиня века стала покровительницей многих нелепиц. Такая она есть: благородством вкуса нечасто радуется, а хранить и беречь всё дивное разнообразие прекрасного не в её правилах.

Нет, тут серьезнее. И тут требуется поразмыслить. О семье, о школе. О том, почему иные нынешние папы и мамы, люди далеко не малограмотные, так плохо справляются с обязанностями по воспитанию своих ребят.

«МАТЬ ПОРОКОВ» И ЕЁ ПОДКИДЫШИ

Как и когда ушло из нашей жизни то, что делало детей трудолюбивыми?

Сидят передо мной две классные руководительницы. Одна учительствует в известной московской школе, другая – в селе, где я живу. К обоим у меня один вопрос:

– Сколько в ваших классах учеников, которые любят трудиться?

Город: – Из сорока трёх... более или менее – шестеро.

Село: – Пятеро из тридцати двух. Есть о чём думать.

– Ну, а остальные?

Город: – Много барского... Вот решаем провести вечер. «Давайте подумаем, как интереснее оформить зал, наготовим всяких вкусных вещей». Девочки молчат, мальчики небрежно кривят

губы: «Ещё гого-о-овить! Скинемся по три рубля – и порядок!»
– Это страшно?

– Человек для себя не хочет сделать, чем он порадуется обществу?

– Но, может, потом талант, призвание, склонности своё всё-таки возьмут?

– Не забывайте: лень – мать всех пороков. Ленивый всегда пассивен, эгоистичен, и если хотите, жесток! Всегда! Вы только подумайтесь, какое это уродство и в социальном и в личном плане!

– Но если он умён, образован?..

– Боже мой, что может быть ужаснее, чем умничающие бездельники? Вы с ними поговорите, что их интересует? На уме джинсы и шлягеры, тряпки и развлечения. Представляете? Это нетрудовой народ.

– Ну, а в селе?

Село: – Собственно, разницы, мало. Ничем себя не утруждать и в селе привыкли многие. Ничем, в том числе и учёбой. Преподаватель объясняет, а им и слушать лень. Так, вполуха, вполглаза. «На тройку отвечу и хватит».

Вмешивается молодой аспирант.

– Речь надо вести шире: о проблеме человеческой активности вообще.

Мы согласны, можно и шире. Но проблема трудолюбия и сама по себе становится общественной проблемой первой степени. Потому что если человека с детства заела лень, то уж никакой идеей, никаким примером-подвигом его не расшевелишь. Ставь его в какие угодно социальные, производственные, житейские условия, он всюду будет выступать в одной только роли: в роли унылой обузы, если не хуже! Тут и личная и общественная

трагедия сразу!

Вот напечатанная в «Комсомолке» отчаянная исповедь киевского паренька (кому она не перевернула душу!). Сквозь злые и бессильные слёзы он объявляет себя «обыкновенным серым обывателем» в шестнадцать мальчишеских лет. Что с ним? Всё то же:

«Я не могу учиться – лень».

У другого, постарше, аккорд трагикомический:

«И на пасеке мне – не мёд!»

А ему вторит целый хор:

«Да, по преимуществу мы потребители, такими нас сделало время».

Искренно, аналитично и – никаких переживаний: был и остаюсь!..

«А у нас и в интернете растут ребяткишки барчуками: ни работать, ни учиться не хотят» (В. И. Касатская, г. Гаврилов-Ям, Ярославская обл. Из писем в Уланово).

И в другой форме:

«Как вы добились того, что все ученики вашей школы любят трудиться?» (Н. Колодникова, Львовская средняя школа Саратовской обл.).

Учительское письмо из-под Москвы.

«...Ничего не хотят и не любят делать, убегают с уроков. Работать стало очень тяжело. Устаём. Подчас даже приходит мысль покинуть школу. Весь спрос с учителя, а ему деваться некуда...»

Острый факт – не всегда подходящий материал для обобщений, но нам надо разобратся: откуда, из какой преисподней поднимается у нас это унылое исчадие века с нежным именем лень? Совсем ведь недавно лентяи в деревне, да и в городе, исчислялись единицами, как убогие. И вдруг такой «взлёт»: семь к одному! Где причина?

Город: – Многие определяют сами условия современного города. Трудовое воспитание в городах остаётся проблемой. Не так просто найти ребятам постоянное дело, которое стало бы их воспитателем. И в то же время – ясно: мы строим не царство бездельников, строим самое трудолюбивое общество на земле. Значит, надо думать и искать...

– О том и речь. А уроки труда проблемы не решают?

– Понимаете, как бы это объяснить? Всё это труд ознакомительный, а не воспитательный. Чтобы он стал настоящим воспитателем молодёжи, ему надо быть не таким. Тут нужно что-то макареньковское. Настоящий производительный труд!

Село: – Дело в том, что семья перестала быть тем универсальным воспитателем детей, каким она была до недавнего времени. Отсюда и пошло...

Вот с этим, кажется, не поспоришь. Мы привыкли считать, что семья – это могучий и всесторонний наставник ребят, что она, как и встарь, остаётся надёжным университетом детского трудолюбия. И продолжаем простодушно полагаться на её исконный в этом деле опыт и радение. Даже в педагогической печати.

«Юный селянин, – читаем в «Учительской газете», в статье «Сельская аттестация» (июль 1972 г.), – как и встарь, так и теперь, не чурается физического труда. И право же, не школе приписывать себе в этом заслугу: исходит она от семьи, от хаты...»

«Исходит»... Когда-то исходила, да. Но теперь...

Помню жаркое, острое родительское собрание и слова пожилого механика – это был интересный, наблюдательный и темпераментный человек, он спрашивал:

– Вы когда-нибудь видели бездеятельного ребёнка?.. Чтобы он не был всё время в движении, чтобы руки его поминутно не тянулись что-нибудь делать, чтобы ему всё было безразлично, неинтересно и он целыми днями не знал бы, куда себя деть?

Зал притих, потому что таких чудес ещё не видал никто.

– Так откуда же тогда берутся ленты, потребители и всякие прочие бездельники? – выкатил оратор.

Откуда? А вот сценка. Не подскажет ли она ответ?

Приезжаю из командировочных странствий в своё Чернышёво, бежит навстречу ватага дошколят – Серёжа, Василёк, Наташа, Колюшка. Бегут и ещё издали, ещё не вспомнив про «здравствуйте», кричат:

– Сёме-е-нач! А вы чего сейчас будете делать?

Что я делать буду – вот что важно выяснить этому народу по самой первой статье! И если я отвечаю, что буду колоть дрова, малыши подпрыгивают от удовольствия и выпаливают хором:

– А мы складывать будем, ладно?

Мне это каждый раз и весело и удивительно. Что они находят в этой работе? Ну, собирать клубнику, снимать яблоки – тут всё понятно. А таскать корявые поленья, поднимать их нежными детскими ручонками и складывать стенкой... Какой интерес? Но для них – посмотришь – истинный праздник! Радости сколько!..

И я всегда поражаюсь, как долго не надоедает им эта грубая физическая работа, которая, кажется, никого увлечь не может. А они увлечены! Отчего? Что за голод такой?

Да, это своеобразный голод. Она нужна, она необходима им, физическая работа. Им всегда не хватает её! Есть такая потребность у маленького человека, которую взрослые почему-то

перестали видеть: потребность работать. Смотрю на этих пятилетних «рабочих» – они утоляют голод. Им хочется движений, хочется каких-то своих трудовых нагрузок, хочется совместного веселья, соревнования и того хорошего, приподнимающего чувства, что они делают неправдашное дело. А Серёжа вдруг ещё догадается приладить у поленницы какую-нибудь дощечку, чтобы становиться повыше, и тогда кричит уже в совершенном восторге:

– Сёме-нач, а я во как придумал! – И весь в солнышках, разряженный, поплясывает на своём изобретении.

Он придумал!.. Как это сладко ему и чудесно, что он сам придумал! Какими новыми красками окрашивается для него теперь эта «дровяная» работа! А она продолжает и продолжает что-то будить в детских душах – то рабочую смекалочку, то какую-то ещё детскую, но уже сноровку, то желание потерпеть и одолеть и потом полюбовать тем, что получилось, как хорошо стало, когда раскиданные так и этак чурки улеглись ровненькой, аккуратной стенкой, – под нею даже хочется посидеть и поиграть во что-нибудь.

А мне приходят в конце мысли грустные – мысли о детях, которые вырастают в условиях безысходного «трудового голодания». Сколько их у нас, таких «дистрофиков», косяками ходят по городам и сёлам!

«Семья перестала быть воспитателем». А что случилось?

Беру давно знакомую мне деревенскую семью Андрея и Анны Плотниковых. Кажется, этой семье самую судьбой назначено быть питомником счастливых трудолобцев. Что Андрей, что Анна – это труженики, о каких говорят: в руках у них всё горит!

За что бы ни взялись – трудное, грязное, в снегу – работают село, хватко, сноровисто! Рядом с ними, думается, и самому отпетому подырю не устоять – заразительно! Я ни разу не видел, чтобы Анна шла скучным, ленивым шагом. На колодец – на рысях, с колотца – живо, ходко, на работу, с работы – за ней только поспевай. Всегда боевая, весёлая, острая.

А дети? Дети будто совсем из другого дома. Бродят скучные, лохматые, похожие на старичков, летом их тянет куда-нибудь в холодочек, под берёзку, там они лежат, сонно брэнча гитарой, покуривают украдкой, перекидываются в картишки.

Анна и сейчас вся светится, когда возьмётся рассказывать о своём детстве. Как вечером по мудрой подсказке матери посадили они с братишкой капустную рассаду, а наутро проснулись и, ещё не умывшись, помчались на огород. Им не терпелось посмотреть «какая она стала». Как поливали её потом, чтобы скорей росла, как землю рыхлили, учились окучивать и как бежали среди лета к матери со звонким торжеством: «Мамочка, там уже маленькие кочанчики!».

Сам глава семейства, Андрей, вспоминает начало своего трудового детства с тёплой любовной улыбкой. Был мальчишкой – батя взял его с собой в машинно-тракторные мастерские: «Поможешь кой-чего...» За этот день паренёк будто ростом выше стал и в плечах раздался. Он шёл с работы, и дивно ему было чувствовать свои руки, приятно потяжелевшие, ставшие будто совсем мужскими. И сама усталость, которой налились они, была ему интересна и приятна и словно бы возвышала его. Он нёс эти рабочие руки с каким-то незнакомым чувством уважения, и ему казалось, что теперь им под силу и самые тяжёлые мужские

работы.

Так начинался человек труда.

И я долго не мог уразуметь, почему детям своим Андрей и Анна не догадываются открыть эти дороги к извечным и таким по-настоящему для обоих радостям труженика. Заговорил с Анной, она вздохнула, покачала головой.

– А что хорошего-то, Семёныч? Детство наше взять: что мы выдали? Работы да заботы. А теперь вот поглядишь на ребят, и душа не налегает приневоливать их. Пусть уж они учатся да в люди выходят. Пусть хоть у них будет чем вспомнить детство!

Речь её эта горячая казалась убедительной, пока я её слушал. А отошёл – что-то запротестовало во мне. Как же так? Были ведь и в прошлом лихие времена, и жалость к детям тоже не вчера лишь появилась на свет. А детей в каждой семье старались ко всему приучить и всему научить... Нет, не всю правду сказала мне Анна в этот раз!

После обеда, придя с фермы, она, усталая, бежала по воду, я кивнул ей на ребят, лежавших под берёзкой:

– Не надорвались бы они воды-то нанести! Здоровые, сильные ребята!..

Анна остановилась.

– Да это мне, Семёныч, не трудно! – Однако тут же повернулась к сыновьям: – Ребята, я вам говорила, картошку окучить, ай вы забыли?

– Ладно, мам, сделаем! – донеслось из-под берёзки.

Минуты через три ребята ушли на речку. Наутро, заметив меня, Анна снова, уже сердито крикнула им:

– Вы что ж, картошку-то думаете окучивать?

Земля пересыхает. Дорога ложка к обеду!

– Окучим, мам! – отозвались хлопцы, чинившие на лужайке рыболовный сачок. – Мы сейчас!

Она пошумела ещё немножко, но в этой её материнской брани звучала только досада, что у неё такие непослушные дети, и не было в её речи ни самой малой тревоги за то, что они растут беззаботными ленивцами.

Вечером глянул я на картошку – там всюю орудовала тяткой... сама Анна. Сыновей не было видно нигде.

Теперь Анна сама заговорила со мною, заговорила напористо, круто:

– А вот подумаешь, Семёныч: а что им эти огородные труды? Вырастут – что они, огородом, хозяйством, что ль, будут заниматься? Теперь жизнь другая пошла; каждый на своей работе, по своей специальности идёт. Школу кончил – пошёл в ПТУ, там его делу учат. Специальность получил – работает. Человек человеком. Зарплата, квартира – пожалуйста, живёт!

– Но если ты с детства не приучишь их к труду, – подсказал я, – какие это будут работники на производстве?

– Ох, да когда мне с ними, Семёныч?! – заволновалась Анна. – Это ведь раньше... Вот и мы жили. Ведь, как бывало в семье? Все в доме, бывало, одной жизнью живут, одной заботой. – хозяйство вести. Чуть ты мало-мальски подрост, сейчас тебя к делу: прибери, подай, принеси – помогай отцу с матерью. Потом на огород тебя, на луг – сено сушить, в лес, дальше – больше, косять пойдёшь, возы возить. В работе и росли. Мать, бывало, дёвок и шить учит, и варить, и хлебы печь. Как же, надо! Куда ж они

без этого? А отец – ребят: как топор, как молоток держать, косу наладить. Трудовая наука – она сама собой получалась. – А теперь?

– А теперь семья другая стала. У отца с матерью свои дела, у детей – свои. У нас – работа колхозная, у них – школа. Утром разбежались – и соберёмся только вечером. Они наших дел не знают, не касаются, мы ихних не достаём. А дальше начнут они один по одному из родного гнезда разлетаться – сперва в ПТУ, потом в армию, а там – по производством, с тех пор ты их и видал! Если только в отпуск когда приедут.

Она помолчала в строгом размышлении и проговорила ещё.

– Нынче та-ак. А старость придёт – опять же нам одним оставаться. Нынче с молодыми не живут! Да и к чему? Нам от детей, слава богу, ничего не надо: мы государственную будем пенсию получать.

Картина прояснялась довольно чётко. В семье не оставалось ни одного рычажка, который бы надёжно и постоянно двигал воспитание детей. Когда-то была необходима их всегдашняя помощь в семейных производственных делах – теперь это, считай, отпадо, потому что сошли почти на нет сами эти дела. Когда-то отец с матерью старались вырастить хозяйственных, трудолюбивых, трезвых, уважительных, всё умеющих детей, потому что придёт старость – с такими кормильцами не пропадёшь. А будут они лежебоками – тогда старым людям, как говорили деды, ложись и помирай. Теперь и об этом беспокоиться нечего: под широким крылом социального обеспечения куда сытнее и уютнее, чем под переменчивым крылышком детей.

– В теперешнее время дети не для родительской радости растут, – заключила Анна. – Теперь они растут для государства. Государство их и воспитывает и учит, как ему надо.

Вот тебе и весь сказ. Слезай, приехали!

Одной лишь малости Анны Дмитриевна не взяла в расчёт: что хорошие дети, где бы ни пришлось им служить и работать, – всегда радость и гордость матери, а плохие...

Испытать ей довелось это лишь потом, когда было уже поздно что-нибудь поправить, когда она могла только облегчить душу слезами.

Но всё это пришло спустя годы, а пока она даже думать не хотела о том, что растит беду, что семья у неё стала школой праздности, которая исподволь каждый день приучала детей к безделью и ветреной беззаботности.

С кислой этой закваской дети пришли в школу. И полетели оттуда тревожные вестисигналы родителям: «Невнимателен на уроках, разболтан, не выполняет домашних заданий». Боже, какой это жгучий Анне укор! Занялась-запылала:

– А вы на то и учителя, чтоб научить и приучить! Вам за это деньги платят!

Ей толкуют спасительное о труде-воспитателе – Анне и слушать невмочь:

– Заладили! А ученье – это не труд?

Что ей скажешь? Ведь кто только не спотыкается нынче на этой кочке: труд или не труд?

Ей объясняли: милая Аннушка, это, конечно, труд. И большой, и очень нелёгкий. И настолько он непросто и нелёгок, что ребёнку без известных навыков, без начальной привычки трудиться, делать, напрягать усилия, одолевать своё «не хочу» и «не умею»

с учением не сладить. Он только садится за парту, а его уже ждёт целый часокл непрременных учительских требований: не вертись, приготовь, будь внимателен, учи, пиши красиво, запомни, не пачкай, клади на место, реши, убери, старайся. А если он к этому не готов? Если у него не развита интерес к делам, а от безделья уже притуплена воля и растёт он беззаботным? Привычка к праздности у него всегда будет брать верх. Требования в школе к нему год от года усиливаются, а ему это не по душе. И в нём уже зреет сопротивление. Сопротивление учёбе, учителю, порядку. И вырастает оболтус.

Анна слушала, будто выключенная.

А её соседка, работница торговли, показала мне вышеупомянутую «Сельскую аттестацию» и попросила прочесть фразы, кем-то подчёркнутые:

«Нужен не культ мозолей – культ знаний. Именно общее развитие перерастает в чувство патриотического долга, в желание трудиться...»

Печатное слово! Я был сражён наповал.

«Культ знаний» – это хорошо. Мы строим общество образованных, высококультурных людей, и доля умственного труда в жизни нашей страны теперь занимает всё более и более широкое место. Культ знаний – это прекрасно! Но утверждать (это делось почему-то в пику улановскому опыту), что сначала «общее развитие», а уж потом «желание трудиться» – это расчленять не расчленяемое и ставить всё вверх ногами. Потому что не общее развитие перерастает в желание трудиться, а, наоборот, нежелание трудиться закрывает дорогу и самому общему развитию. Ещё Ушинский отмечал первозначность физического труда, когда трудовое усилие рождает интерес, а интерес стимулирует усилие умственное.

Я обратился к опыту наших лучших педагогов. Он утверждает ту же самую истину. Все дети приходят в школу с примерно одинаковым желанием хорошо учиться. Но тот, кто с самого раннего детства не приучен к труду, быстро отстаёт от своих одноклассников, имеющих трудовую подготовку. Десятки педагогов указывают на одну и ту же ситуацию: почему девочки в школе, даже менее развитые, чем многие мальчики, обладают по сравнению с ними более сильным прилежанием, более тренированной волей и лучше учатся? И отвечают буквально в один голос: если девочки с трёх-четырёх лет привыкают помогать маме, то мальчикам дома, как правило, трудовых занятий не находится. Всё отсюда!

И эта женщина сделала большие глаза, когда я спросил: приучен ли её сын к работе?

«Зачем? – ответила она изумлённо, – разве я не смогу дать ему хорошее образование?».

Анна отходила, поджав губы. Она знала одно: дети у неё неглупые, способные – этаким ли не выйти в люди? Средним, Петёвкой, она не прочь была и погордиться. Петёвка и собою хороша, и талант у него – слух богатый, к музыке парень тянется. Баян ему купили. По слуху Петёвка подбирал популярныя на деревне мелодии, но долго за баяном не засиживался: тянуло на улицу, на рыбалку. Там всё легко, там усилить не надо!

Открылась в райцентре музыкальная школа. Посоветовали: устройте его туда. Будут задания, спрос – это парня дисциплинирует... Петёвка был переросток, но его приняли. Ездил, занимался, стал будто собраннее. Но как трудно ему было заставлять себя заниматься! Лень, которая столько лет вольно царствовала над ним, теперь цепко держала его в лапах. Что творила

она с ним, когда открывал он самоучитель и садился выполнять задания!

Вот он уже сел, вот уже проиграл 3–4 лёгких такта, дальше шли трудные, и Петёвка вдруг вспомнил, что в кухне стоит ведро со свежей ключевой водой.

Пить не хотелось, но он сидел и томился, и ему было уже невозможно ждать, когда всё внутри обольётся глотком студёной вкусной воды. Он вставал и шёл пить. Садился снова, проигрывал опять те лёгкие такты и начинал чувствовать соблазнительный запах поджаренной рыбы. Сковородка с рыбой стояла в печке. Петёвка вскакивал, открывал заслонку, брал кусочек и через минуту-две шёл к печке опять...

Капризам лени он привык подчиняться, не сопротивляясь. В нём не оставалось ни малейшего желания мобилизовать волю. Что захотелось, то он и делает. Что будет после – задумываться не привык. И это у всех Плотниковых-младших. Как-то я сказал Петёвкиной девятилетней сестрёнке, к которой «начал цепляться грипп»:

– На пёрышко лука, пожуй и всё пройдёт. Не бойся, оно почти не горькое.

– Ну его, я не могу, – жалобно глянула на меня девочка.

– Да ты только попробуй, это даже вкусно, а горчит совсем чуть-чуть. Ну вот смотри, я же ем!

Подошла Анна:

– Дочечка, тебе ж это обязательно нужно, чтоб ты не заболела.

– Ну я не могу, я не хочу, меня вырвет! – бросается девочка к крайнему средству самозащиты.

Сколько настойчивости она обнаружила, защищаясь!

Двое взрослых людей так и не смогли ничего добиться. Пусть где-то там маячат уколы, высокая температура, рвота, сейчас ей это не страшно, это ещё где-то в неизвестности, а горькое пёрышко – вот оно...

«Хочу» и «не хочу» – больше ничего не существует.

И вдруг – новость: Петька уже две недели не ездил в музыкальную школу! Получал у матери деньги на проезд и на обед, но... играл где-то с ребятами в карты. Встретил меня учитель музыки, упрашивает:

– Повлияйте, пожалуйста, на Петю. Ведь он у меня изо всех, я ещё не встречал таких дарований! А ленился...

Полтора года влиял. Беседовали с Петькой о его будущем, о том, как на пути к своей цели большие музыканты одолевали всё, даже крайние лишения. Он слушал всякий раз с тоской в глазах. Он понимал, что себя одолеть уже не сможет.

Так он и простился с музыкальной школой.

Лень сожрала талант!

Скука доедала Петьку. По выходным крепкий, мускулистый, изнывающий от безделья, он бродил с друзьями по лесу и бессмысленно, бездумно калечил топором деревья.

С бедами этими Анна свкалась как-то без тревог, учителей выслушивала равнодушно, отвечала им тоном уже оборонительным:

– А что с ними делаешь? Такие они нынче дети – неисполнимые. Пришёл из школы, поел, не успеешь оглянуться – нету. Улетел на улицу. Заявится, дай бог, к полночи.

Он учился в седьмом классе, когда я попросил его прочитать выученное. Это чтение было похоже на игру в испорченный телефон. Разбирать слова у него

«не хватало терпёжу», и он перевирал их так, что невозможно было понять, о чём в учебнике речь. «Подлежащее» у него превращалось в «подходящее», вместо «происходит» он читал «придыхает», вместо «реакция» – «революция», а из «природы» получилась «погода».

И вдруг Анна по-доброму похвалилась однажды:

– Ну, мои пошли работать!

Это появилась на свет ученическая производственная бригада. И Петька туда вошёл, и старший Серёжа, такой же «неисполнимый». Работают! Каждый день! Наконец-то! Это звучало обещанием чуда. Вот так и полюбят труд, выйдут на путь-дорогу...

Но чуда не совершилось! Поздно! От любого дела братья и там старались отлынивать. Это были уже сложившиеся ленивцы, привыкшие уваливать от работы и всё, что потруднее, сваливать на других. Воспитывать – дело нелёгкое, но тут речь шла уже о большем – о перевоспитании. И, разумеется, не только Петьки с Серёжей – там таких набралось порядочно. А время? Читанные дни. Какой гений успеет за этот срок перековать психологию лентяя? К тому же ребятам то участки забыли отвести, то борозды не распахали, то в жару воды не подвезли. А неурядицы трудолюбия не прибавляют.

Словом, ученической производственной бригаде сладить с укоренившейся ленью оказалось не под силу. Ленивые и беззаботные такими оставались и дальше.

– А они, Семёныч, нынче везде такие, – бойко оправдывалась Анна. – Вы посмотрите по селу – много вы найдёте не «таких»-то? Вот у Кати девки. Уж невесты, школу кончают! А мать пришла с работы – в доме как после бомбёжки. Всё раскидано,

на столе всё брошено-накрошено, посуда грязная, как ели, так всё и осталось невымытое, чулки, ботинки – какой где. Катя: «Да вы что же, бессовестные, ай мать должна до старости убирать за вами?» Девки как фыркнули! Одна в угол села, отвернулась, другая – в другой, надулись и сопят, как сычи.

С грехом пополам местная школа втолкнула в Петьку программу восьми классов, и парня проводили туда, где, по мнению Анны, его должны были «сделать человеком», – в ГПТУ. Во вторник проводили, а в пятницу уже вот он, прибыл на выходной – рыбалка у малого из ума не идёт.

Все понеделники и пятницы он пропускать напрапалую, и никому вовек не отгадать, как училище ухитрилось чему-то его научить. Он стал работать на стройке, я заехал туда, познакомился с бригадиром, спросил, доволен ли он молодым каменщиком?

– Петром Андреичем-то? – Бригадир что-то лукавил. – Да вот скушно ему тут, видишь! Не веселит дело. Вот на рыбалку бы ему. Да послать подольше, прогул сделать!

Он заметил прислушивающегося Петьку и засмеялся:

– Нет, вы не подумайте, что он у нас совсем уж недотёпа. Он у нас бывает – огонь! Но это только два раза в месяц: когда лучка и когда аванс. В гастроном сбегать. Мигом! Одна нога тут, другая там.

К автобусу мы с Петькой шли вдвоём. Он молча курил и сплёвывал, косматый, скукоженный. Казалось, весь мир ему был противен и чужд. Заговорил он нехотя.

– Все спрашивают: что меня вообще интересует в жизни. Всем надо! А я вот ничего интересного в ней не нашёл. М-муть одна.

Он не понимал, что такой, какой он есть, каким он сложился, он жизни рад не будет никогда, какие бы солнца ни сияли над ним. «Мать пороков» убила в нём и само жизнелюбие, самую способность жить полнокровно и ярко и, как оказалось, приготовила ему перспективу невесёлую.

Получать веселье два раза в месяц ему нравилось, но такой паёк начинал казаться бедноватым. Парню подумалось: не обогатить ли его, например, за счёт шифера, который «плохо лежал» на стройке. Попробовал. С дружками. Получилось. Понравилось. Попробовал ещё. Но в этот раз веселья не вышло. Вышел милиционер...

С того дня Анна ходит поникшая, постаревшая, зайдёт в избу – плачет.

– Понимаю, горько! – подсел я к ней. – Но давай мы с тобой подумаем, почему так вышло, кто тут виноват?

Она заволновалась, запричитала и из её причитаний получилось, что всё испортил... милиционер!

– Другие берут – им ничего, а на нашем Петьке вот оборваюсь!..

Мне почему-то думалось, порадует её старший, Серёжа. Этот у них «интеллектуал», зачитывался по временам фантастикой. Когда окончил десять классов, всё сидел и думал, в какой институт поступать?.. Хотел в индустриальный – зачеркнул. Работать потом на заводе, по часам вставать, – на речку не выбраться. По боку! Не подходит. Сельскохозяйственный если, на агронома? В поле никто тебе не указ... И тоже зачеркнул. Целыми днями мотаться по полям, а вставать и вовсе чуть свет... Нет уж, пусть кто-нибудь другой! Может, в педагогический? Длинный отпуск, Да трое каникул, бесплатные дрова... И уже решил было,

но задумался: дисциплина плохая, много лодырей, над тетрадка-ми до полночи сидеть... Пойду шофёром!

Пошёл. Отслужил в армии. После за пять лет сменил четыре места работы и три профессии – ни одна не полюбилась.

Отец стоит, руками разводит со злой досадой:

– Ну за что ни возьмусь – мне интересно! Уж куда трудней – комбайнёром: ж-жара, п-пыль, спать некогда! А подойдёшь к комбайну, обдаст тебя этим соломенным духом, оглядишь поля – и душа зайдётся! Всё забудешь!.. Мост вон строили, водопровод делали – ходишь сейчас и глядеть тебе радостно. А эти!..

Что и говорить, не порадовали.

Так вот, это – «от семьи, от хаты». Там началось и там вьелось. И в этом сложность проблемы. Будь всё иначе, был бы, конечно, не нужен и улановский опыт.

Я уже заканчивал свои заметки о Плотниковых, как вдруг подумал: это – в деревне. А не худо бы заглянуть и в семьи городского склада. Что там? Вот напечатано в «Комсомолке» письмо Г. Ивановой из Ленинграда. Вздрагиваешь от каждой фразы! Она «решила заступиться за наших детей». Она «не против, чтобы им показывали, как работают взрослые», но когда говорят, что ребята сами должны трудиться каждый день, – у неё проступает холодный пот. Вот уж не потеряешься в догадках, какими детьми «осчастливит мир» такая мама!

Поехал, заглянул и в городские.

Первая же встреча: симпатичный современный парень, ученик девятого класса, рослый, с виду немножко скучающий. Саша С. Хорошее, умное лицо. Но мне тихонько говорят: непробиваемый двоечник. Я столбенею: неужели дефективный?

– Очень способный парень, – вздыхает его мама, серьёзная, одарённая женщина, инженер по образованию, руководительница нового предприятия. – Ему достаточно прочитать задание один раз, и он ответит на четвёрку.

– Так в чём же дело?

– А вот такой лодырь. Ничего не может с собой сделать, совершенно безвольный человек. – Последовал горестный вздох: – Семья, конечно, упустила...

Позже я узнал, как взгляды Саша в школе. Учительница вызывает его отвечать, он встаёт со скучающим лицом и сообщает уныло и бестревожно:

– Я не учил.

Преподавательница смотрит на него горьким, истомлённым взглядом. Каждый раз вот так... Читать ему «мораль»? Убеждать, внушать? Абсолютно бесполезно. Ставится очередная двойка. Саша смотрит спокойно, как-то даже сочувственно, и тут же среди урока, просит:

– Разрешите, я пойду погуляю...

Вот такой «благородный мученик» собственной лени и беззаботности. Родительница по-своему объясняет причину;

– Некогда было мне с ним заниматься. Не могла же я по-рвать с производством и целиком отдать себя воспитанию детей?

Потом продолжает в раздумье:

– Целыми днями родители на работе, дети оставлены на бабушку. А бабушки – они все одинаковые: быть требовательными у них душа не налегает.

Но в рассуждениях матери сразу обнаруживается большая трещина. Дело в том, что в семье этой есть и другой ребёнок –

Ирина. Она учится в девятом классе, отличница, общественница, бабушкина помощница в домашних делах. Для Ирины мать тоже не была гувернанткой. И бабушка та же самая. Но Ирина и Саша, по выражению самой мамы, – это свет и тьма.

И тут выясняется маленькая, совсем как будто пустяковая разница в их воспитании, немного уже знакомая нам. Ира помогал бабушке мыть посуду и убирать в доме, а Саша знал только телевизор, улицу и игрушки, которыми он «затоварен» по уши и которые всегда оставлял раскиданными – их убирала та же Ирина. Вот и все различия. Ничего разительного! А в итоге – небо и земля. Трудолюбивца, активистка и безвольный паразитирующий лодырь-потребитель.

В селе меня утешили: чему удивляться? Не новость примеры и поразительнее! Ученик восьмого класса, нормальный парень, еле-еле читает простой текст. Как он оказался в восьмом классе? Жмут плечами. «А попробуйте не перевести!» Его сверстник, смекалистый и продувной парнишка, отрезок АС (латинское) упрямо называет по-русски: асе. В восьмом классе! Ученица семиклассница битый час делит двадцать два на два. Плачет: не делится! А её подружка никак не может отличить тридцать тысяч от трёх миллионов.

Кто их переводил? «А попробуйте...»

Лень и беззаботность... Проблема трудолюбия. Она даёт о себе знать всё крепче и сильнее. Но чья она теперь? Анна Плотникова простодушно подкинула её государству? А кто же проблеме эту усыновил? Школа? Нет, школа устами бывшего министра просвещения говорила, что она должна прививать лишь

некоторые трудовые навыки, ориентировать учеников в области профессий и готовить их психологически к последующему обучению в системе ПТУ. Но что такое профориентация без тяги к труду? Компас на корабле, пущенном в плавание без мотора?

Проблема оказывается бесхозной. И сколько уже наплодилось в зарослях этой бесхозности неприкаянных Петек и Сашек? Да если бы только одна беда, что они плохие работники! На их ленивой никчёмности вырастает беда другая, пожалуй, пострашнее первой: паразитическая психология. В печати, на собраниях мы не перестаём говорить о них, и всякий раз звучит один и тот же критический тезис: хорошо помнят права и плоховато – обязанности, заботятся не о том, чтобы побольше и получше сделать, а о том, как побольше урвать. Люди нетрудового склада, они по духу становятся чужими своим родным отцам и матерям, исповедуя подчас, как свою, философию деклассированных: «Мы сами по себе». «Нашей народной песни от них не услышишь, – пишет мне знакомый ветеран войны, – уважения к людскому труду не увидишь».

Вот, вихляя, вваливаются в вокзал косматые детины. На дворе жгучий мороз, но богатыри ничём не догадываются закрыть за собой дверь. Стоят среди зала, отчуждённо лопочут и сплёвывают на пол. Через слово – флюк-цвик, флюк-цвик... Люди смотрят на них с гневом и отворачиваются. Что им скажешь? Замечание, поправляющее слово эти молодцы воспринимать не привыкли – их не тронь, не тревожь!

Откуда оно, это дикое племя? Оказывается, из обычных трудовых семей, от мам и бабушек, хорошо знающих, почём фунт лиха. Детушки с пелёнок растут у них потребителями отборно сладких, даже благодарностью не оплаченных благ,

растут убеждённые, что само их потребление – это радость и счастье для мам. Это вьедается в плоть и кровь, это расплзается метастазой по душам.

В Сухиничах заходим в городской сквер – стоят голубые скамейки. Но позвольте, кто же их так поставил? Помнится, во всех городах они стоят ножками вниз...

– Детские шалости, – сердито объяснил местный житель.

На станции Думиничи другие следы «детских шалостей»: чисто выбеленные стены испечатаны грязными подошвами сапожек примерно... сорок третьего размера.

А есть и другие, скамеек не перевёртывающие и внешне вполне приличные. Недавно и они выпорхнули на газетные страницы, публично представившись аристократами. Это те, которые «не подворотня», которые «разбираются буквально во всём», но пребывают в роли паразитирующих «гигантов», не умеющих себе даже хлеба отрезать и не желающих заниматься делом.

Да, мы уже привыкли жить безбедно, и дети наши только по книжкам знают слово «нужда». Мы впервые во всей человеческой истории в масштабе огромной страны создали такие условия, в которых каждому человеку практически гарантируется обеспеченная жизнь. Но этот яркий свет породил и резкие тени.

Она, оказывается» куда как плодовита всякой плесенью, госпожа обеспеченная праздность!

На одном современном калужском заводе беседую с главным социологом. Завод прекрасный, отличные условия труда. Но из десяти парней и девушек, которые сюда приходят из ГПТУ,

шестеро увольняются в первые же дни. Причина? Нет привычки к труду. Им тяжело даже высидеть восемь часов на рабочем месте! А тут ещё требуется старание, ответственность... Непривычно!

Проблема... Её надо решать. А это значит?... Взяться за семью? Добиться, чтобы и Анна Плотникова, и Сашина мама, и ленинградка Иванова поняли...

Конечно, и с детьми, и с родителями надо работать и работать. Но уже в этой формуле отчётливо видится главенствующая роль школы. Всё обращается к ней! Видно, место её в жизни нашего общества должно и будет становиться всё более широким и решающим. Центр тяжести воспитательных работ всё более естественно перемещается на неё. Сам ход нашей жизни определяет ей такое место в обществе – быть главной матерью-воспитательницей для новых поколений. А если так, то какою ей быть, какую форму приобрести и какими располагать возможностями?

Размышляя об этом, я вспомнил школу, которую нашёл когда-то со счастливым изумлением, как геолог находит вдруг золотой самородок. Нашёл и долго мучился душевной растерянностью: как мне рассказать, как написать о ней?

Это была Улановская школа.

«ДОМА СТАЛО НИКОМУ НЕ ИНТЕРЕСНО»

Помню, я приехал тогда в Уланово утром. Был июнь. У большинства школьников начались летние каникулы, но на косогорах, на дорожках тут и там появились стайки пионеров,

шагавших в сторону школы. Они шли во всём будничном, без книг, без портфелей. А за ними, поспешая, семеняли заспанные мальчуганы явно детского ранга. У моста мы сошлись, и я спросил:

- Что у вас там сегодня, в школе? Ребята глянули дружелюбно.
- Там у нас цыплята.
- Цыплята? В школе?
- Да. Мы растим колхозу. Чтоб птицеферма была.
- Вот как? А сам колхоз? Без вас никак?..
- У! Там они дохнут! По двести штук за раз!
- Да ну? А у вас?

– А у нас им тепло. Мы ухаживаем. С Софьей Петровной. У нас дежурные звенья...

- Полы с содой моем!
- Клетки поделали.
- У нас книжка есть. Софья Петровна привезла. Мы – по книжке.
- А кормите чем?
- Колхоз даёт. А вчера червей, личинок накопили. Тринадцать килограммов!
- Ого! У вас так много цыплят?
- Прошлый год тысячу вырастили.
- И только штуки три истратились.
- А сейчас две тысячи растим.
- На то лето, Софья Петровна сказала, четыре попробуем. Во ферма будет!

Эти хозяйские речи мне нравились.

- Ну, а малыши? Тоже туда?
- Ой, им так интересно там! Дома никому стало не интересно!

– Знаете, какие они послушные? Что ни заставь – бегом! Только бы их не прогоняли.

Рядом со мной шагал серьёзный молчаливый малец годов шести. Он, казалось, ничего не слушал – разглядывал мою полую сумку и пристёгнутый к ней фотоаппарат.

– Это у нас самый старательный, Саша Егоров, – сказали девочки и шепнули: – Такой исполнительный – обсмеётся! Папа у него кузнец.

Не мог я, конечно, тогда подумать, что через два десятка лет встречу здесь Сашу Егорова уже в роли колхозного инженера и ближайшего помощника школы в воспитании будущих героев полей и ферм.

Мы зашли на минутку в школу и направились к цыплятам.

– Ой, они такие хорошенькие! – влюблённо щебетала девочка с крупными, не по росту, руками, торопясь открыть помещение, приспособленное под цыплятник.

Потом девочки стали рассказывать о Софье Петровне, которая руководила всем этим птицеводством и с утра пошла в правление что-то выписывать для цыплят. Оказалось, что Софья Петровна не биолог, а физик. Физик и... цыплята! Это как-то сразу открыло мне человека. Она была, видно, из того дивного племени людей, которые, коль это надо, могут всё и увлекут всех. Я осматрелся. Какую же обузу она приняла на себя тут! Сколько надо было устроить и поделать тут всего и всякого! Помещение (оборудовать и утеплить). Клетки, рации. Отопление. Держать строжайший температурный и санитарный режим. И организовать: создать рабочие звенья, обучить, завлечь, всё наладить. Помощи от директора (я знал его) она ждать не могла. В весёлом кругу он дядя компанейский, скучать не будет, но на деле заботой

лишней себя не обременит. А риск? Вдруг начнётся падёж? Милейший ребячий недосмотр – это же так просто случается!.. Ничего не побоялась!

– Вот и Софья Петровна идёт! – подпрыгивая, защебетали девочки. К нам подошла небольшого роста, по-крестьянски сложенная женщина, с прямыми волосами, подстриженными в скобку, с короткими выгоревшими ресницами и мягкой, тоже чуточку крестьянской озабоченностью на лице. Она слушала ребят с принуждённым материнским вниманием, и на её полных губах плыла тихая, чего-то добродушно ожидающая улыбка.

– Да, – сказала она мне, когда ребята занялись уборкой, – это им очень нужно. Им просто начинает не хватать вот такого взаправдашнего труда. Тут они преображаются. Такие становятся деловые, дружные, столько у них рождается живого интереса к работе, к жизни!

Мы заговорили о недостатках воспитания в современной семье, о том, как тут быть, я слушал Софью Петровну и сожалел, что не знал такую учительницу раньше.

КОММУНА МАСОНОВОЙ И ЧИСТЯКОВЫХ

Есть люди, чей облик составлен из черт воистину прекрасных и неискажаемых ничем. Их жизнь чиста. В ней столько души и света, и каждая её страница написана сразу набело. Их жизнь светла потому, что светлы и благородны их стремления, которые делают благородным их труд. Они не знают, не хотят знать жизни лёгкой и поэтому не знают жизни пустой. Их волнует всё, к чему надо приложить руки и разум, для них нет на земле ничего

постороннего. Люди широкого течения. Люди больших дел и больших радостей.

Уланово было счастливо такими людьми.

Послевоенная судьба свела здесь нескольких учительниц, которые поселились в школьном доме и стали жить маленькой женской коммуной. Старейшая и во многом главенствующая среди них Мария Васильевна Чистякова. Это благородная, мудрая женщина, педагог большой культуры и таланта. С нею интересно каждому. Ей близки и международные, и сельские, и детские дела. Она была завучем школы, учительской наставницей.

Следующая по возрасту Софья Петровна Масонова, педагог душевный, проницательный, с бесконечной, матерински чуткой любовью к детям, к людям, человек мыслящий и деловитый, умеющий, кажется, всё – на уроке и в саду, в клубе и на пасеке, на ферме, в доме, в школьном хозяйстве и в цветнике, – впоследствии заслуженная учительница республики и директор школы.

Младшая в коммуне – довоенная ученица Софьи Петровны, теперь тоже заслуженная учительница Марианна Сергеевна Чистякова.

Все, кто знал эту семью, отмечали в ней чистую, лёгкую атмосферу, устоявшийся добрый тон её жизни и полное отсутствие всякой мелочности. И, наверное, на вопрос о психологической несовместимости здесь могли только пожать плечами: странное детище странных людей – мелочных и эгоистичных.

Дом коммуны стоял рядом со школой, высоко на горе, будто с тем расчётом и поднятый над селом, чтобы пошире видеть. Когда я впервые вошёл в старое учительское жилище, мне показалось, что я попал в библиотеку. Книжные полки, стопы журналов, газет.

Высокие стеллажи, забитые книгами, разделяли квартиру на комнаты, в главной из которых царствовал в углу большой рабочий стол, притянувший к себе диван и мягкое кресло. Садись и работай. Удобно, уютно. Оглядишься, и приходят мысли о той старой русской интеллигенции, которая не уставала сеять в народе «разумное, доброе, вечное». Обновлённый временем дух её жил здесь в каждом уголке.

Дом света, дом мысли. Центр духовной жизни села. Здесь рождались замыслы бесед и воспитательных вечеров, компоновалось всё, с чем сельские светоносцы шли потом к людям. Шли не просто развлечь, занять досуг – их цель масштабнее и выше: с заботой о духовном обогащении человека, о перестройке человеческой психологии, о том, чтобы люди умели жить по-новому: честно, дружно, душевно. Вечерами перекапывали пласты журналов, книг, газет, чтобы выбрать самое нужное и самое волнующее.

Часто это – киносценарии, главы из книг Галины Николаевой, Валентина Овечкина, журнальные рассказы, материалы газет. С глухих послевоенных зим, когда в редком доме звучало радио, люди привыкли собираться по субботам в просторном доме Егоровых. Половина деревни проторила сюда дорогу. Просиживают до полуночи. Слушают. Думают. Утирают слёзы. Хохочут. И расходятся с чистой и лёгкой душой, растроганные, спянные единым родственным чувством. Расходятся, настроенные стоять за порядок, за дружный труд и братское отношение к человеку.

В старом блокноте сохранилась у меня запись с натуры – один вечер из жизни учительского дома. Вот она:

«...Стемнело. В глубине комнаты, в углу, над широким рабочим столом – облако света. Две огромные керосиновые

лампы с зелёными абажурами – пламя в пригоршню – тихо шипят и пынут жаром. Хочется пойти туда, под эти абажуры, и сесть. На столе и прямо на полу стопами громоздятся толстые московские журналы – дымчатые, розовые, голубоватые. Пестреют цветные пласты «Огонька», «Вождятого», «Крокодила», «Крестьянки» и рябые пудровые пачки газет. Выписано 29 изданий – всё, что можно было, не исключая и армейскую «Красную звезду».

Десятый час. Учительские хлопоты нынче закончились рано. Теперь другая жизнь вошла в эту тишину, прильнула к жарким лампам, собрала сюда думы, печали и радости всего света.

Мария Васильевна, крупная, с благородно посаженной головой, удобно устроилась в своём любимом мягком кресле, пододвигает поближе газеты. Она без платка, в мужских роговых очках, тёмные, серебристые волосы собраны на затылке в массивный узел. Софья Петровна, неслышная, отдавшаяся делам домашним, помешивает в лежанке жар – сегодня её дежурство по дому. В долгие немые минуты, как капля в ночное озеро, падает из-за газеты сердитый шёпот Марии Васильевны:

– Безумство! Черчилль превосходит самого себя!

Софья Петровна закрыла трубу. Приотворила дверь – пусть найдёт свежий воздух... В углу дивана вмятое гнёздышском место. Сбросив тапки, она забирается туда. Рядом, на столе, – стопа свежих журналов, газет. Софье Петровне всегда не терпится дождаться до них, развернуть, начать шастать глазами по заголовкам, вылавливать «самое-самое» и тут же сортировать с карандашом в руке: это у Егоровых почитать, это – ребятам в школе, это интересная деталь для лекции, а вот это персонально

кому-то из женщин.

– О-о, это дорого! – Мария Васильевна гремуче стучит пальцем по газете. – О воспитании общественников. Очень хорошо!

Подняв голову, Софья Петровна всматривается, кивает: заметила, прочту.

Гремят и шелестят газетные листы. Идут минуты.

– Великолепно! Молодец какой! – снова вырывается у Марии Васильевны. Особо интересные мысли разрешается читать вслух без предупреждения. Читает:

– «Среди руководящих работников у нас немало находится товарищей, привыкших по всякому поводу ждать указаний свыше и не умеющих творчески вторгаться в жизнь... Надо идти в массы и вместе с массами вскрывать и устранять недостатки на местах». Великолепно! – Мария Васильевна торжественно сверкает очками. – Это выступление секретаря обкома, Бориса Ивановича, на пленуме. Молодец!

Снова шуршат газетные листы. Глаза Софьи Петровны скачут по заголовкам. Стоп! Минуты три она читает: отчёркивает абзацы, потом перебирается на другую страницу. Что там? Ох, интересно! «В деревню пришёл учитель...» Коллега. Какой ты? С чем пришёл? Сюда ведь так много надо принести!

У Марии Васильевны газета перегнулась, чёрный, крупный опрокинулся заголовок. «Хозяйское чувство». Читает. Увлеклась.

Смотрю на них, привычно окидывающих страницы глазами, приникающих, отчёркивающих, и приходит слово: «Старатели». Так золотоискателей когда-то называли.

Тает и тает газетная стопа. Вот и Мария Васильевна

прочитала очерк об учителе и другой – о трудных юношах. Опустила газету и медленно, вся уходя в раздумье, стянула за одну ножку очки. Повторила, видно, не раз сказанное:

– Всё обращается к школе...»

Мне уже думалось: понаблюдаю за их жизнью год, два и напишу о них книгу. Но судьба вдруг надолго оторвала меня от них.

ВСЁ, ЧТО ОНИ МОГЛИ...

Несколько лет я об Улановской школе почти ничего не знал. Слышал, что работать там становилось труднее, что учителя «сбились с ног», но это были самые отрывочные сведения без каких-либо подробностей. Потом как-то приехал из Медини друг-газетчик, рассказал на бегу:

– Ну, что там, собственно? То же, что и везде. Папы-мамы на работе, деткам – воля вольная. Ничего не делают, болтаются по улицам, в школе двойки огибают. Свистят в клубе. Стог соломы в колхозе сожгли. Родители и в ус не дуют. «Это ж дети. Им и по-бегать надо». Уразумел? Мы-то с тобой ходили в школу – мамки нам какие наказания давали? «Смотри, сынок, не балуйся там, учись хорошенько, слушайся учительницу». Да? Теперь детки чаще другое слышат: «А что они там, учителя – разогнать их!...» Ну, бьются там Мария Васильевна, Софья Петровна, Марианна Сергеевна – родительские собрания, лекции; Вера Захаровна, литератор, – с концертами. Но ты же знаешь – был бы там директор настоящий!..

Да! Вот это ещё горюшко висит у них камнем на шее!

Очень непросто это понять, откуда они берутся – директора ненастоящие. Они похожи на незагоревшийся факел: ему

и по должности надо б гореть и светить, зажигать всех, а его са-мого не разогреешь ничем. Живые замыслы его не обуревают, душа стремлением жарким не объята. За ним не ринешься в огонь и в воду – он никуда не ведёт, он лишь состоит при должностности. После него не остаётся ни новых аллей, ни добрых воспоминаний. Принял он избушку на курьих ножках и, прохоронивши лет десять с руководящим видом, сдал такую, как была: вот избушка, а вот, пожалуйста, курьи ножки – всё в ажуре. За неимением других надёжных качеств он держится на так называемом характере и на какой-то поразительной способности «правильно выглядеть». Ничегошеньки у него по-людски не сделано, а поднимается он на трибуну, и можно подумать, что это шествует деятель. Всё у него значительно, солидно и политично – и лицо, и походка, и мысли. Он начинает весомо и капитально, не иначе как с исторических вех, и тогда дела его убогие обретают звучание, подобное хоралу. Каким-то чудом вдруг оказывается, что на сегодняшний день у него «достигнуты определённые положительные результаты», сладкой мелодией звучит признание «отдельных имеющихся недостатков», голос его набирает силу, он одобряет, заверяет и покидает трибуну под аплодисменты, ещё и управившись кого-то критикнуть. Ну кому же придёт в голову числить его на плохом счету? Никак невозможно.

Такой, приблизительно, был в Уланове директор. Он видел, разумеется, все свои прорухи, но не скажешь, что потерял от них покой. Нет, он только спрашивал при случае: «А у других что, лучше?..» И благодушно и приятно улыбался.

Мы понимали: отношения семьи и школы усложняются. Началась полоса не всегда видимой, острой и затяжной

между ними борьбы. Школа силсилась привить ребятам любовь к труду, чувство ответственности за свои дела и поступки, уважение к порядку и дисциплине, а болезненно добрые мамы наперекор ей ратовали за «вольное детство», до хрипоты повторяли: «Ещё нарабатываются, ещё нахлебаются этой радости!» Учителя искали способы развить в детях любовь к родному краю, к работе на родной земле, а мамы и папы немилосердно поносили свою жизнь деревенскую и работу, взахлёб мечтая о лёгкой и чистой городской жизни для своих юных чад.

Как дальше работать школе? Как перебороть близорукое родительское недомыслие? Как сделать всех пап и мам единомышленниками и союзниками школы? Думала об этом учительская коммуна, думал с нею весь педагогический коллектив. Ничего не придумывалось, кроме одного: ещё энергичнее работать с родителями. Работать изо всех сил! Охватить все деревни, всё население, всех до единого родителей, не пропуская и тех, у кого дети ещё не учатся, – войти в каждый дом. Отдельно собирать отцов. Привлечь всё: опыт лучших семей, литературу, кино, журнал «Семья и школа» – добиться, чтобы этот журнал выписывали все родители, все, кто должен работать с детьми.

Привлекали. Добивались. Собирали. Ходили по деревням. Стучались в каждое родительское сердце. Руководство этим не Васильевна Чистякова.

Шли годы. В газетах изредка проглядывала улановская жизнь. Мелькнула заметка – в каждый дом приходит журнал «Семья и школа». Другая: «Усиливают педагогическую пропаганду». Появилась зарисовка: беседа Софьи Петровны с родителями.

Можно было почувствовать её интонации, её манеру говорить. Она убеждает мягко – по большому нелзя бить с плеча.

«Как же можно нам забывать о самом великом воспитателе – о Труде?.. Вот смотрите: семья Никишиных, Терёхиных, Талыпиных, Егоровых – все мы их знаем. Родители сами отменные труженики, в труде воспитывают и детей. Дети у них всё умеют – и в доме, и в огороде, и с родителями в колхозе. Труд им не тягостен, они приучены к нему с малых лет. И посмотрите, какие замечательные растут дети! Они хорошо учатся, они всегда пример активности, сознательности, хорошего поведения».

Рассказывает о трудном парнишке, как «работа преобразует его самого». Он начинает чувствовать себя в общем трудовом строю, начинает ценить труд других и всё, что создано трудом. И мыслит он уже по-другому. Рождается чувство хозяина, стремление больше уметь и больше знать, желание делать красивым не-красивое.

«А как обкрадывает себя ленивый? Как убого всё у него! Не работает – мучается. Тяп-ляп – лишь бы «не цеплялись». И не хочет уйти. А куда? Куда он уйдёт от себя, от своей пустоты?.. Как ему помочь? Это легко в детстве. Это надо, чтоб взрослый человек занимался с ним, показывал, приучал. Тогда это впитывается. А его упустили. И семья ведь трудовая, а выросла лодыря. Так из семян хорошей яблони вырастают дички – колючие дикарки с такими плодами, что слёзы бегут».

И – мысль призывная: «Давайте помогать им укрепляться в труде и в трудном радостное находить».

Узнаю, узнаю Софью Петровну! И понимаю, к чему и почему

она зовёт. Эту дорогу – через трудное к радостному прошла она сама. Она полюбила труд всякий, но она помнит, как непросто давалась им, маленьким, эта любовь. Помнит, какой противной казалась работа, которую каждый день приказывала им выполнять мама, уходя на ферму. Убрать в доме, нарубить поросям траву, кормить цыплят, полоть огород, в саду работать. Вон сколько дел! Их все, наверно, никогда и не переделаешь! Девочки брались за работу и хныкали, и мать казалась им недоброй и вредной. А она подходила, заботливая, всё понимающая и успокаивала без лишних нежностей, по-крестьянски:

– Знаю, деточки, трудно. Но это только на пользу. Вред не отсюда приходит, вред – от праздности.

А иногда – иначе, позабавнее:

– Ничего, ничего! Это – чтоб дурь никакая в голову не шла.

А потом они стояли все вместе и любовались огородом и садом – делами рук своих. Как красиво там было! Порядок, чистота. Каждый рядок малины прочищен и обрезан, каждый куст смородины поставлен на опоры. Всё росло пышно, ровно, и ни сориночки на дорожках... Счастливые минуты вознаграждения! Даже не минуты! Туда тянуло всё время: и утром, и днём, и каждый раз хотелось остановиться и затихнуть. Красиво! Где они были теперь, те вчерашние обиды и горести? Оглянешься на них – до чего же они детские, мизерные и смешные! Они таяли и исчезали, а оставалось вот это сделанное, этот праздник.

И оставалось что-то ещё. Большое, навсегда утверждавшееся в душе, в характере. Тяга к труду. Какая-то светлая нетерпимость ко всему несделанному, не доведённому до степени красоты, до гармонического совершенства.

И беспокойная способность видеть всё, что «не так».

Всё это зародилось в том же саду её детства, где она одоле- ла свои первые трудности, своё «не хочу», самое себя.

Хорошо, если каждая мать откроет такой сад своему ребёнку. Софья Петровна звала к этому. И я знаю: её слушали, её пони- мали и, расходясь, благодарили сердечно.

Как хотелось мне глянуть: что теперь там? Какие перемены?

Год, второй... Вдруг влетает мой дружок-газетчик, как всегда встрепанный и куда-то спешащий.

– Ну, был, был в твоём Уланове! Ты когда-нибудь видел та- кой аттракцион: пятиклассник в мамку чурками швыряет?

– Ты всерьёз? А в чём дело?

– Мяч гонял, а она что-то делать заставляла. Нет, это, ко- нечно, не самое типичное.

– А самое?..

– Хочешь живую запись? С натуры! – Он вихрем залистал блокнот. – Папаша там один прикрикнул на дочь: «Ах ты, лентяй- ка!», та – в слёзы, мать на него – в крик: «Ещё чего! Детей зака- балять! Отец называется! Ещё нарабатываются, ещё нахлебаются этой радости, успеют!»

– Вот как! Семейный фронт. И тут крепости без боя не сда- ются!

«НЕЗАВИСИМО И ДАЖЕ ВОПРОКИ...»

Иногда он присылал мне коротенькие письма. В

одном писал:

«Педагогическое наступление в Уланове продолжается,

но учителя уже понимают, что нынче всю проблему одной агита- цией не решишь. Нужны какие-то новые шаги, которые педагоги- ческий успех обеспечивали бы независимо и даже вопреки влия- нию тех родителей, которые вольно или невольно калечат своих деточек».

И сделал приписку:

«Учителям, конечно, не сладко! Многовато нынче стало в классах всяких «никудышников», распространяется какая-то за- тяжная ученическая болезнь: ничегонехотение. Говорят, редкий урок проходит без нервотрёпки, и даже далеко не ответный шко- ляр готов пропеть принародно: «Была бы только тройка...»

И вдруг – чего я и не ожидал:

«Принимай новость, старина! Софью Петровну назначили ди- ректором школы! Ты понимаешь, есть-таки у нас зоркие товари- щи. Пригляделись к человеку, изучили деловые и моральные ка- чества и, пожалуйста, выдвинули. Всего и приглядывались-то ка- ких-то семнадцать годочков. Видно, считали, что лучше того, прежнего директора, и быть нельзя. Конечно, он пошёл на повы- шение, в роно взяли. Софью Петровну можешь поздравить с на- дёжным стартом. Начала она генерально: строит новую школу. Стала похожа на прораба».

Очень бы интересно послушать теперь её. Но возможность встретиться представилась не сразу. Как мне поступить? Попро- бую дать выборку из её высказываний, записанных немного поз- же, но относящихся к этой полосе.

«...А ребята в семьях остаются всё-таки бесконтрольными. Очень не многие готовят домашние задания. Успеваемость не повышается, дисциплину держать трудно. Дополнительные заня- тия ничего не дают.

Проводятся они после уроков, смотришь: тот убежал, этот отпранивается – голова болит. И у самой душа ноет: они же голодные, усталые – это ведь уже шестой урок! В памяти от таких занятий почти ничего не остаётся».

«Выход один: сделать так, чтобы все ученики оставались в школе целый день. Здесь организовать и питание, и отдых, и игры, и подготовку уроков, и продолжать с ними работу по воспитанию и развитию».

Кажется, она смутно чувствовала, что это будет своеобразный переворот. Начнётся уже совсем новая школа, в которой изменится вся жизнь, изменится и облик ребят и их отношение к учёбе, к труду, к жизни.

Вот как прорисовывалась эта мысль.

«Ясно, что питание не должно быть платное – это вызвало бы массу всяких сложностей. А если бесплатное, то надо завозить при школе хоть маленькое подсобное хозяйство. Будет хозяйство – будут и хозяева, будет их заинтересованный коллективный труд. Тогда и трудовое воспитание станет на твёрдые ноги».

«К мысли о хозяйстве приводит и другая необходимость. Постоящему школе ведь так много надо всего! Всяких пособий, оборудования, инвентаря – и учебного, и хозяйственного, и спортивного, книг, строительных материалов. В роно всего не напришься, за каждым рублём не наеддишься. Надо иметь хотя бы несколько тысяч рублей своего школьного дохода».

«Сидим в учительской думаем: как их получить? Учителя:

– Ну что тут думать? На земле живём, кормилицей зовём...

– Попробовать овощеводство. Парники, выгонка рассады. От одних парников какой доход можно получить!

– И посильно ребятам, и интересно.

Начали. Рабочие звенья, рассада, пикировка, питательные горшочки. Увлекали ребят. Рассада отличная. Идут колхозницы: та выписывает десяток – на тридцать копеек, та – на шестьдесят. Поспели помидоры – опять идут выписывать. Двадцать копеек кило. Кончился год – подвели итог. Педагогический результат ещё приемлем: многих работа увлекла, сдружила, младшим открыла что-то интересное. А вот итог экономического – 362 рубля. Пустяк.

Опять сидим и думаем. Надо испробовать что-то ещё.

– Лён, товарищи! Ведь самая доходная культура в наших краях!

– А гречиха! Гречиха тоже! Читали в газетах?.. Попробовали лён. Попробовали гречиху. Не то.

Не для детского это хозяйства.

Какую-то надежду внушает картофель. Было у нас два гибридных клубня картофеля, мы привезли их с выставки из Москвы. Очень интересный сорт: не боится ни рака, ни фитофторы, даёт хороший урожай и в дождливое и в сухое лето, клубни растут крупные, даже при загущённой посадке. Можно со временем стать поставщиком семян этого сорта для колхозов и совхозов, получать большие доходы – цена ему высокая. Но нужно не сколько лет, чтобы его размножить.

И вдруг – находка! Замечательная! Как нам не пришло это в голову раньше? Идём с моей калужской гостьей по пришкольному участку, цветы смотрим.

А куда вы цветочные семена деваете? – спросила гостя.

- Раздаём. Да их мало у нас.
- Вы знаете, они ведь очень дорогие. Некоторые на лекарства идут. Их очень выгодно разводить, Семена натурции, например, «Сортсемовощ» принимает по пятнадцать рублей за килограмм, люпин – по четырнадцать.

Я и руки уронила. Наутро в Калугу, в «Сортсемовощ». Заключение договор, открыли в госбанке счёт. Появилось на свет новое хозяйство: детское цветочное...»

ЗДРАВСТВУЙ, ДЕТХОЗ!

Сколько же лет я не был в Уланове? Сошёл с автобуса – всё тут по-новому. Асфальт. Городской павильон у автобусной остановки. Были, помнится, серые избу – стоят голубые дома с весёлыми окнами. Белые кружевные наличники, веранды. В палисадниках – цветы.

Стоят три женщины – кого-то проводили на автобус. Спросил для интереса, где у них школа. Разом откинули свой разговор, отозвались приветливо:

- О, школа у нас хоро-ошая.
- Да? Чем же?
- А поглядите-ка. Там у них всё: и столовая – питание бесплатное, своё кино, радиолы, музыка...
- Там одних игрушек – целый магазин. Куклы – во какие! Мишки, мячи разные, чего-чего там только нету!
- Какие победней есть дети – школа им помогает: одежонку, обувжонку справит. Очень насчёт этого хорошо.

Общежитие вон достраивают на горке – вон махина какая!

- Откуда ж у них такие средства?
- А работают! Цветы сажают, картошку. Сад у них. Вы вот зайдите, гляньте. Директор там замечательный!
- Мужчина? Засмеялись:
- Да ну, что ими нынче, мужиками, делать! Софья Петровна.
- Хороша? А чем?
- Сама везде с ребятами, и лопату возьмёт, и грабельки...
- И вы, родители, не против, что дети там работают?
- А они и должны работать! Без дела-то, видали, что из них получается?

За мостом, на крутой горе, видна была школьная усадьба, обнесённая изгородью. Помню, оттуда по-бедняцки поглядывала когда-то маленькая деревенская школа. Теперь стояло новое здание. Большое, крашеное, на высоком каменном фундаменте, вперёд выросло два просторных крыльца. И смотрит по-новому, по-дачному, кутаясь в зелени яблонь и лип. К зданию прильнула целая семья других построек, поменьше: мастерские, столовая, учительский дом с сараем и баней. Теплица сверкает стеклянной крышей, виднеется рига-шоха, сушилка с ребристыми трубами. А рядом, через шоссе, то самое строящееся ребячье жильё. Дом длинный, похоже, многокомнатный, с верандой; се-ребристая шиферная крыша вскинулась над горой.

Сам вид этой усадьбы что-то говорил о коммуне, о богатом и хорошо налаженном хозяйстве.

Вспомнилось: цыплята, девочки-хозяечки, исполнительные малыши...

Внизу, у шоссе, – калитка. От неё на гору, к учебному зданию, затенённые деревьями, как где-нибудь в Сванетии, ведут цементные ступени – длинная извилистая лестница, затейливо вписанная в косогор. Там, наверху, виднеется обустроенный спортивный городок, игровые площадки. А если пройти вверх по шоссе, то справа будет школьный участок.

Он открывается неожиданным зрелищем: сад тонет в оранжевых, красных и лиловато-синих озёрах цветов. Входишь туда и забываешь, где ты. Чистые дорожки. Аромат. Огненные озёра у ног. Махровая календула. И другая, похожая на яичный желток, вспыхнувший солнцем. Россыпь маленьких солнц у дорожки. По сторонам горят ярко-оранжевые рожки и кларнеты, тоненькие раструбы настурции. А дальше крошечными лиловыми огоньками вспыхнули мизерные люстры – тысячи, тысячи люстр. Это люпινόвое озеро. А там – кумачовое. Маки. И белые астры. А вдали буйно зеленеет букетами картофельное поле. Ни травинки. И, кажется, всё это цветущее царство звенит и поёт.

Стоишь зачарованный. Неужели это – дети? Неужели это их маленькие руки, их работа? Как же должно волновать и захватывать их самих это дивное буйство красоты? Какие счастливые бури оно должно вызывать в их впечатлительной душе?

Не надо было никаких объяснений, чтобы понять, что это живая симфония цветов, эта рукотворная радость служит здесь волшебным педагогом, воспитывающим в человеке Человека.

От школы навстречу шла Софья Петровна. Та же тёплая, чего-то добродушно ожидающая улыбка, та же спокойная

озабоченность на лице. Смышлёный белый пёс-коротконожка сел менил рядом, вопросительно взглядывая на хозяйку, будто спрашивая: «Это – к нам?»

Несколько минут, и мы уже в мире её сегодняшних хлопот: рамы, краски, батареи отопления – осенью всепать в общежитие ребят. Почти половина учеников будет жить здесь, а дальние – все.

У Софьи Петровны настроение уже предпусковое.

– Хочу, чтобы тут всё было по-современному, как в хорошей гостинице, – вся мебель, одеяла, шторы. Одежда такие красивые удалось достать! Из верблюжьей шерсти. Лёгкие, тёплые – очень удобно!

Мне уже представляется: деревенский мальчик входит в эту «гостиницу». Полированная мебель. Нарядные, красиво убраные кровати. Всё дорогое. Комфорт. Даже немножко боязно входить.

И всё это – не от Деда-Мороза, не случайная даровщинка, обесценивающая дар. Это продолжают цвести цветы, выращенные и его детскими руками. Какие же новые бури радости пронесутся в душе мальчишки, и какой глубокой они оставят в ней след!

ЗАВТРА СТАНЕТ ЛЕГЧЕ!

«...Как могли вы склонить всех родителей вот на такие дела – чтобы их дети летом работали в школе? Как вы привили такую любовь к труду на земле нашим учащимся? Пожалуйста, опишите. У нас так не получается. С. Т. АЛПАТОВА, с. Тарханка Казахской ССР».

«Наша школа тоже сельская и небольшая, но сколько мы ни бьёмся, ничего не выходит. Дисциплина у нас не очень плохая и успеваемость тоже, но дети ничего не берегут, всё ломают. Наказания пользы не приносят. Расскажите, пожалуйста, с чего вы начинали, как организовали труд детей. Л. А. НИКИТИНА, ст. Итларь Ярославской обл.».

«У меня к вам огромная просьба: пожалуйста, помогите организовать подобное хозяйство. Расскажите, с какими трудностями Вам пришлось встретиться и как Вы их преодолели. И. В. КУЗНЕЦОВА, биолог, г. Старый Крым».

Трудности... Теперь оставшиеся позади, они видятся иначе, проще, как пересказанное кино.

А началось очень просто.

Софья Петровна подала председателю колхоза бумажку-отношение: «Школа просит выделить участок земли».

Мужиковатый, прижимистый хозяйственник глядел на неё с каким-то сердитым подозрением. – Участок? Это зачем вам участок?

Софья Петровна объяснила.

– Не могу, – поджал губы хозяйственник. – Не имею права! Потому – это есть земля, государственная собственность! Разбазаривать нам её никто не позволит.

– О каком вы разбазаривании говорите? – изумилась Софья Петровна. – Это же не мне, не вам, не в чьи-то частные руки. Это для большого государственного дела – для воспитания детей, их любви к труду. Это же будущие колхозники!

– Будущие колхозники пускай вон картошку помогают

копаты! А я не могу это – направо-налево, потом, пожалуйста, – к прокурору.

– Да почему к прокурору? Чего вам бояться?

– Я ничего не боюсь, а земля это не моя!

– Странный вы человек. Неужели по этому поводу мне надо ехать в райком?

– А это пожалуйста! Вы меня райкомом не пугайте!

У первого секретаря райкома он буживал:

– Какое я имею право? И никто не имеет! Это незаконно. И не надо! Пусть вон идут в колхоз и работают!

– Колхозу они помогают и будут помогать. А это нужно им для постоянного труда.

Объясняли, убеждали, наконец секретарь райкома встал. Бывший учитель, он хорошо понимал необходимость того, о чём просила школа.

Тогда вот что, – сказал он. – Мы сейчас поедem к вам в колхоз, соберём общее собрание, и пусть решают колхозники.

Хозяйственник пожевал губами, похмыкал, глядя в пол, сдался:

– Ладно. Мы сами, на правлении... Школа заудела перестройкой.

На линейке Софья Петровна говорила, что теперь у них будет своё детское хозяйство, большое, красивое. Оно станет давать им необходимые средства, и можно будет открыть свою бесplatную столовую, закупить спортивного инвентаря, всяких игр, пособий, ездить на экскурсии в Москву.

Новая рать коммунаров глядела сотней именинников. Софья Петровна видела счастливо засиявшие лица девочек-юннаток, мальчиков, которые по первому слову брались за любое дело. Ставные, милые ребята! Для них это праздник!

Но она видела и холодные и даже злые глаза, в которых читалось: «Вот ещё! Приду-умали!» Давние знакомцы – разболтанные, неподдающиеся, привыкшие ничего не делать. Один из них, сурово глядя исподлобья, прогудел:

– А если кто не хочет?

Это был мальчик П., непослушный, грубый, ненавидевший всякую работу и любивший властвовать над ребятами.

Ему ответили, что в нашей стране работать должен каждый. Мальчик П. насмешливо полуотвернулся, дружки глянули на него с завистливым одобрением.

Софья Петровна понимала, что теперь всё пойдёт обостряться, всё, включая и отношения школы с известной частью мам. И всё будет дымиться до тех пор, пока одна сила не одолеет другую.

Хозяйство начало организовываться и обзаводиться. На уроках труда делали ящики, набивали их перегноем, сеяли семена на цветочках, помидоров, капусты, готовили лопаты и тяпки. Вместе со всеми, когда лучше, когда хуже, работал и мальчик П., работали и другие, подобные ему.

Забунтовали они, когда пошла речь о звеньях: кого – куда. Звенья создавали по типу макаренковских отрядов, бригад. Принцип: в звено входят дети разных возрастов, живущие рядом друг с другом. Им удобно будет собираться, а работа пойдёт лучше, когда в маленьком их коллективе будут и дети из начальных классов и старшеклассники, уже что-то умеющие, способные научить младших.

Звеньевыми ставили опытных юннатов. Софья Петровна объявила, что она берёт шефство над звеньями и что,

кроме них, создаётся ещё постоянная ремонтно-строительная бригада из мальчиков-старшеклассников. Её задача – всякие поделки, огораживание, благоустройство, ремонт мебели, инвентаря и самой школы. Руководить бригадой будет преподаватель труда и физкультуры Василий Николаевич Круглов. Ребята весело переглядывались: хорошо! Василий Николаевич – мастер на все руки, с ним интересно! Мальчик П. выкрикнул:

– А если я не хочу быть в этом звене?

– А я с этой звеньевой не хочу! – запетушился другой, почему-то красная и косясь в сторону девочек. – Подумаешь! Будет командовать!

Но буря эта была не из самых страшных, она в тот же день и унялась, а вскоре небеса вдруг одарили Софью Петровну такой обнадёживающей улыбкой, что могло показаться: ну, весна!

Установились тёплые дни, Софья Петровна объявила общий выход на новый участок.

– Он очень запущен, – объяснила она. – Вы увидите: корневища сорняков там душат всё. Их надо выбрать до единого. У нас на участке должен быть образцовый порядок!

Участок начался сразу за школой – целое поле длиною чуть не в полкилометра. Колхозники распахивали, боронили и перепаживали его (сговорчивее стал ершистый председатель). На взбуровленной земле, как разжиревшие черви, густо белели прожорливые корневички.

Младшие, старшие – один перед одним, ребята набивали ведра жирными трофеями. И когда отходил воз, полный обезвреженных хищников, все останавливались и с облегчением провожали его глазами.

Вот уж и последний воз. Ребята стояли перед

распаханной и, кажется, легко вздохнувшей наконец землёй и легко вздохнули и сами. Чисто, хорошо! И эта отдыхающая земля теперь будто роднила их и обещала им что-то радостное.

Софья Петровна смотрела на мальчика П. Он стоял с воинственно торчавшим чубчиком, и глядел вслед повозке. Сегодня он тоже наступал и чувствовал себя участником победы.

Лето шло с грозами. Затихла, опустела школа. Запустились травой цветочные деланки, на овощных грядках зазеленела морковь, лебеда. Выходи на работу, детхоз! Беритесь за тяпочки, звенья! Все – на работу!

День начинался тихий, тёплый. Учительницы в нарядных кофточках встречали ребят, как на Первое мая. Те подходили по двое, по трое, младшие добросовестно тянули: «Здра-авствуйте!» и улыбались. Им нравились новые тяпочки с новыми ручками, остро наточенные в мастерской, нравилось, как приветливо встречают их учителя и старшекласники. Дальние подъезжали на велосипедах, ставили машины к изгороди и чуточку обескураженно оглядывали собравшихся: «Ма-апо...»

Мало. Этого как раз и опасалась Софья Петровна: кто сам не захочет, кого не пустят сердобольные родители... Она это предвидела, и на последней линейке предупреждала: приходите всем, учёт будет строгий. Объявила нормы выходов, установленные в зависимости от возраста, и всем показывала тетрадь в сиреневой обложке.

– Это тетрадь учёта выходов, вот так разграфлены странички: тут фамилии, тут даты. Будет отмечаться: «был», «не был».

Недовольные посматривали с откровенной прохладцей,

мальчик П. скривил губы, будто говорил: «фу, да и отмечайте!» Но сегодня он пришёл и только время от времени почему-то оглядывался на дорогу. Ждал дружков?

С дороги свернул к учителям какой-то помятый и небритый мужчина с велосипедом. Следом вынырнули из-под горки две женщины, возбуждённые, спорившие о чём-то.

– Это кто ж такой закон установил – детям отдыха не давать?! – ещё не подойдя налегла на голосовые связки одна из них, родительница мальчика П. – Зимой они спокою не знают с этим ученьем, теперь вы их ещё и летом надумали запрячь – хозяйств тут завели!

Разбрасывая руками и надрываясь до синевы, она притопывала и приплясывала, забирала всё выше и злей, а рядом подхватывали на разные голоса то её спутница, то захмелевший дядя.

– Чужие – не жалко?

– Издевательство какое!

– Иксплатация!

Сердобольная кинулась к своему ленивому чаду, схватила за руку:

– Пойдём, сынок, ты тут ишачить будешь! – И, свирепо зашагав, поволокла его, спотыкающегося, под гору.

Работали молча.

Не разгибаясь, Софья Петровна взглядывала на вспотевшие ребячьи спины, на самих детей, послушных и примолкших, и чувствовала себя как будто виноватой перед ними. Стараются, стараются, маленькие труженики, верные активисты школы. Чем же вас порадовать, чем вознаградить?.. Ни копейки нет в школьной кассе. Хозяйство начинается с нуля. А работы, работы!..

Полоть, поливать, огораживать...

Становилось жарко. Софья Петровна разогнулась.

– Конеч, ребята! На сегодня хватит. – Она не спеша оглядела каждого. – Теперь пойдёмте все под липы, чай будем пить!

Принесла из дома ведёрко мёду, хлеба, чашки, расстелила скатерть.

На траве, под липами, пила чай большая, весёлая, нарабавшаяся семья.

...И до сих пор они влюблённо вспоминают то лето, свой дружный рабочий отряд и первый коллективный чай под липами. Вспоминают, как полюбили это ежедневное, после работы, чаепитие, как Софья Петровна приносила им со своей пасеки мёд, варенье, пекла им вкусные пироги. Какое это дивное, чудесное было лето, первое лето детхоза!

ИНТЕРЕСНЫЕ НЕОЖИДАННОСТИ

С осени начались обычные занятия. При школе, в бывшем учительском домике, открылась для ребят столовая. Бесплатная. Для всех учеников.

Ещё не ахти какие разносолы подавались в этой столовой (не велик был пока «цветочный» доход), а мамы теперь встречали своих коммунаров с серьёзным, уважительным любопытством:

– Ну, чем вас там сегодня кормили?

И подолгу соседки толковали потом о детском хозяйстве. Какая-де там ни есть, а своя столовая. Ребята, можно сказать, сами себя обеспечивают. Это хорошо. И к делу причаются. А то ведь совсем от рук отбились, ему уже отцовы штаны по колёно, а он всё собак по улицам гоняет.

После обеда, в час игр, старшие пошли дрова

складывать – гора поленьев громоздилась во дворе, первоклашки побежали к Софье Петровне.

– Софья Петровна, а мы?

– А вы ещё маленькие. Оглушили, как стая грачей:

– Нет, мы тоже будем!

Смотрит Софья Петровна – улыбка тёплая тает на губах: с каким удовольствием работают малыши! Когда бы они извели такое дома?

Сказала учительница шестому классу:

– Начнётся урок труда, принесите по двое носилок перегной.

По пять принесли! Оказывается, это очень интересно – сдать больше, чем приказано!

После часа игр все классы садятся выполнять «домашние» (да, теперь уже в кавычках) задания. Младшие закончили рано. Марианна Сергеевна сказала:

– Ну, теперь идите домой.

Она ожидала, что все взвизгнут от радости и бросятся к ведшкам, но дети глянули на неё просительно:

– Не-ет, мы ещё поиграем.

Отодвинули парты, разулись, расстелили коврики, открыли шкафы с игрушками – куклы, мишки, машины, конструкторы... Вот и детсад!

В четвёртом классе было четыре урока, а обед начинается после пятого. Час свободный. Марианна Сергеевна распорядилась, чтобы все шли на воздух:

– Идите, играйте. Возьмите мячи, бадминтон...

– Мы – потом, после обеда, – сказали девочки. – А сейчас можно мы в классе уберём?

– Девочки и малышки из восьмого класса схватили ведра, тряпки – ринулись наводить чистоту в пионерской комнате и

химкабинете. Перетёрли колбы, воронки, пробирки, палочки; перевернули стулья, протёрли все ножки и проножки, уголки и заготовки – блеск! Можно вешать табличку: «Химически чисто».

Вот такая началась жизнь.

Что произошло? Откуда вдруг этот радужный всплеск любви, привязанности к школе, хозяйского радения о ней? На каком основании? И почему нелёгкое это трудовое радение так легко стало переходить в удовольствие?

Всё очень просто. Когда открылась столовая, сразу изменилось лицо школы. Всё подчинив новому режиму, она стала для ребят родным домом, даже больше, чем родным. Здесь теперь у них было всё: учёба, питание, работа, игры, спорт, кино, музыка – вся жизнь. И какая! В каком родном доме было у них столько всего? У какой мамы, видящей их едва лишь час в день, было им столько доброго внимания, заботы об их развитии, об их человеческом становлении? Домой теперь они шли только на ночлег.

Им давно не хватало такой школы, они давно говорили: «Дом стало никому не интересно».

Теперь к концу уроков уже никого не оглушал голод, не гнал поскорее домой. У ребят заиграл румянец. Нормальный режим питания плюс калории и витамины да плюс то, что называется «за компанию и кислое – мёд» – и куда делись бледные, худые, вялые дети! Да, да, у родных мам такие встречались не за диковинку! И мамы только досадовали:

– Домовой их поймёт, чего им ещё надо! Ну вот мы росли – что мы видели? А какие были? Об дорогу не расшибёшь! А эти... Ну, что я от них, под замок, что ль, хороню? Всё открыто: и булки, и пряники, и в печке наварено – лопайте, сколько влезет!

А они не «лопали», они хватали что послаще: печенье, кусок булки с песком сахарным и на зов обедать кричали «Не хочу!»

Теперь мамы знали: у них там всё по часам. После второго урока – завтрак, после пятого – обед. И всё по потребности – «на счёт этого полный у них коммунизм». Одолеешь две кружки какао – бери две, хочешь три – пожалуйста, с сухариками, с сушками, с овсяным печеньем.

– Только вот заедаются скоро, – посетовала Прасковья Григорьевна, повар (она и завстоловой и школьный главнаб). – С лета придут – едят исправно, даже добавку просят. А вот пойдёт октябрь, ноябрь – всего уже варю меньше, остаётся. Глянешь – на столе печенье, баранки, сухарики – всё недоедено. Суп пополам с мясом, по полтарелки съели – больше не хотят!

Свежие, здоровые... Разве не победа?

Всё становилось на свои места. Менялся сам тон жизни школы, и учителя вдруг поняли: как много в ней до сих пор держалось на нервах! И как долго царствовало это изнурительное нервное напряжение! Теперь оно рассеивалось. В школу, казалось, вошла тишина, и стало легко говорить. В учительской заговорили об отрядном: дети стали активнее на уроках, слушают внимательно, появилась сдержанность, прекратились нелепые выходки.

Педагогическая механика перешла на «тонкую настройку». Сердитый окрик, нагоняй, вызов родителей – всё это стало ненужным, как грубые подпорки в новом доме. Жизнью ребят благополучно начали править два самых спокойных импульса: «Хочу отметить» и «Делаю замечание». Они звучали на линейке. Вошло в порядок проводить общешкольную линейку ежедневно.

Пять минут перед началом уроков. Сообщается обо всех хороших поступках, совершённых в школе вчера, и, может быть, кому-то высказывается замечание.

Установили раз навсегда: ничего не пропускать мимо внимания, особенно – хорошее. Проработал лишние полчаса, что-то дельное предложил, товарищу помог, коллективно оформили уголок – всё видеть, учить, всё держать на виду, отмечать на линейке. Иначе хорошие поступки будут затираться и в глазах детей обесцениваться («А это и взрослым бывает обидно», – подчеркнула тогда на педсовете Софья Петровна); а дурные – обретают право на существование и потихоньку завоёвывать «жизненное пространство». Нельзя!.. Речь шла теперь о такой активной нравственной атмосфере, которая вызвала бы к жизни и укрепляла всё самое доброе в каждом питомце.

Детхоз стал школой хорошего поступка. И этой школой безотказно руководил моральный стимул, запрограммированный в фразе «Хочу отметить».

Работал и материальный. Интересно и широко работал, вторгаясь и в психологию сердобольных мам и пап. Он начал разрушать «крепости», но ему предстояла задача и потруднее: сделать противников союзниками, безоговорочно убеждёнными и преданными общей цели.

База его крепла. От дохода в 1900 рублей детхоз в новом году пришёл к семи тысячам и затем сразу к семнадцати. Это равнялось почти половине чистого дохода, полученного в тот год колхозом, крупным, высокомеханизированным и пошедшим круто в гору при новом руководстве.

Материальный стимул переходил в наступление, не дожидаясь больших капиталов, и это тоже было наступление педагогическое.

Тёплым весенним днём, когда всем думалось о предстоящих работах на участке, объявили необычный сбор. Линейка была обставлена по-праздничному. Вынесен стол, накрытый красной материей, на столе какие-то свёртки, пакеты, коробки. И на виду у всех знакомая сиреневая тетрадь: фамилии, даты, «был», «не был».

– Премии будут давать, – догадливо проговорил мальчик П. с насмешливой прохладцей. – Ударничкам. Кому куклу, кому карандаш...

– ...премируется костюмом! – услышал он голос Софьи Петровны, заморгал от растерянности и осторожно покосился на ребят.

– ...премируется шёлковым платьем, – продолжила Софья Петровна.

Ребята бурно хлопали в ладоши. Повертев головой, захолопал и мальчик П.

О доходах школы, о богатых премиях покатились громкие вестки от избы к избы по деревням. А когда вышли ребята на участок, забегает родительница:

– Как тут мой работает?

На велосипеде подъезжает родитель:

– Это правда, что вчера в школе никаких работ не было?

Схлынули будни – праздничный звон по улицам. Три автобуса к школе подают. В Москву едут. В зоопарк, в цирк, в музей. Всей школой. Съездили, вернулись – не переслушать всех новостей и разговоров по деревням! Нет, это похвалить, похвалить надо школу за хозяйство! Доброе, верное дело придумали!

А по осени – новая поездка. Опять в Москву. Но это уже не для всех, это премиальная. Для победителей соревнований. Едут те, кто хорошо работал на участке, хорошо помогал колхозу, едут лучшие общественники. Нерадивые не едут. Они отошли с мамами в сторонку, разглядывают автобус. А автобус стоит красивый, диваны в нём мягкие, и пахнет от него праздником. Счастливички, нарядные, сияющие, вбегают, рассаживаются, машут руками и уезжают с песней.

А ленивые и «хитромудрые» стоят. Думают. Стоит и мальчик П., косится на свою сердобольную маму...

И снова будни.

Спешит, торопится к школе сердобольная, расстроена опять. Что с нею? Будет снова размахивать руками, шуметь до посинения: «Издевательство, исплатация»? Остановилась, опустила руки.

– Софья Петровна, да что ж вы моего малого на работу не вызываете, – бегают, баклуши бьёт...

О ПОЛЬЗЕ НАСТРОЙКИ

Как естественно соединилось теперь всё в одно: учёба, работа и воспитание! Трудовое и эстетическое, знание и дело, коллективист и хозяин – всё слилось, спаялось и зазвучало единым хором здоровой детской жизни,

Но, оказывается, каким чутким надо оставаться дирижёру! И к настройке особенно. Она, как в оркестре, определяет всю игру. С неё теперь в школе начинается день.

Это линейка. Я говорил о ней, и надо продолжить. Моральная зарядка, настройка ребячьего коллектива. Это похоже на настройку музыкального инструмента. Его не роняли, его нарочно никто не расстраивал,

но возьмёшь в руки – какая-то струна «отпустила», фальшивит. Немузыкант будет играть и так, пока не расстроит всё вконец. Настоящий музыкант начнёт с настройкой.

На этой пятиминутке не читают длинных нотаций, здесь работает острый, свежий, метко стреляющий пример – хороший или дурной. Цель – каждый день на достойном или недостойном поступке одного воспитывать всех.

Первый раз улановскую линейку я увидел осенью. Школа работала на уборке картофеля в колхозе. Утром, без пяти девять, раздался звонок, ребята сбежались в школьный коридор, выстроились буквой «П». Строй не безукоризненный, вид у ребят далеко не парадный, но всё как-то очень по-деловому. Даже Снежок, забавный пёс-короткокожка, неприменный участник всех дел, взглядывал на Софью Петровну вполне деловито: «Начнём?»

Начинает она безо всяких вступлений:

– Замечание делаю только Саше... Работал не хотя, одной рукой. Напарник его, Коля Шкыльников, можно сказать, тянул его на буксире.

Смех. Саша краснеет.

– Отметить хочу Азубова Женю. Его оставили в школе носить семена календулы. Но тут оказалось, что мешки не готовы. Тогда он взялся пока прибираться люпин. Потом переносил на чердак календулу и стал помогать устанавливать на кухне холодильник. В три часа освободился, но домой не поехал, несмотря на то, что у него флюс. Сел на велосипед и приехал к нам на картошку – помогать. Хороший поступок?

Я полагаю, что строй с пионерской готовностью прокричит «Хо-ро-оший!» Но здесь все стояли с серьёзными лицами и кивнули по-будничному:

– Конечно.

И этот обыденный кивок сказал о них лучше и больше, чем я ожидал. Он сказал, что это нормально и каждому понятно, так и должно быть, и что любой из них поступил бы точно так же. Впрочем, был и восторг. Но он был вчера, когда ребята на поле увидели знакомую фигуру, спешившую к ним на велосипеде.

– Ребята, Женька едет! Женька! – закричали они.

Они были рады, что Женька не забыл их, что он такой молодец – помогать едет!

– Ну, а сейчас – на картошку, – заключила Софья Петровна. – Хорошо бы, ребята, нам управиться по теплу. Управимся и в Москву поедем.

Вот этот последний аккорд тоже очень важен. Огонёк впереди. Макаренковская увлекательная перспектива.

В поле я подошёл к Софье Петровне, она сказала:

– Вот ещё о ценности линейки. Малейшее замечание, а как оно влияет! Посмотрите на Сашу. Не так уж много я сказала о его вчерашней работе. Сейчас подхожу, он говорит: «Софья Петровна, поставьте меня теперь одного. Чтобы видно было, как я работаю». Я ему говорю: «Зачем же одного? Теперь и так видно, что ты хорошо работаешь, двумя руками». И вот смотрите, как старятся!..

А мне вспомнился Петька Плотников. Вот в таком бы коллективе ему вырасти! Как благодарила бы теперь Анна учитель и как светло было бы у неё на душе!..

А в другой раз прозвенел звонок на линейку особую. Её называли «родительской». Такая придумана специально для пап и мам. Для их педагогической настройки.

Мне почему-то казалось, что детхоз сделал работу с родителями излишней. Зачем она теперь? Учителя объяснили: нет, школе и сейчас нужен родитель-союзник, родитель-единомышленник, и борьбу за него они и дальше будут вести всеми способами. Линейка – один из них.

В этот раз на неё пригласили отца и мать Никишиных. Владимир Фёдорович Никишин, глава семьи, когда-то окончил эту школу, его учили и Софья Петровна, и Мария Васильевна. Сейчас он механизатор, «золотой труженик, хозяйская душа» – так говорят о нём на собраниях. Жена его, Ольга Филипповна, старательница и заботница ему под стать – дояркой работает. Родня их и взгляды, и понятия. Детям с малых лет они внушают уважение к труду. «Всё хорошее на земле трудом, деточка, создаётся. И хороший человек – он от труда такой».

И, кажется, глядеть бы людям на эту семью да радоваться и пример брать! А вот поди ж ты! Бывало, только и слышно.

– Нешто это родители? Детей закабалили, работой занудили, жалости родительской нету!

И лишь сами дети не чувствовали себя закабалёнными.

Станут учителя эту семью в пример на беседах ставить – ёрзают бабы, отворачиваются – не переломишь.

Детхоз всему истинную цену показал: и родительской мудрости и пересудам неправедным. Кому легче всех и интереснее рабotaется в детхозе? Никишиным, Шкыльниковым, Якуниным, Пименовым. В работе ловкие, сообразительные, быстрые – с ними всем весело! Нина Никишина с четвёртого класса стала

руководительницей опытнического звена. Сколько у неё наблюдений, впечатлений – с нею и взрослому интересно, а детям?..

На линейке, где все стояли в форме, при отце и матери, которые тоже были чисто одеты, Нине вручали премию. Вручали и говорили... Как же это славно, что не говорили здесь шаблонными, холодными формулами, которыми так безжалостно оперируют в иных школах, – «хорошо относится», «добросовестно выполняет»... Здесь говорили о её делах, в которых виделась вся Нина и её воспитание.

Нина, тонкая, серьёзная девочка, стояла, зарумянившись. Ребята ей хлоппали, хлоппали и её родителям, учителя жали им руки:

– Спасибо вам, что таких хороших детей растите, что так ра­зумно их воспитываете.

И ребята снова дружно-дружно аплодировали им.

Это было чествование семьи и публичное признание её воспитательских заслуг. Ребята рассказывали потом об этом чествовании своим мамам и папам, и те, порой пряча смущение, мотали на ус...

КАК ТРУДНО ОСТАВАТЬСЯ... ТРУДНЫМ

Старый фронтовой мой друг прислал мне однажды сердитое письмо:

«Что за мода у вас, у пишущей братии, пошла, – насел он на меня, – призывать людей быть разными? Что ни статья для воспитания, то поклоны этой самой людской разности: ах, непохожие, ах, несхожие, ах, обо всём по-своему думают! Ну, нашли вы себе заботу! Или вам вспомнить некогда, что похожих людей вообще не бывает, даже среди близнецов? А результат этих «ахов»

я вижу пока один: распространение незнакомой нам заморской болезни, которая именуется психологической несовместимостью. Совсем, браток, не безобидная мода. Я не буду тебе напоминать, кто сказал: «Расчлений и действуй!». Но пропойцы и хулиганы – они тоже разные. Остап Бендер тоже личность, и любой подонок может похвастать тем, что обо всём думает по-своему. К этому ли надо звать? Человек нужен! Настоящий, по-настоящему хороший человек, а не мутный набор индивидуальных особенностей. Юноше совершенствоваться надо, и не пугайте вы его дутой опасностью потерять своё лицо, свою индивидуальность. Если реально опасность таких потерь и существует, то плывёт она к нам не от педагогики, лишаящей человека дурных качеств и развивающей добрые, а от того самого «чужевластная мод», которое бомбил ещё Грибоедов. Пусть человек смелее расстается со своими индивидуальными прорехами и не стесняется перенимать у живых и литературных героев их лучшие качества, – пусть не одолевает его при этом пустопорожний страх сделаться на кого-то похожим. Нам не о том, браток, хлопотать надо, что делает людей несхожими, а о том, что роднит, сближает и соединяет их. «Наша сила – в единении» – помнишь? И радость наша – в со­дружестве человекoв, больших и малых».

Сердитое, но отрадное для меня письмо. Я вспоминал о нём в Уланове, знакомясь с жизнью ребят-коммунаров.

До чего они были разные вначале и чужие друг другу, эти мальчишки и девочки! Десять минут поработало звено – и уже перессорились, уже плачут и бегут с жалобами. Этот не умеет тяпку держать и гонит от себя звеньевую: «Не лезы!» Тот оставляет по­ловину травы, а этот, наоборот, выдёргивает всё подряд – и мак,

и сурепку. Тот никак не успевает за старшими, а этот вообще ничего не хочет делать. Звеньевая скисла: «Я с ними не могу». Их восемь, она одна. Думай, педагог! Тут тоже нужна доводка... Конечно, одна и восемь – не годится. Даже одна и пять – трудно. Одна и три! И по возможности так: двое опытных и двое неуверенных.

Вот этой дорогой и двигались: трудность–поиск–решение. Одним надо было долго помогать, другие легко определились сами. А неподдающимся порой не удавалось и помочь. Мальчик П. держался, особенно, полуукрадкой курил, всем видом своим демонстративно показывал, что ему на всё и на всех наплевать. Его попробовали вовлечь в общественную работу – не поможет ли она ему найти общие интересы со всеми? Поручили: будешь следить за порядком в пионерской комнате. Он это принял, но порядок утверждал по-своему: диким взглядом и кулаком. И опять оставался на отшибе – всем чужой.

Осенью, как обычно, убирали в колхозе картошку. Ребята и девочки, согнувшись, подбирали клубни. Наш герой, по своему обыкновению, филонил, отстал, ворчал, что «всё это надоело», и вдруг нашёл развлечение. Размахнувшись, он запустил картофелиной девочке в спину. И обрадовался: точно! Девочка вздрогнула от удара и заплакала. А он уже бил по второй, по третьей «цели» и ликовав: сила и меткость! Учительница рассердилась:

– Прекрати сейчас же!

Он сделал невинный вид, начал усердно подбирать картошку, а когда все забыли о нём, исподтишка кинул опять.

Что с ним делать? На линейке объявили решение:

– Отстранить от работы!

– Иди домой, – сказала учительница, – помогай бабушке дома.

Помрачнел забяка. От него отвернулись все, вся школа: «Не уважаешь нас, не признаёшь наших правил – уходи! Никому такой не нужен!»

Он не уходил. Он шёл вместе со всеми на картошку.

Ты отстранён, – повторила Софья Петровна. – Иди домой.

Виноватый будто не слышал. На поле стал крайним и погнал две борозды один. Один вместо четверых! Весь день работал молчком. А утром на линейке вдруг объявили, что он хочет что-то сказать. Из шеренги он вышел тусклый, помятый, постоял и голосом, тоже тусклым и помятым, проговорил, опустив голову:

– Простите...

Это было не только признание вины. Признание коллектива!

Оглянется назад Софья Петровна – сколько всякого пришло искать и находить! – А оглядка – гостя акkuratная: каждый год является. Приходят в сентябре первоклассники, новые ученики из соседних начальных школ, приезжают из других мест. С ними всё повторяется сначала.

Очень своеобразный и трудный парнишка приехал с Сахалина. Он был худой и натопорщенный, как побитый зверёк. Ему шёл двенадцатый год. В школьном дворе, шумевшем играми нарядной ребятни, он стоял одинокий и настороженный. Какой-то мальчишка остановился около него, спросил:

– Ты чей?

Робея, новичок принял независимую позу, глянул исподлобья:

– А тебе чего?

Через минуту они подрались. Учительница заступилась за него, сказала ребятам, что нельзя так встречать новичков. Тогда парнишка подошёл к ней поближе и сказал тихо:

– А вот этот ругался. – И указал глазами.

В свободный час коммунары с гордостью водили новичков по своему хозяйству, остановившись около теплицы, – она весело сверкала стекляннной крышей.

– Это мы сами строили, – сказал рослый паренёк с красным галстуком. – И фундамент закладывали, и стены, крышу стеклили.

– Врать-то! – отвернулся сахалинец. – Са-ами!

Коммунары рассмеялись: вот чудак, не верит. Не малыши, конечно, старшеклассники, и не одни, с Василием Николаевичем, но руками-то своими! И вот эти дорожки бетонировали, и строили вон ту каменную лесенку и вот эти два крыльца со ступеньками. И огородили всё! Спортивный городок оборудовали! А в школе полы покрасили, панели, парты. Вешалки поделали, подставки...

Девочки в белоснежных кофточках с альпами галстуками повели новичков на опытный участок и стали рассказывать, какая их школа знаменитая. С 1962 года она участница Выставки достижений народного хозяйства, которая в Москве. В премию получили целую фотолaborаторию, аппарат ФЭД, магнитофон. Есть даже девочки в школе, награждённые медалями выставки, – звеньевые-опытники!

– Посмотрите, какой у нас опытный участок! – щебетала звеньевая со вспотевшим под чёлкой лбом. – На этих грядах мы проводили опыты. Научные. Знаете, как интересно!

На участке волнами шли гряды с картошкой, со свёклой, капустой, с морковью, с огурцами и помидорами. На грядах таблички: опыт такой-то, звено такое-то, а рядом – «контроль».

– Интересно! – опять повторила звеньевая. – Только тут надо внимательно вести наблюдения, – продолжала она, разглядывая сахалинца. Он смотрел по сторонам и смурывал руками зачем-то сорванный цветок. – Вообще плохо, – сказала она ему, – когда человек невнимательный и неорганизованный.

Сахалинец, вспыхнув, куснул её глазами и отвернулся. Рядом учительница о ком-то рассказывала родителям.

– Ну, что там – пятый класс, кнопки! А они у нас уже хозяйчики. Скажу им: «Сегодня, девочки, пикируйте рассаду, ящички там возьмите». И уже не заглядываю! Сами всё найдут, просеют землю, напикируют, поставят, куда надо, и притенят. И уберут за собой. Все – как взрослые!

– Понял? – сахалинец толкнул локтем другого новичка, Сашку. – Тут запрягут – будь здоров!

– А тебе хочется цветы растить, проводить опыты? – подошла к нему звеньевая.

– Не получится, – с солидностью ответил сахалинец.

– Почему?

– А так. Я вообще... неорганизованный.

– Вредный какой-то, – переглянулись девочки и отошли.

Скоро началась уборка цветочных семян. Под навесом стояли банки из-под масляной краски, все одинаковые, как пчелиные соты. Это и тара и мера. Коммунары разбирали их и шли на плантации. Сахалинец нёс банку, как грязную галошу, и плёлся

с превеликой тоской на лице. Девочки-одноклассницы показали ему, как обирать семена. Пальцы у них работали проворно, и ни одно мизерное семечко не ронялось на землю.

– Понял? Это очень просто!

Сахалинец сопел. Пальцы его не слушались, семена из-под них сыпались наземь, копать в этих засохших цветах было неинтересно. Сашка топтался рядом, уныло и рассеянно щипал сухой цветок.

– Давай скажем, – прошептал ему сахалинец, – «Мы не будем, мы не умеем». Я не люблю работать!

И тут они увидели, что между ними и учительницей стоял, ничего не делая, ещё один мальчик, тоже пятиклассник и тоже новичок, из какой-то соседней начальной школы. К нему подошла учительница, крупная, грузная, – Марианна Сергеевна.

– Ну, а ты что засучал? – Что-то ласковое теплилось в её сомкнутых красивых ресницах.

– А я не хочу работать! – петушисто глянул на неё мальчишка.

Все подняли головы.

– Ну как же ты не хочешь? – удивилась Марианна Сергеевна. – У нас это нельзя.

– Я не люблю работать!

– Ты не любишь? – вспыхнули девочки. – А ты кушать любишь? В столовую дак ходишь?

Мальчишка ковырнул ботинком землю.

– А я и в столовую не буду ходить.

– Нельзя так, Алёша, – тронула его за плечо учительница. – Давай мы с тобой вместе. Вот смотри.

Они склонились над рядочком. Сахалинец с Сашкой еле-еле копались в цветах и заметно отстали.

Эй, новенькие, не стыдно отставать-то? – крикнули им девочки.

– Подумаешь, указчики! – огрызнулся сахалинец.

Подошла Софья Петровна, девочки загалдели:

– Мы с ними работать не будем! Лентяи бессовестные!..

– Видите, девочки, – примирительно заговорила Софья Петровна. – У них в школах так не работали, как мы. Им ещё надо привыкнуть, научиться...

Она занялась с отставшими сама.

– У наших руки уже разработаны, пальчики ловкие, – рассказывала тихонько, будто не замечая, с каким погребальным видом слушали её два лентяя. – Улановских учеников можно теперь отличить на работе по рукам. Умелые, быстрые руки. Вот привыкните, разработаете, и у вас такие будут.

Но ленивцы вовсе не хотели привыкать и разрабатывать. Софья Петровна только отошла, как они разогнулись и остановились отдыхать, потом срочно побежали куда-то.

Пришлось их поставить на отдельную полосу.

– Вот это до звонка постарайтесь убрать, и пойдём обедать. Вам даётся почти вполтину меньше, чем другим.

Было ясно: в этой школе от работы не увидишь. Ленивцы засопели, копаясь в цветочных головках. Сахалинец то просыпал семена мимо банки, то нечаянно опрокидывал её, то совсем забывал, что делал, и проходил необобранные головки.

Уже хотелось есть. Группы одноклассников заканчивали свои полоски. Сейчас пойдут обедать. А тут ещё вон сколько работы! Мальчишке становилось тоскливо и обидно. Им всем легко, они умеют, а он никогда не убирал этих семян – что он, виноват?

К обиде он был болезненно чувствителен. Может быть, потому, что рос без отца, был заброшен матерью, и маленького его обижали все, кто хотел.

– Ну, дело налаживается? – услышал он чей-то голос.

К ним с Сашкой подошли девочки, ребята и две учительницы.

– Хорошо, давайте мы вам поможем да пойдёмте обедать.

Сахалинец повеселел и даже пальцы его заработали живее. Артелию полоску закончили быстро. Хмурь парнишки незаметно сошла, ему теперь хотелось заговорить с ребятами, сказать им что-нибудь интересное, хорошее, но ничего не приходило в голову. Он шёл и молчал.

Дома сказал бабушке:

– Ребята тут знаешь какие дружные! Помогают, кому что-нибудь трудно...

Потом он как-то прибежал с мальчишками к Софье Петровне, возбуждённый, запыхавшийся.

– Можно, мы лестницу возьмём? Там под крышей голубка, у неё крыло перебито, мы переведем...

А однажды... Это было перед вечером. Пролил дождь, речка, что бежит внизу, посреди деревни, зашумела, разлилась и подмыла у перехода кладки. Чей-то мальчуган топтался около них, никак не мог набраться смелости перейти на тот берег.

– Боязно? – подошёл к нему парнишка с тонким смуглым лицом. Это был сахалинец. – Давай, я тебя переведу.

Он не думал, что это станет кому-нибудь известно, и утром удивился, когда на школьной линейке услышал свою фамилию.

– Вот видите, – сказала Софья Петровна, – кто-то говорил, что он вредный. Нет, душа у него добрая, хорошая.

Все зашевелились, стали искать его глазами и улыбаться, а он порозовел от смущения и радости и опустил лицо. Весь этот день он ходил лёгкий, отзывчивый, хорошо отвечал у доски, а на уроке труда – первый бежал помогать девочкам.

Он рос быстро, смуглый, жилистый, сам чувствовал, что становится крепким, и ему приятно становилось помогать на работе, кому трудно, в звене братъ на себя то, что потяжелее. Он делал гряды на опытном участке, сам вызывался прокладывать борозды, которые девочки следом засевали семенами цветов, и, хотя опытничество его не влекло, а тянуло парнишку больше к технике, он оставался надёжной силой в звене, и это ему нравилось. Часто после занятий он бежал к Василию Николаевичу в мастерскую, брался там пилить и строгать, делать ящики для рассады, кормушки для птиц. Хотелось быть хоть немножко мастером на все руки, как Василий Николаевич. А тут и подвернулось дело, о котором парень мечтал. В школе организовали тракторный кружок. Приехал в родное село Саша Егоров, он окончил институт, отслужил в армии, поступил работать инженером в колхоз и вот... кружок!

– Здорово, правда? – влетел сахалинец в мастерскую. – Я уже записался.

Одна из девочек хитренько прищурилась:

Тебе, Толя, это не подойдёт, ты ведь неорганизованный.

Толя осёкся, с укором глянув ей в лицо. Потом ответил спойно, по-взрослому:

– Этого у меня один, может, процент остался!..

А сердобольная опять семенит – поспешает в школу, со смиренным слушает, как тут выходит на правильную дорогу её непутёвое и грубое чадо,

– Ничего, налаживается, за дело берётся.

– Да в школе-то, на людях, он, Софья Петровна, берётся, – выкладывает свою боль-жалобу мать, – а дома, видишь как, охапку дров не принесёт!

Называется, приехал! Улыбнуться бы теперь Софье Петровне да напомнить сердобольной насчёт «иксплатации», но где там! И на ум не пришло – забеспокоилась:

– Странное явление! Как же так? Дома... Это не хорошо, это упущение. Какой же он будет хозяин в доме, глава семьи? Завтра мы поговорим на линейке. Фамилий я никаких называть не буду, но...

Очередной разговор на линейке её сын выслушал серьёзно. В тот раз, когда его отстранили от коллектива, он много прочувствовал и передумал. И теперь, хотя имени его никто не называл, он сам принимал на свой счёт всё, что говорилось. В конце вмести со всеми сказал только одно слово:

– Понятно.

А летом его позвали в правление колхоза. Там сидели Софья Петровна, председатель колхоза Иван Павлович Чибисов, зоотехник, заведующая фермой. Спросили:

– Ты пойдёшь телят пасти? На лето. Задумался парень. Пастухом быть! Крутая, гордая натура его покорибилась. Но на него смотрели взрослые люди и ждали. И каким-то краем сознания он понимал: надо! Для общего дела надо, для колхоза. И опять сказал только одно слово:

– Ладно! Прошло время, и это общее, колхозное «надо»

снова поступалось к нему. Заболела доярка, а парень между делом научился доить коров, помогал бабушке на ферме. Не по нраву было «бабье дело», но помогал. И на этот раз потоптался, смиряя гордыню, и кивнул головой: «Ладно». Целый месяц он самостоятельно обслуживал группу, как взрослый, а когда вернулась доярка, прощался с коровами смешно и трогательно.

– До свидания, Дурёнки! Привык я уже к вам! Но профессию, как и Толя-сахалинец, мальчик П. выбрал механизаторскую: пошёл в СПТУ. Софья Петровна сказала:

– Что бы из него вышло в других условиях? А сейчас растёт нормальный рабочий человек.

Мне интересно было: а как же Сашка, тот, что вместе с Толей-сахалинцем сперва невзлюбил эту школу? Научился ли он за трудным радостное находить?

Я увидел его на спортплощадке. Сашка чувствовал себя празднично. Он начал учиться в восьмом классе, а за отличную летнюю работу на участке ему под дружные ребячьи аплодисменты вручили премию.

Нет, нельзя из этой школы выйти никомушным!

САМОЕ НЕВОЗМОЖНОЕ

Однажды мы долго ходили с ребятами по участку, и я спросил, а можно ли у них теперь учиться кое-как?

Ребята остановились, подумали и помотали головами: «Невозможно».

Да! Сама обстановка в коммуне такова, что это исключается.

Вот кончились уроки, все пообедали и высыпали во двор. Час игр. Час безудержного визга, смеха, песен и беготни. И всё это смотрится как необычный праздник, как какой-то весёлый ребячий фестиваль. Игры, пляски, музыка, мелькание множества народных хула-хул – кажется, вся площадь крутит эти разноцветные обручи, голубые, красные, зелёные. Взлетает мяч, взвиваются баскетболисты, мелькают скакалочки, ракетки бадминтона, какой-то класс заводит «руччёр» ...

Час, полтора... Не пустое, расслабляющее ничего-неделанье – активный, полноценный отдых. Он и даёт разрядку, он и заряжает. С этого праздника не пойдёшь бессмысленно болтаться по улице. Скука становится неприемлемой.

И школа снова погружается в занятия. Вся. Все классы, все 112 человек. «Делают уроки». Каждый сидит на своём обычном месте, в своём коллективе, со своим классным руководителем. Это не группа продлённого дня, в которой всегда стоит изнуряющий шум. Здесь обычная деловая обстановка. Вот человек запутался в задачке. Дома он уже давненько поглядывал бы в окно и махнул бы, пожалуй, рукой: «Да ну её, спишу у кого-нибудь». Тут к нему подходит учитель, подсаживает на помощь сильного ученика. Что-то непонятное для многих разбирают коллективно.

Всё вскрывается. И «белые пятна» заполняются тут же.

Для «кое-как» не остаётся никакой жилплощади.

В пять часов, в пять тридцать школа пустеет.

Учителя пробыли здесь кто пять, кто шесть часов, некоторые – семь. Софья Петровна больше. Трудно ли им? Очень? На этот вопрос они ответили, по-моему, довольно убедительно:

– Работаем много, но работать легко. Перенапряжения нет. Потому что обстановка в классах нормальная, нервы трепать не приходится. На дисциплину мы энергию не тратим. И все понимаем: нужно до пяти – будем до пяти, нужно больше – и больше будем.

Знаю: они благодарны Софье Петровне. Ей труднее, чем другим. Целый день в заботах, целый день на ногах. Всё, что она может взять на себя в многотрудных педагогических и хозяйственных делах, она берёт, стараясь по возможности разгрузить других. Она умеет беречь силы товарищей.

– И знаете, – говорит, – как-то не устаю. Держу себя в строгом режиме и – прекрасно!

Но никаких сил им не хватило бы, когда б учителя всякое дело, большее и малое, тянули сами. А у них кругом помощники – их актив и смена – ученики! Кто работает затейниками, организует игры с малышами? Пионеры. Кто в школе тренеры, судьи, лаборанты, киномеханики, библиотекари? Они же – ученики. Они дежурят по школе и по столовой, по комнатам в общезимней, следят за порядком в сельском клубе. Они высвобождают учителей всюду, где можно. «И прекрасно справляются!» – замечает Софья Петровна.

Невольно «розовая» приходит мысль: вот где питомник будущих отличных сельских учителей! Ведь есть же здесь и дети с педагогическими задатками!

Есть, конечно! И эти задатки в условиях школы-коммуны проглядывают начинают рано и ясно. Однако до последних лет питомцы Улановской школы не проходили в пединститут. Причина? Слабые знания? Нет! Слабина в другом. Годами укоренялось в

институтах недоверие к сельским абитуриентам, к уровню их развития, и на приёмных экзаменах оно срабатывало безотказно. До сих пор в Уланове помнят, как обидно по этой причине сложилась было судьба Людья Мухиной. Дочь колхозных животноводов, обладающая завидным педагогическим талантом, Люда с порога пединститута уходила в ГПТУ – недобрала одного балла. При хороших знаниях недобрала!

В школьных сочинениях она писала: буду только учительницей и работать мечтаю только в селе. Её литературные сочинения читали в учительской вслух. Была тема: «Что я вижу из своего окна?». Сколько она увидела! Это была песня о родной деревне, о труде, о жизни, о людях села. Девятый и десятый класс она оканчивала в Медыни. Приехала в Калугу, в педагогический – очень волновалась. Горожанкам было попроще: привычная среда, привычная обстановка. Но главное – Люда сразу почувствовала: приёмная машина настроена «резать» и отсеивать сельских. И вот... Один балл! Хотя потом оказалось, что современные победительницы высокого конкурса, ставшие студентками, едва тянут на «тройку».

А Люда пошла на штукатурку. Потом – на бухгалтера. Приехала работать в родной колхоз. Её влекло к детям, к школе, она бы рада поступить в пединститут на заочное отделение, но туда бухгалтеров не берут – надо учительствовать. Отчаялась, поехала в роно: «Доверьте!»... Об этом ходатайствовали и её улановские учителя. – Девушку направили в далёкую начальную школу – там было всего три ученика. Но теперь она значилась учительницей, документы на заочное от неё приняли. И на экзаменах немало подивились и знаниям её, и способностям. Её тут же заметили представители МГУ (так случилось), и она была взята

в Московский университет. На очное отделение!

Так отрадно закончилась эта грустная, обидная история, в итоге пролившая истинный свет и на качество общей подготовки питомцев Улановской...

«РАБОТЯГИ» ИЛИ ПОЭТЫ?

Можно предвидеть скрытый протест в форме вопроса: а что же всё-таки хорошего? учёба, работа, какой-то час игр и опять уроки и работа, нередко грубая и грязная. И это – детство! Да неужели не огрубляет и не обедняет их души такая жизнь, не лишает их чувства простора и света, не глушит в них те нежные и чистые струны, без которых человек всегда будет страдать душевной и эмоциональной недостаточностью?

...Я хожу с ними по саду, по цветникам, спускаюсь в теплицу, пропахшую дымом, и не враз догадываюсь, какое это всё родное для них! Они рассказывают обо всём, что им приходит в голову, и как будто лепят бесхитростную мозаичную картину под названием «Наша жизнь».

Нина Киселёва обо всём говорит увлечённо, весело – о школе, о дружбе, о труде, о том, что папа её, механизатор, любит цветы. У Нины светлое поэтичное лицо, чёлочка и смеющиеся ямочки на щёках. Она из Самсонова, это недалеко, а здесь учится с пятого класса.

– Мне школа Улановская очень понравилась: красивая и много цветов. И такие все ребята дружные! Вот убираем картошку. Девочки быстрее управились – идут мальчишкам помогать, мальчишки быстрее – все к нам! В играх, в спорте дружные.

Девочки подсказали: Нина у нас чемпионка школы по лыжам. А у ребят Исаев.

Нина: – Мы с ним на одной парте сидим и в одной деревне живём. Вместе – на лыжах, на велосипедах. У нас все-все ребята умеют на велосипедах! И девочки. Меня папа научил. А на лыжах я больше всего люблю.

Смотрю на неё – живая звонкая Поэзия! А Поэзия вдруг оставливается около грядки и объясняет хозяйственно:

– Земля тут трудная – глина, камни. Мы тут – лопатами. Сначала как-то неохота братья. Потом только один взялся – и всё-е! И девочки. Пошло-о! А ведь растения все любят рыхлую почву...

Это уже проглянул практик-агроном. Но через минуту агроном становится просто девочкой двенадцати лет:

– В младших классах у нас игру-ушек! Мы тоже другой раз берём. Шьём куклам кофточки, платья...

Аня Гришина: – Мы здесь всё время, весь день, В восемь уйдём из дома и до вечера. У нас тут так интересно! Утром проснёшься – что-то хорошее тебя ждёт. Школа! Прямо тянет, так и хочется поскорей туда!

Аня собранная, стройная девочка, быстро увлекающаяся и умелая – из тех, о ком говорят: её куда ни поставь... Она звеньевая, живёт в деревне Пушкине – отсюда километра два. Ведёт нас в теплицу. Теплица опустела до весны. Здесь сложены порожние ящики, пахнет старой баней. Что интересного может рассказать о таком невзрачном помещении подросток?

Аня: – Мы зимой пришли очищать теплицу – она завьюжена вся, стёкла кое-где побились... – Она чуточку морщит нос и тянет слово «завьюжена», чтобы передать ощущение стужи.

– Мы затопили печку, ребята стёкла вставили – начало нагреваться. Мы здесь всегда раздетые работаем. Потом вода нашла. Отливать! Мы были на труде – отпросились у Василия Николаевича сюда.

И дальше они рассказывают уже дуэтом – включилась маляк, ловкая на подхвате Галя Якунина, чёрнышкая, приткая, глаза-кружочки, зачём, будто телёнок лизнул. Она из Михеева.

– Мы воду отливаем, и ребята бегут. Сами! Урок уже кончился – бегут! Помогаты! – Глаза-кружочки у Гали горят азартом. – Ой, в марте это у нас самое любимое – теплица. Пообедаем и бежим, начинаем рассаду поливать. Здесь полно было рассады! На всех полках.

Аня: – Очень красиво смотреть. Идешь, теплица открыта, глянешь – всё зелено. Ещё деревья голые, ещё ночью морозы какие, а тут – лето! Когда солнце, то прямо сказка в теплице! Доярки идут мимо – останавливаются. Интересно им!

Нина: – Мы всю зиму в школу – на лыжах.

Аня: – Все! Василий Николаевич даст нам домой лыжи – и носимся! Без пальто. Тут нам два километра. Идём, нас всемнадцать или девятнадцать человек – длинная цепочка.

Нина: – Приходим все запорошенные, вспотевшие – здорово так!

Галя: – Ой, а идешь – красиво! Особенно когда иней. Деревья запущит, стоят все в белом, а иней осыпается, осыпается искрами...

Аня: – А летом – на велосипедах. Едем в Уланово капусту поливать. Опять цепочка наша. Лети-им!...

У дорожки светились нежно-лиловые астры.

Нина: – Мне даже во сне эти астры снились.

Галя: – Днём на них намотришься, ложишься спать – цветут перед глазами. Долго. Пока уснёшь.

Вспоминают все, и нет ничего для них неинтересного. Как просеивали для рассады землю, как ребята носили перегной и пугали девочек хрущами – «они так ножками перебирают...» – и как не давал очень-то расшалиться Коля Шкыльников, «хороший, добродушный парнишка».

И тут же – простая хозяйственная проза:

– Если бы не цветы, школа наша была б не такая. Мы бедненько б жили. – Это Нина Киселёва,

Аня: – Софья Петровна говорила, прошлый год за наступрцию пять тысяч получили.

Нина: – А за картошку девять.

Вера вдруг отмахивается от хозяйственных тем, подбегает к громадному красавцу георгину.

– Смотрите, какой георгин! Богатырь, правда? А вот спрятался маленький, а какой красивый! – И конопутки под глазами собираются у неё счастливыми гроздьями. – Теперь где только не цветут, наши цветы! В Архангельске, в Чечено-Ингушетии, на Урале.

Идём по школе. Никого... Все двери открыты. На вешалках кем-то оставлены дорогие куртки, шапочки... Не пропадут?

– Сто лет будут висеть – никто не тронет! – Вера махнула рукой.

Нина (мягче): – Тут всё открыто: игрушки, пособия, спортивные всякие вещи. Можно заходить, играть

Аня: – У нас ничего не ломают, не раскидывают. Поиграют – и всё уберут на место. Сами. Марианна Сергеевна говорила: за все годы не сломано ни одной игрушки!

Галя: – А раньше, говорят, без дежурного учителя боялись

ребят и в школу впускать!

«Раньше»... Для них этот вчерашний день – уже седая старина!

Заглядываюсь на них: хозяйева... Уже сегодня хозяйева всего, что вокруг. Они учатся всё уметь, и с ними забываешь, что есть на свете лень, равнодушные, инфантильность. У них столько жизни, столько точек делового, творческого соприкосновения с жизнью!.. Все они разные, но как много общего у них! Такого, что роднит их и объединяет их стремления! «Трудная земля» и любимая школа, завьюженная теплица и украшенные города и родные улицы, белый иней, «цепочка» и встречи с Москвой, работа дружная, и ясный их завтрашний день. Нет, эти не вырастут ни безрукими скептиками, ни равнодушными «работягами» – «нам абы гроши». Эти не оставят после себя пустырей и избушек на курьих ножках. Тут они – к огорчению поклонников и толкачей залётного модерна – абсолютно одинаковы!

И меня не удивило, что ветер дальних странствий не завихряет никого из них. Куда им идти отсюда? Зачем?.. Уже сейчас, быть может, ещё не вполне осознанно, они чувствуют здесь ожидающий их жизненный простор. Здесь столько можно сделать! Я спросил у них:

– Ну, а окончите восемь классов – потом?..

– В девятый, в Медынь.

– А потом? – Я ожидал, что Галя, например, изберёт что-нибудь близкое к цветам, а она ответила:

– Я наверно – на ферму.

– Да? А цветы?..

– И цветы!

– На ферме?!

– Везде! Кругом!

Нина Киселёва ответила: «Никак не выберу». О ней сказала Софья Петровна: «У неё склонности организатора. Умеет распорядиться, потребовать. И умница какая! Ей быть бригадиром, агрономом». А сама Нина в последнем, предвыпускном сочинении написала:

«Кем я буду, я ещё твёрдо не решила. Или агрономом, или учителем, или бригадиром, как папа. Но работать я буду только и только в селе. Жизнь тут люблю, красоту нашу и простор. Люблю тут делать всё, люблю делать и видеть, как хорошо становится!»

Человеку, который не знает любви к труду, неведомы такие мысли и такие желания.

«Делать и видеть, как хорошо становится» – это и отношение к жизни и заявка на своё место в ней. С этим питомцы школы идут навстречу своему завтра, и многие, многие вот такие, как эти, драгоценные люди – трудяшечки оседают в родных деревнях, в родном колхозе. Идут в сельскохозяйственные училища, техникумы, институты и возвращаются «делать и видеть». Говорю «многие». Но, надо сказать ещё и лучшие, это именно так – лучшие по знаниям, по трудовой подготовке и по своему нравственному здоровью. Кто шёл когда-то отсюда в СПТУ? Те, кого куда больше не могли принять. Сейчас идут безупречные. «Способные, избалованные, хорошие физкультурники, большинство даже презирают курение, – аттестует их Софья Петровна. – Любят труд, любят технику, учились хорошо...»

И ведь всё это – не просто люди с образованием, изучавшие алгебру и химию. Это люди, которые прошли новейшую школу воспитания в духе коммунистического бытия и коммунистического трудолюбия.

Они сейчас становятся главной силой колхоза.

В их руках вся техника – богатый тракторный парк, грузовые машины, комбайны, электрические моторы – то есть все самые трудоёмкие работы на полях, на лугах и в животноводстве. В руках питомцев школы техническое, зооветеринарное, агрономическое обслуживание, планово-экономическая работа, учёт и всё множество рядовых дел в полеводстве и на фермах.

И примечательно: свою приверженность к родным полям они показывают целыми семьями. Родители окончили эту школу и остались здесь, сейчас остаются все их дети. Два брата Егорова: Александр (тот самый Саша) и Алексей. Один поехал в Колхозной сельскохозяйственный институт – вернулся инженером, отправился туда же и второй и тоже прибыл с дипломом, оба сейчас инженеры колхоза. Братья Акишины, Валерий и Владимир, в таком же порядке вышли на ветеринарную службу. А у дочери Марии Фильковой целый букет: Олег из армии вернулся – сел на грузовик, сейчас шофёр первого класса, Алла окончила техникум – пошла в контору экономистом, а Людя – на трактор. Села на него ещё в школе, в кружке у Саши Егорова, то бишь, уже у Александра Сергеевича, села ловко, смело, влюблённо, – ребятам на зависть! И потом не ломала голову – кем быть, поступила в СПТУ, и там же – в вечерний девятый класс.

Такие букеты украшают «Зарю». Молодеет, богатеет, на глазах красивее становится этот крупнейший в районе колхоз, владелец восьми тысяч гектаров земли. Огромный, организаторский труд вложил в него Иван Павлович Чибисов, бывший механика-

тор, один из героев моих первых послевоенных очерков, теперь уже давний председатель колхоза. Но он частенько говорит:

– В том, чего мы достигли, заслуга большая принадлежит школе. Школа – это неотъемлемая часть колхоза, это питомник наших кадров.

Хорошо, правильно говорит. Но ещё лучше делает. Чем он только не помогает школе! Молоко в ребячьей столовой – колхозное, мясо – колхозное, по самым льготным ценам отпускаемое, телевизор с огромным экраном в школьном интернате – колхоз подарил. Строительные материалы, транспорт, удобрения, тяговая сила...

«Питомник кадров». Очень правильно!

И всё было бы как нельзя лучше, когда б поперёк дороги иных питомцев не становились в слезах всё те же сердобольные мамы...

**«ТЫ ЖЕНИ ЕГО ТАМ,
В МОСКВЕ, ПОСКОРЕЕ...»**

Ах, мамы, горем крещённые сельские страдалицы-мамы! Как вас утешить и отогреть? Сколько сил положили вы, надорванные, сколько слёз вы пролили, чтобы родных чад своих видеть благополучно устроенными в красивых больших городах! И сколько же молодого люду унесли с деревенских косогоров потоки ваших неотразимых слёз! Сколько сильных, потомственно талантливых в сельской трудовой жизни парней и девчат превратили они в ремычных по городам работяг и скучных конторских сидельцев! Мамы, мамы, скольких сыновей и дочек оттеснили вы своей горячей любовью от деревенского труда, тем отвратив их от всякого труда вообще.

«Пусть хоть им будет чем вспомнить детство!» Кого они радуют теперь?

Немалые муки терпело выносливое учительское сердце, когда улановские любящие мамы слепо stalkивали с найденной в труде дороги своих чад – питомцев детхоза. К счастью, это удавалось им не всегда и далеко не навсегда.

Было в школе три неразлучных друга: Николай Стебаев, Володя Акишин и Володя Ордин. Вместе работали в школьной стройбригаде и на участке, вместе появлялись на сцене, на спортплощадке, вместе носились на велосипедах по лесам и полям. И жить, и работать им тут хотелось вместе. Но вот окончили они школу и вдруг увидели, как мало в этом мире зависит от их ребячьего хотения. Мать сказала Николаю:

– Пойдёшь в гэтэту.

– Но мама, мы решили...

– Чертоломить в колхозе? Кто это решил? Володька Ордин? Так он тебе и останется в колхозе! У него мать в Медыни, в райисполкоме работает, при печатях сидит. Она ему любую справку... И – пожалуста, только вы своего Володьку и видели!

«Чертоломить»... Сколько Николай помнил, мать всегда говорила о колхозной работе в сердцах, всегда приходила с фермы злая. Она везла свой воз и глядела на него не так, как тот строител с тачкой, который на вопрос: «Что ты делаешь?» отвечал гордо: «Я строю храм!» Она везла его как тот другой строитель, который на этот же самый вопрос ответил с раздражением: «Таскаю вот эту проклятую тачку!»

Сын её, в общем-то, понимал. Понимал, что мучит её заставляя в душе болячка, никем не услокоенная, никем не признаваемая. Ведь чего только не перенесла она в деревенской своей

жизни!

Где-то говорили о крестьянской любви к земле к деревенской воле – не понимала она этого, не привелось ей узнать такой любви. Сказала как-то:

– Война всё у нас взяла: и здоровье, и радости, а получить не дала ничего – ни образования, ни платы мало-мальской – одни тяжести нам оставила. – И словно черту подвела: – В деревне им конца-краю нет.

Но если бы всё в жизни сына шло по этому страдальческому желанию матери, по её слепой жалости, каким бы он вырос, Николай? Не вечно ли мучился бы своей отвращённостью от труда? Его школа спасла. И не его единственного.

Ах, побольше бы сейчас таких школ!

И в училище, и в армии, и потом в Москве, работая на заводе, Николай помнил свою школу как что-то самое любимое и самое родное. Вот кто «виноват», что улановских ребят и девочек так неудержимо тянут к себе родные пригорки. Школа! Теперь все они понимают, какую нелёгкую заботу она взяла на себя. Ей пришлось даже «отвоёвывать» ребят у непомерно жалостливых мам, чтобы каждого приучить к труду, к работе на земле, каждому помочь полюбить этот труд и – мало того! – всех научить работать с мыслью о жизни, о том, что ты создаёшь и преобразуешь её. Только так!

Ещё тогда, в школьном детстве, Николаю нравилось смотреть на колхозные новостройки. Это было весело видеть, как поднимались и прихорашивались новые дома, контора, столовая, ещё что-то – всё в голубом с белой кружевной отделкой. Впереди бежал такой же красивый голубой штакетник, а сквозь него проглядывали нарядные клумбы. За этим виделась жизнь, которая

придёт в деревню завтра. И всё это как будто переключалось со школой, с её цветниками, крылечками, песенкой – со всем, что делали там ребята, переключалось как-то по-своему, по-родственному, и от этого на душе у парнишки становилось солнечно.

Разные, ничем не похожие ступени жизни прошли они – сын и мать и совсем по-разному смотрели на родное село, на колхоз. Мать видела в нём изнуривший душу тяжкий прошедший день, которому, казалось ей, нет и не будет конца, а сын – день новый, наступающий, которому он готов был расчищать дорогу.

В Москве, отстояв смену, он спешил в метро и мчался на Профсоюзную, к Володе Акишину – тот тоже оказался столичным рабочим. Вдвоём они ходили по Москве, по её музеям и выставкам, любовались затейливыми узорами цветников и вспоминали цветники свои, школьные. Вспоминали Уланово, родной вечерний запах своих делянок и окрестных полей, наполненных тишиною, И лес вспоминали, и речку, и Володю Ордина, и не чаяли дожидаться субботы, чтобы поехать домой.

Володя Ордин работал там, в Уланове (ему и в голову не приходило думать о какой-то «спасительной» справке!). Отслужил в армии и, решительный, смелый, пришёл в родной колхоз, стал агрономом по кормам.

Они собирались втроём и обдумывали операцию «Возвращение».

Николай, интеллигентный, сдержанный, с мягким девичьим взглядом, признавался:

– Жаль, конечно, мать. Расстроится, расплачется... Но в конце концов она поймёт.

Володя Акишин только рубанул ладонью: «Всё!» Он выглядел постарше своих друзей, рослый, опытный в делах практических, до армии успел поработать в колхозе веттехником и теперь всё решал сам, ни с кем из родных не собираясь и советоваться.

– Пойду на комплекс. Конечно, ненормированный день, что случится, будут поднимать и по ночам. Но к этому уже готов. Это я уже испытал.

Тем временем мать его писала сестре в Москву:

«У него хватит ума вернуться, поменять Москву на колхоз. Ты жени его там поскорей, чтоб он и думать забыл про деревню!»

Николай к разговору с матерью готовился долго и, когда наконец начал его, старался говорить как человек взрослый, но волнения унять не мог. В нём было ещё что-то юношеское, хотя виделся он статным, вполне сложившимся человеком, похожим на молодого инженера. В кругу товарищей он обычно был спокоен и мягок, и улыбался, по-девичьи откидывая голову и призывая кривя глаза. Теперь слова шли у него напряжённо и горячо.

Мать смотрела на него с расстроенным и гневным лицом.

– Ну, что с дураком делать? – она уронила тяжёлые руки. – Мос-с-ква! Да люди спят и видят... Все умные давно там! – Она сердито бледнела, голос её наливался отчаянием. – На таком ты заводе устроен, все у тебя условия – чего тебя сюда нелёгкая тянет? Я тут билась, билась, здоровье потеряла, отец.»

И заливалась слезами.

Володя Ордин на правах «старожила» сказал друзьям:

– Перебирайтесь. Я поговорю с председателем. Работы хорошей много, а насчёт жилья – колхоз новые дома строит, квартиры, думаю, будут.

Они вернулись, и Николай принялся осваивать новые специальности. Было удивительно: он чувствовал себя легко и как-то капитально оттого, что на него нагружали много. На него нагружали всю механику по приготовлению кормов – добрых два цеха. И сверх того – поливочные машины на пастбищах. А два цеха – это практически значило готовить корма на сотни голов скота ежедневно.

Хорош возок! Но такого и хотелось.

Зимовка шла аховая: бескормица. На газетных страницах, в радиопередачах нарастала тревога; спасти, сохранить скот, удержат надо! Николая ещё от Николая не зависело столько, сколько в эти последние месяцы зимы. Всё решала его «кухня». Она могла отвести, разрядить бескормицу. Она могла превратить стога жёсткой малопитательной соломы в добротный корм, в мягкую, ароматную, распаренную кашу, которая так надёжно поддерживает коров.

Он работал помногу, спокойно и молча, целыми днями. Запускал в кормоцехе своих стальных слонов, они гудели, рокотали, фыркали паром, всё заполняя тёплым духом кормовых дрожжей и пареной соломы, выдавая на фермы горячую вкусную массу, а он хлопотал среди них с одной беспоконной мыслью – тобы только не было поломок, чтобы не остановился этот спасительный конвейер.

Должность у него – механик кормоцеха, но какие там границы – «это моё дело, а это не моё!» Руки зрячие – все дела видят.

В просторном цехе стоит его «слон» по имени АВМ. Его название – вырабатывать фуражную муку. Он встречал Николая покорным молчанием, потом вздрагивал, загудев, и с этой минуты

механик превращался в мельника. Такой необычный молодой мельник, с аккуратной театральной бородкой – в «Русалке» бы ему князя играть!

Конечно, нагрузка! Но вечером, дома, когда все уснут, когда уснёт и Галя, жена, и крошечный сынишка, – Николай, притенив комнату от света, будет ещё долго сидеть за столом, наполненный добрым покоем. Он будет конспектировать учебники, решать задачи, листать и перечитывать с детства любимый журнал «Юный натуралист», с которым когда-то в школе сдружилась их всех Софья Петровна...

Иногда в цех к нему влетали оба Володи – Акишин и Ордин, и это означало, что срочно требуется его помощь на фермах – или грузить окот, или привязывать молодых коров, или там трудный случай с отёлом... Николай останавливал агрегат, отряхивался и шагал с ними.

...Вот и снова они вместе – три товарища. Дела и заботы, будни и праздники – снова все вместе. Только уже на другом, на детском «витке». И чем-то новым они были теперь близки друг другу. Единством жизненных стремлений? Похожестью судеб?.. В один год поженились (не в Москве, конечно, в Уланове! И по той причине здесь сразу прибавилось ещё три молодых специалиста – медицинская сестра, веттехник и агроном). В один год стали отцами. В один день и в один час вступили в партию. И тогда старшие уважительно и благодарно отметили их устремлённость вперёд и их стойкую деловую энергию, которая, в частности, помогла благополучно выйти из такой трудной зимовки. А Николай потом сказал:

– Радуется, что много делаем. Хочется, чтобы ещё интенсивнее у нас шло строительство, и чтобы всё вообще обновлялось быстрее!..

«К РЕБЁНКУ В ГОСТИ!...»

Два родных дома стало теперь у коммунаров: один папин-мамин, другой – «наш». Какой годнее – сразу и не скажешь.

«Наш» – это ребячий. Стоит высоко на горке, через дорогу от школы, у всей деревни на виду. Большой, уютный. Внутри – как в гостинице: всё блестит. С улицы войдёшь – коридор. Широкий и длинный. А вдоль коридора – двери, двери, – много дверей, штук десять. Там комнаты. Не очень большие – на четверых. Четыре кровати, стулья, тумбочки. И нарядные шторы. И крашенные блестящие полы. И ещё центральное отопление. И высокие-высокие потолки. А кровати новехонькие, постелька – что снежок, своя тебе простынка, свой пододеяльничек – спи, как князь. А ещё есть игровая комната. Телевизор там, бильярд, радиола, шахматы и шашки. И умывальная комната есть.

Вот такой это дом. Светло, тепло и красота.

Осенью слетелись новосёлы – первым делом учиться кровати заправлять. Как застилать, как одяло подвёртывать, как выравнять, чтоб всё – «по шнурочку». Стараются, подглядывают друг к дружке – пытит ребятня! Не было такого дела у мамы. А вечером – наигрались, натащившись, – сказки слушать. Это как праздник.

А потом идут в умывальную комнату, берут тапки, моют ноги и – в постельку. Отбой.

А утром – зарядка, потом завтрак – там гуляш, какао, чай, сухарики, хлеб с маслом. Потом будет обед, потом ещё полдник, потом ужин... Четыре раза! И можно ещё пятый раз сходить, вечером, кому чаёк захочется. Поправляйся, не ленись! Бесплатно.

Опять же, у мамы ничего такого похожего не было. У родной мамы! Никто не знает – почему. А спросили у ребят, по сколько раз в день их дома кормили? – переглядываются. Тёмная неизвестность! Большой частью ни по сколько: ухватил кусок булочки и побежал.

Из одной деревни привели девочку – чахлая, золотушная, думали, с лёгкими худо, врач сказал – нет, просто запущенная, авитаминоз. Пожила в коммуне, посвежела, вычистилась, румяная стала, хохочет, как звонок.

А Шурик? Шурик тоже был не лучше. Дома раскордаш, постель грязная, в ушах у малого хоть репу сей. «Шкелетом» звали, спину сквозь живот почесать было можно. Так мама «заботилась». Жил от Уланова далеко, день придёт в школу – три дня нет. Выше двойки редко поднимался. Попал в интернат – теперь и маме любоваться есть чем: здоровый стал, чистый.

Настаёт суббота, просыпается девочка, что золотушной была, потягивается:

– Не хочется как домой идти-и!..

Мама, мама! Слышала бы ты эти дочкины слова!

Да, это ребята не из самых хороших семей. А вот как удивила маму девочка из семьи совсем нормальной. Уезжает мама на курсы – куда дочку деть? Папе некогда с нею... В интернат! Сослалась Софья Петровна: оставляйте. Месяц ли, два ли, приезжает мама с курсов, пошла за дочкой. Встретились, обнялись, рады до слёз:

– Ты по мне соскучилась, доченька?

– Очень! – ответила маленькая. – Только знаешь что, мамочка? Мне тут так нравится!..

...Пишу и рука останапливается. Прочтёт иная сердобольная – сотрёт меня в мелкий табак. В штыки пойдёт! Это-де куда вы, голубчик, гнёте. Подо что «базу» подведите?..

Но уж, видно, будь что будет, доскажу до конца.

Собрали детей из окрестных деревень, заполнили все комнаты – ладно. И вот тебе сюрприз: улановские идут:

– Можно, мы тоже тут будем жить?

– Да зачем же, деточки, у вас свои дома вот они? – Тут хорошо.

Ничего не скажешь – рыба ищет, где глубже!..

Стоит Софья Петровна озадаченная: вот тебе раз! Когда за тебя строить этот дом, все говорили: желающих будет мало! И страшнее говорили, даже близкие: «Ох, какой вы хомут себе вешаете! Соберёте ребят, они через два дня заскучают по дому – разбегутся, их и в школу потом не дозовёшься». Тревожилась: «А вдруг!..» И сама себя успокаивала материнской догадкой: «Если хорошие будут условия, забота, ласка – куда они побегут?»

А теперь стояла и думала: из родного дома... Почему?

И вспомнила: «А дома стало никому не интересно». Да! Так стало. У них нет настоящей жизни дома. Как на вокзале...

Но и принять всех желающих нет возможности. Пришлось взять только троих. Потесниться, но взять. Очень просили. Плакали. Обещали «всё равно» убежать от папы с мамой. Потому что – как вечер, так у них «Шумел камыш»...

Получилось – у живых родителей школа отобрала детей. Без суда, без лишения родительских прав, но, как говорится, всерьёз и надолго. Вон он, отчий дом, рукой подать, а вот он «наш».

Какой роднее? Легла между ними полоса отчуждения.

И вот шагает на горку папа. Побритый, опрятный – честь честью. Рядом мама семенит в новом подшальнике. К ребёнку в гости! Идут мирные, добрые, друг с дружкой разговаривают по-хорошему. Благогодать!

Под одной крышей с ребёнком жили – далёкими были. Разлучились – сближаться начали.

СОФЬЯ ПЕТРОВНА

Всегда к ним едешь с удивительным, каким-то согревающим душу предощущением тепла и сердечности, с каким едешь к родным и очень дорогим тебе людям. И уже представляешь: сейчас Софья Петровна, всё разговаривая, пойдёт отводить тебе свою новую отдельную комнату, которая у них только зовётся её комнатой, а на самом деле служит домашней гостиницей, где находили покой и отдых многие гости. А Марианна Сергеевна, тоже на ходу рассказывая что-то, начнёт растапливать там лежанку, облицованную кафелем, и ты ни секунды не будешь чувствовать, что кого-то стеснил, отнял у кого-то время и доставил лишние хлопоты. А оттуда мы сразу перейдём в кухню, за квадратный обеденный стол, у которого всегда ждёт гостя самое уютное место – в уголке, и пойдёт кружить и петлять сюжетами наша устная «педагогическая поэма», заворачивая то в литературу, то в науку, то в международную жизнь. В этот раз мы опять сидели вчетвером, пили чай с вареньем, говорили о писателе Григории Александровиче Медынском и его жене, удивительном педагоге

Марики Никифоровне, которых помнила Мария Васильевна по первым годам революции в Медынском уезде. Я передал, с какой высокой и жадной заинтересованностью Медынские слушали рассказы о «педагогическом наступлении» в Уланове, и вспомнил взволнованный, горячо обращённый ко мне вопрос Григория Александровича:

– Откуда, из каких глубинных душевных источников родился у Софьи Петровны этот педагогический подвиг?

И тогда Софья Петровна сказала, что нет, она не назвала бы это подвигом, что это дело жизни и что сама она, думая об этом, часто возвращается к своему детству. Она стала вспоминать свою деревню, свой колхоз, что на Брянщине, под Унечей, насколько раз возвращалась к образу матери и дважды, с душевным пониманием и преклонением – к образу отца. Сначала у неё всё рисовалось неброско и некрупно – обычное деревенское детство, кругом дела и заботы – и трудные, и полегче: огород, поросята, куры. За всем приглядеть, всех накормить, везде убрать. Дети знали в семье, что это их обязанность, никто за них этого не делает, маме некогда, у неё на ферме дела. И, оказывается, как важно оно в детстве, вот это чувство, что, кроме тебя, тут никому... Сколько сразу рождает оно драгоценного в начинающемся человеке! Самостоятельность, ответственность, собранность, хозяйское умение видеть, что не сделано и что сделано плохо, навывк распределять дела по порядку во времени.

Им было трудно? Они плакали?

Хныкали иногда. Вначале. Когда всё получалось нескладно, неумело. Тогда они казались себе немножко похожими на необъезженного жеребёнка, которому первый раз кладут на спину

седло: ему и дико, и боязно, он рвётся и бросается в стороны. Не совсем, но немножко было похоже. Надоедали дела. А мама по вторяла своё обычное:

– Пусть немножко и трудно, но это только на пользу вам, не во вред. Вред не отсюда приходит.

Она не была очень грамотной, но в ней жила какая-то природная педагогическая мудрость. Она знала, что это плохое воспитание, когда ребёнок работает только на побегушках: положи тут, сбегай туда. Ты дай ему свой круг дел, дай ему работу всю целиком и чтобы он мог обязательно дойти в ней до конца – там радость будет, отрада, она и вознаградит за всё.

Можно как сделать в саду? Прибрал мало-мальски и ладно, и иди. Пойдешь, и тебе даже оглянуться не захочется: душа скачет и спит. А они доводили всё до идеального порядка и чистоты, до того, что становилось красиво. И тогда хотелось любоваться. Приходило чувство наслаждения, душа занималась долгой и горячей радостью.

А рыженькая, десятилетняя девочка, будущая Софья Петровна, каждый день прибегала на садовую стёжку любоваться, и ей думалось иногда, как было бы хорошо, если бы все соседские девочки и мальчики знали такую радость! Она рассказывала им о ней, но был мальчик, который не хотел ничего этого знать, и она переживала за него. Как плохо, что она не смогла убедительно ему объяснить!..

А мама доила на ферме коров, выпамывала телят, о ней говорили, что на ферме она самая старательная, самая передовая. И дети ни разу не спросили у неё, почему, зачем она так много работает. Они сами знали: это очень нужно! Они первыми бежали в

клуб на колхозное собрание, садились на самый первый ряд и слушали, что говорил председатель об их маме. Он говорил о ней самые хорошие слова, вручал ей премию и руку жал. А они сидели с алмазно сверкающими глазами и вместе со всем залом хлопали своей маме в ладоши, счастливо переглядывались между собой. Радости! Так вот какая она ещё бывает, радости! До этого она словно пряталась где-то за буднями...

Тебя любят, мама! – объясняли они ей и вдруг обнаруживали, что она тоже к людям обращена душой и не меньше, чем радостно, умеет видеть их печали. Приходили дни, когда все в доме чувствовали себя вдруг побогатевшими: в сенях появлялась свежая, духовитая свиная туша. Мать первым делом отрезала тогда кусок свинины, завёртывала в бумагу и подавала детям:

– Отнесите Аксиныне.

Аксиныня, соседка, была слаба здоровьем, жила бедно. Соня приносила ей мясо и видела, как благодарна старушка.

Этому тоже надо уметь научить ребёнка – чтобы он мог войти в положение другого человека, мог увидеть боль в его глазах.

А за этим открылся целый мир – мир человека большого по доброте и отдавшего всего себя людям.

Она говорила об отце. Он был фельдшером, и дома его видели редко: волость большая, деревень, деревень!.. С утра приходит, а тут уж подводы стоят – и туда ждут, и туда... Уездут, а привезут – когда в полночь, а когда под утро.

Дочке он как-то сказал, когда подросла:

– Тебе врачом нельзя: женщине это трудно. Врач по первому зову – иди. Ночь. Слякоть. Долг врачевный. Превыше всего!

И светло, и возвышенно становилось на душе у дочери. Каким по-особому дорогим становился ей папа, человек с дивным сердцем, человек, так мудро жертвовавший какими-то благами жизни во имя долга и любви!

Софья Петровна опустила чашку на стол и вздохнула успокоенно и легко.

– И уж старый был, – продолжала она медленно и негромко, – а придёт кто за два, за три километра к больному звать – собираются, поплелся. Долг! Превыше всего!..

Софья Петровна вспомнила свои школьные зимы, мешки книг, которые успевала прочитывать и в которых находила людей ещё более высокого подвига, чем те, кого знала в жизни. У неё стоял перед глазами простой сельский избач Сергей Жаров, который каждую неделю приносил на себе мешок книг из Унечи. Девочки читали их подряд, без разбора – и Тургенева, и Джека Лондона, и передавали другим. Потом этот мешок уходил обратно в Унечу, а оттуда двигался другой. Соня знала всех ребят и девчат вокруг, кто много читает; и ей нравилось, как быстро расширяется мир их интересов. Она и сейчас знает, где эти люди – в своих делах они видны издали, никто не затерялся на житейских дорогах.

Она шла к детям, шла их учить, готовить к большой жизни, и можно, кажется, без труда почувствовать, с чем и какая она к ним шла. «Мы умели всё», – сказала она, имея в виду те несчитанные сотни дел, которые умеет выполнять каждый сельский трудолобец. Но с нею шли и знания, шла всю её захватывающая, учительская любовь. Ей казалось, что каждый понимает эту бескокойную и благородную страсть, когда тебе необходимо хочется взять за руку маленького, растущего человека и научить его

всему хорошему, помочь ему подняться в делах и чувствах до самых счастливых высот.

Сколько она вывела так? Можно долго перебирать в памяти удачи и неудачи, но потом всё подойдёт к одной полосе. Что-то переменялось вокруг. Что-то ушло трудное – нехватки деревенские, худая оплата, но что-то по-новому трудное и очень тревожащее пришло взамен. Мода жить налегке, избегать серьёзного труда... Двум мальчикам поручается убрать в классе. Один со злой досадой взял тряпку, повозил ею в углу и бросил. «А это пускай Лёнька убирает!».

Мальчик, мальчик, какой же ты вырастешь? Чем порадуешь нас? Ты же будешь всю жизнь ловчить, всю жизнь искать, где легче!.. Как повернуть тебя на настоящую дорогу?

Учительница идёт к родителям, подходит к дому. У крыльца валяются железные грабли, какой-то чугонок, разбитые бутылки, банки, чьи-то новые туфли, облепленные засохшей грязью. И во всём этом хаосе беззаботно и весело скачут взрослые мальчишки и девочки, привычно перешагивая через стекляшки, банки и хищные зубья граблей.

Как же они не понимают, что это беспорядок, что нельзя так жить, нельзя быть такими! Не понимают. А где же взрослые, где родители? Это же вторая беспризорность. Это недопустимо... Жеребёнок останется диким, он уже не будет хорошим скакуном. А взрослые в лице сердобольной мамы спешат усложнить учительницу:

– Пушай побегают! Только и ихнего. А что им, в деревне, что ль, жить?!

И не у родной, а вот у этой школьной матери, которую судьба оставила без своих детей, сердце заходится болью и жалостью

к заброшенным ребятам, обречённым на пустую, бессмысленную жизнь.

И тогда началось педагогическое наступление.

И мы опять говорили о тружениках сельских школ, обо всех, чья учительское сердце и разум дают здесь простор новому, чья энергия и духовная сила питают жизнь села, – обо всех одинодцати учителях школы, об одиннадцати коммунистах. И вспомнили про улановские субботы. Их не заглашали ни телевизоры, ни радиолы, ни ежедневные кинофильмы в клубе. Потому что ни один телецентр не знает, не может знать, какая духовная пища сегодня нужнее в Уланове. Школа привозит фильм, самый ожидаемый и самый нужный, даёт беседы самые волнующие – и клуб полон! Каждую субботу! В зале взрослые люди, но все они – «мои ученики». Они уже не ходят в школу, и на линейке Софья Петровна не отмечает их добрых поступков или ошибок. Теперь они собираются здесь. Воспитание продолжается. Оно касается и рядовых, и тех, которые «на должностях».

– Многие просят совета, – глазами указала на письма Софья Петровна. – Что мы можем рекомендовать им? Что? Искать. Искать и искать. И обязательно найдёшь! Если бы не цветы, у нас был бы какой-то сортовой или ранний картофель, или были бы кролики. Василий Николаевич наделал бы с ребятами клеток за месяц! И это стояло бы на самой настоящей научной основе и всё – по-макаренковски! – Никогда не горячившаяся, она продолжала, всё увлекаясь, – А возьмите селекцию, выведение новых сортов – это же так интересно!.. – И уходя в мечту: – Вот пойду на пенсию – организую кружок селекционеров...

Да. Сколько она ещё могла сделать!.. Не сбылось...

Мы успели тогда поговорить о школах, которые берут улановский опыт и развёртывают у себя.

– Вот подвижники! – указала Софья Петровна на отдельную пачку писем. – Вы посмотрите, с чем они столкнулись и что им довелось преодолеть. Вот это действительно, пожалуй, подвиг!

ПОДВИЖНИКИ ИЗ КРУТОГО МАЙДАНА

Они ехали в Уланово издалека, из Горьковской области, из Вадского района, что за Арзамасом, ехали, пробираясь через длинную вереницу пересадочных пунктов, и уже это было для них трудом немалым, особенно для Александра Михайловича с его никудышным здоровьем и таким зрением, что даже сквозь свои толстые очки он плохо видит. Их было двое: муж и жена, Александр Михайлович и Нина Леонидовна Гороховы. Он – директор Крутомайданской восьмилетней школы, она – биолог, заслуженная учительница республики. Они всё записывали в Уланове скрупулёзнейше: сколько дней семена замачивать, на какую глущину сеять...

Что привело их сюда, что заставило решиться, забыв о себе, о своём здоровье, развёртывать дело, явно обещавшее им полную чашу забот, тревог и даже страданий?

Прочитал я их письма к Софье Петровне и понял: ничего не надо объяснять, надо напечатать эти письма. Нина Леонидовна ответила мне на это: «Поступайте по своему усмотрению». Тогда слово письмам...

17 февраля 1971 г.

Уважаемая Софья Петровна!

Немедленно по приезде домой начал практически осуществлять план. Совхоз выделяет землю, удобрения и пр. Был я в Горьком, в конторе «Сортсеменовощ», написал им бумагу с просьбой о разрешении выращивать семена календулы, настурции и люпина. Они звонили в Москву, в «Россортсеменовощ» и передали мне, что агроном по цветоводству, Антонина Сергеевна, отказала нам. Говорит, что не имеет смысла из-за одного гектара цветов специально готовить агронома-апробатора и пр. Что вы посоветуете? Ведь речь идёт прежде всего о воспитании детей, о том, чтобы на деле прививать им любовь к сельскохозяйственному труду. Как получить разрешение и семена? Нина Леонидовна согласна выехать на курсы апробаторов. А. М. Горюхов.

4 марта.

Дорогая Софья Петровна!

Большое вам спасибо за присланные семена, за советы, за гостеприимство, оказанное нам. Спасибо вам за то, что вы есть, живёте на земле и делаете столько полезного, прекрасного... Я счастлива, что обрела в вашем лице хорошего друга. Мне хотелось (при посещении школы) расцеловать вас, поклониться вам и сделать для вас что-то хорошее, приятное, но я боялась показаться назойливой и неискренней. При беседе в Москве с Антониной Сергеевной я слышала много раз самые восторженные слова о вас и вашей деятельности. Мы посетили её 2 марта и кое о чём договорились. Нам разрешили выращивать настурцию,

гипсофиллу многолетнюю, горцицвет многолетний, люпин, мак, годецию и астры.

Сегодня мы только приехали домой, завтра планируем набить 60 ящиков землёй, прогреть, а послезавтра посеять в эти ящики астры.

Надеюсь своих учителей втянуть в работу. Сегодня мужчины ремонтируют с ребятами ящики, а завтра землю будут носить. Планируем цветочный участок огородить.

С искренним уважением Н. Л. Горюхова

19 марта.

Софья Петровна! Милая! Вы можете нас поздравить. Мы были участниками «малой Тимирязевки», нас вчера чествовали, вручили нашему коллективу Почётную грамоту Министерства сельского хозяйства СССР за опытническую работу на пришкольном участке и в поле совхоза. Жаль, что вы не принимали участия в этом соревновании. Тогда бы я выразилась словами одного первоклассника, который побывал на нашей выставке цветов и сказал мне:

– Если бы я был самым главным, я бы все ордена отдал вам!

Спасибо вам, дорога моя Софья Петровна, за тёплое письмо, за советы, за веру в меня. Астры мы посеяли в ящики, поставили их в мастерской. Через 6 дней появились всходы. Чтобы растения не вытянулись, мы вынесли их в парник, а на другой же день похолодало и вот нет ни одного солнечного дня. Температура в парнике +10. Рост прекратился. Беспокоюсь.

13 апреля.

Дорогая моя Софья Петровна!

Очень бы хотела посидеть с вами за столом, за партой – где угодно и поговорить. Как успевать всюду?

Много времени отнимают всякие общественные просьбы. Институт усовершенствования учителей просит написать доклад, как работа на пришкольном участке помогает мне в учебной работе. Для районной газеты надо написать статью, как я воспитываю любовь к природе. Ну как это рассказать? И надо находить время проводить беседы на ферме.

Я вас буду информировать о своих цветочных делах постоянно, а вы, пожалуйста, подсказывайте нам. Подсказка о настурции очень кстати, спасибо вам. Посылаю вам семена гипсофиллы (она есть у вас, я видела, но у нас – белая). Что бы вам послать ещё? О чём вы мечтаете? Мы вчера из Риги от Брисони (он селекционер по гладиолусам) получили детку и луковицы сортовых гладиолусов. Это бесплатно, в дар юннатам. Сколько же на земле хороших людей и как хорошо с ними общаться!

10 июля.

Давно я не писала вам, дорогая Софья Петровна!

Сколько же у нас неудач! Одна за другой. Замотали они нас. Мы все культуры посеяли, а дождей нет и нет. Солнце палит! Целый месяц. Побрызгал дождишко, промочил землю всего на 1–2 сантиметра и опять палит. Посевы люпина изрежены, семена жуются в сухой земле. Правда, многие из них живы. Но растения, поднявшиеся из земли, сохнут. О всходах годеции и говорить

нечего – она и с поливом на нашей земле взойти не могла.

Не везёт! Боюсь, Антонина Сергеевна больше не разрешит нам заниматься цветоводством, а я не хочу бросать начатое. Ребятам это так нужно, да и очень хорошее подспорье школе.

Обидно. Работать мы хотим, а что получается!..

16 августа

Дорогая Софья Петровна!

Не писала вам целый месяц. Была несколько дней в Краснодаре, радовалась цветам.

А что у нас? Дожди многое выправили. Люпин цветёт всюду, настурция тоже очень обильно, вот вызреют ли семена? Астры зацвели.

Беда, рвут астры! Что делать – не придумаем. Рвут и дети, и взрослые из города. И измучили нас сорняки.

Теперь работа, как будем убирать, сушить. Нет у нас пока никаких сушильных помещений. Без своих средств много не построишь. Директор совхоза не спешит нам помочь, а районные руководители ратуют только за овощи, которые мы тоже выражаем. Разумеется, на серьёзную поддержку рассчитывать не могу. Очень неприятно слышать всякие колкости, но что делать? Всё бросить? Это немислимо...

Вы знаете по себе, что мне совершенно ничего ни от кого не нужно – ни почестей, ни похвал, я просто люблю живое дело, причём любое. Если бы я была поваром, я бы и там думала, как лучше и краше всё сделать.

Очень часто расстраиваюсь из-за всяких пересудов

родительских и нареканий. Один папаша три раза подходил к моему окошку и кричал:

– Мучители! Замучили вы наших детей работой! Надоели вы нам со своими цветочками!

А на участке и в поле красиво, как в Краснодаре. Участок весь пылает – тысячи гладиолусов в цвету!

16 октября.

Софья Петровна, учитель мой!

Мне бы сейчас встретиться с вами, выплакаться у вас на плече и обо всём подумать, посоветоваться. Жаль вас огорчать, но всё равно вам будет известно о нашем провале.

Отвечаю на ваш вопрос: «как закончили. год, что получили?»

Почти ничего, дорогая Софья Петровна. Собрали около 200 кг люпина, около 100 кг настурции. Астры остались в поле под снегом. Снег выпал неожиданно 2-го октября и лежал дней 10. А сейчас идут дожди.

Работали всей школой самоотверженно, честное слово! Но для созревания семян наших культур не хватило времени. Люпин собран не весь, только половина (какие соцветия ушли под снег, какие бобы!).

А родители меня совсем заругали. Здесь население зажиточное, мужчины – плотники, денег у каждого не на одну машину, и дико им, что их дети «копаются в земле». Сами в совхозе работают плохо и детям работать не дают. Трудно выслушивать оскорбления, а раздаются они слишком часто.

А как дела у вас? Когда поправитесь, напишите, пожалуйста...

22 ноября.

Спасибо вам, дорогой мой учитель, за советы и утешения.

Трудно нам было, но кое-что мы получили. Люпин должен пойти первым классом. Тогда мы получим за него около четырёх тысяч или даже побольше. Таких денег у нас в школе никогда ещё не было. Сначала работники лаборатории дали нашему люпину заниженную оценку, сказали «засорённость».

Я осмотрела все партии и не обнаружила ни одного сорнычка, очень редко можно было найти комочек земли. Мы его собирали руками, сушили отдельно, рядом с ним никаких других семян не было. Александр Михайлович попросил взять новые пробы. Ну вот, теперь всё правильно. Картофеля сдали государству на две тысячи рублей. Одним словом, мы богачи!

У ребят двухразовое бесплатное питание: завтрак и обед.

От всех переживаний я давно оправилась, заключили с Московской новый договор, обязательство школой взяли очень большие. Антонина Сергеевна недовольна нашими результатами, но на первый раз милостиво нас прощает.

Готовим вечер по биологии: «Хлеб наш насущный», много хлопот. Теплицу пока не построили. Совхоз передал нам автомашину, дело за шофёром.

10 марта 1972 г.

Здравствуйте, дорогая Софья Петровна!

Сейчас началась у нас новая весенняя посевная. Все окна заставили ящиками, горшками. Я должна каждый день что-то сеять, садить, искать. Без этого нет для меня покоя и удовлетворённости.

Теперь мы «стреляные», опыт у нас есть, думаю, этот год будет удачнее.

Осенью проведём выставку на тему: «Цветы нашей Родины». Представим в цветах каждую республику.

19 апреля

Приближается весна, новые тревоги и «страдания». Весна идёт опять плохая: грязь, дождь и совсем нет тепла. В нашем селе столько грязи, что алкоголиков вытаскиваем с помощью досок, жердей и даже откапываем лопатами. Вчера был единственный солнечный день, а сегодня опять дождь.

У меня было вчера четыре урока труда, и какую огромную работу выполнили ребята! Вырыли котлован для парников на 13 рам, набили его навозом, перемыли парниковые рамы, очистили от поломанных ветвей сад, вырезали старый малинник, отправили посылку в Балахну, вскопали грядку земли, посадили 4 сорта смородины, – обработали 2 гряды тюльпанов, очистили 2 между-рядья от мусора, вырезали на флоксах старые побеги. Взрослые, наверно, не сумели бы сделать столько много за 4 часа, а это дети. Но какие они у меня теперь горячие и азартные в работе! Не чета тем папам, которые на работе больше всего обожают перекурить!

Объявила всем ребятам благодарность. Замечательный народ!

Ученикам пятого класса, опытным, дала каждому по одному сорту помидоров и каждому свой опыт, свою задачу. Им же даю по сорту смородины, ну и, конечно, у каждого своя полоска цветов. Работают с увлечением!

...Софья Петровна сказала мне, что участок этой школы стал своеобразным ботаническим садом с обширным набором местных и экзотических растений. Я написал Нине Леонидовне – спросил: не преувеличение ли? Она ответила:

«У нас собрано более 400 видов различных растений. Выращиваем все сельскохозяйственные культуры, которые распространены в Горьковской области, есть и редкостные для наших мест растения. Есть у нас рожь, пшеница, ячмень, овёс, просо, кукуруза, вика, горох, бобы разные, кормовой люпин, подсолнечник Пустовойта, гречиха, фасоль 5 сортов, картофель 6 сортов, лён, конопля, чумиза, чина, кормовая малява и др.

На поле овощных культур растут ежегодно помидоры – более 20 сортов (один год было 80 сортов), тыквы 2 сорта, огурцов 10 сортов, свёкла, репа, редиска, редька, турнепс, брюква, морковь, лук, перцы, баклажаны, капуста бруссельская, савойская, кольраби, цветная, листовая, брокколи и белокочанная, кабачки разные, патиссоны, чабер, петрушка, шпинат, сельдерей, пастернак, щавель, ревеня, хрен, артишоки, чуфа, индийские кабачки, люффа, декоративные луки, многоярусный лук, чеснок и др.

И цветы – более 120 видов. У обелиска воинам-односельчанам дети ежегодно высаживают более 5 тысяч самых красивых цветов. А на участке одних гладиолусов более 6 тысяч, 5 тысяч чудесных тюльпанов, тысячи флоксов.

В начале 60-х годов на участке было высажено 150 яблонь, 350 кустов смородины самых лучших сортов, 110 кустов крыжовника, 500 кустов сортовой малины!».

Подумалось: перечислить всё это – и то труд, а найти,

привезти, вырастить?.. Откуда пришло такое богатство в неведомый Крутой Майдан?

Нина Леонидовна отвечает:

«Это длинная и интересная история. Мы устанавливали связи с институтами, ботаническими садами, школами, хозяйствами и наконец с любителями-энтузиастами. Нужные адреса находили в журналах «Картофель и овощи», «Садоводство», «Цветоводство». Разослали письма-запросы во все концы Союза. Отказы не убавляли наших желаний. Мы получили семена, луковицы, растения почти из всех союзных республик, с Сахалина, из Прибалтики, из Перми и Ферганы. Три кустика флоксов выпросили у цветоводов Московского Кремля, размножили их, сейчас кремлёвских флоксов на участке тысячи. С первых дней у нас появились добровольные шефы, а вскоре мы сами стали шефами. Дали объявление в журнале «Цветоводство», посыпались запросы, и наши юннаты за три года разослали десять тысяч пакетов и посылок. Их получали школы, больницы, воинские части, предприятия...»

...Выписывать, разводить, выращивать, да столько культур! А в школе всего 126 учеников, считая и первоклашек. Не «задавил» ли их труд?

«Нет, конечно, – пишет Нина Леонидовна. – Потому что все дела равномерно распределены среди учащихся. А дети столько много могут сделать! Всей земли у нас около 4 га, её обрабатывают они и справляются без перенапряжения. При правильной организации труда объём работы можно даже удвоить. В школе нет ни одного ученика, который не выполнил бы свою долю работы, а трудятся все – и первоклассники тоже.

Как организуется? Вот начинается сев. Пора ответственной,

надо всё сделать быстро и правильно. Севом руковожу сама. Составляю график: какой класс за каким выходит в поле. Работают только по одному часу. К 8 часам приходит пятый класс. Все с баночками, в них насыпают семена. Ставлю каждого на свой рядок. Этот рядок будет твой на всё время. Ты и посеешь, ты и будешь пропалывать, поливать, рыхлить и собирать урожай. Пока зываю технику посева, на каком расстоянии положить семечко от семечка и – пошли! О качестве работы мне беспокоиться не надо: каждый ученик хорошо знает, что сеять можно только так, как показано. К 9 часам пятиклассники заканчивают, приходит шестой класс. Работает до десяти. Затем идут седьмой, восьмой классы. День, два – и сев закончен. Всё легко и просто. Дети работают серьёзно, сосредоточенно, предельно аккуратно. Потому что на этом рядочке каждый уже «видит» свои растения, никому не хочется, чтобы они были хуже всех. Летом ребята приходят на свои поля, кому в какое время удобнее. Идут утром, днём, вечером и работают самостоятельно, без учителей. У каждого свои грядки и с овощами, и с цветами, и со злаками. Свои достижения каждый будет показывать на школьной выставке. Так что с первого выхода да начинается соревнование. Вот почему у нас все поля в образцовом порядке. Красиво. Интересно. И все понимают, что это нужно, ценно.

Вот и романтика!

Но у нас не только это. Многообразная опытническая работа, производственная бригада, участие в мероприятиях по охране и умножению богатств природы (например, ежегодно высаживаем тысячи деревьев вдоль дорог), организация праздников Урожай и других праздников, выставок...

Опытничество у нас на первом месте. Им занимаются дети, начиная с третьего класса. Весной они выбирают темы для опытов, получают в библиотеке необходимую литературу, которой ученик пользуется, готовясь к делу, и это увлечение становится массовым. Часто даже не особенно радивый ученик подходит и просит:

– Нина Леонидовна, дайте и мне тему.

Действительно, что он – хуже всех? И мы знаем случаи, когда слабые по успеваемости и не примерные по дисциплине отлично справились с заданием и получили достойную награду в день Урожая.

Ну, и само собой ясно, что в таком труде ребята учатся жить, создавать и радоваться делам рук своих, понимать свою роль на земле.

Этим определяется и уровень воспитанности ребят. Они видят, что человек трудом своим может активно изменять природу, видят, что плоды этого труда зависят от знаний человека, от его умений и навыков, от упорства его и настойчивости».

...Мне хотелось представить, как выглядят практические результаты труда ребят. Нина Леонидовна показала мне это в цифрах которые, знаю, и взрослым могут показаться завидными.

«Выращивали для совхоза капустно-брюквенный гибрид, два гектара, получили 1460 центнеров (!!) корма.

В течение трёх лет из двух тонн картофеля сорта Лорх вырастили столько клубней, что совхоз полностью перешёл на семена школьной репродукции на площади 280 гектаров (!!). Размножали и другие ценные сорта, например, Гатчинский – его собирали 180 центнеров и бесплатно передали совхозу.

Семена цветов в 1973 году принесли нам более 10 тысяч

рублей дохода. За счёт этого все учащиеся получают в школьной столовой бесплатное горячее питание, бесплатно учебники, каждому на дом за счёт школы выписаны газеты, а многим и журнал «Юный натуралист». Две тысячи рублей из этих средств израсходованы на премии учащимся за отличную работу. Такие премии – подарки на праздник Урожая получили 65 человек из 126. Было вручено 17 транзисторов, 19 наручных часов и другие ценные вещи. А в школе появились в последние годы три телевизора (один цветной), две киноустановки, три магнитофона, в каждом классе – проигрыватель (теперь проведено электричество), грузовая автомашина, почти целиком собранная из новых запчастей, насос для подачи воды на участок, хорошее кирпичное овощехранилище, в котором сберегаются наши зимние запасы – капуста, помидоры, огурцы, яблоки, варенье и всякая прочая всячина. Есть, конечно, и необходимый инвентарь».

И последний вопрос нашего заочного интервью – одоление, конфликты, как худо добром оборачивались...

«Всего было, – отвечает Нина Леонидовна. – В первые годы моей работы начали закладываться школьный сад. Днём сажаем, а ночью кто-то выкапывает и уносит наши саженцы. Посадим новые – ребята их ломают, взрослые раскрадывают. Что делать? Решили заложить свой плодопитомник (в междурядьях). Сделали парники на 12 рам. Вся школа собирала семечки яблок. Задание – спичечный коробок семечек от каждого из 350 учащихся – выполнять быстро и охотно. Мальчики, девочки учились прививать яблоны. Растёт питомник! Тысячи будущих яблоны! Первые саженцы – нарахват! Многие жители стали пригласить к себе «специалистов по прививке» – школьничков. Это им нравилось. Вскоре потребности населения в саженцах мы удовлетворили

полностью, к нам стали ездить за яблоньками из других сёл рай-она, даже из других районов. Нарасхват пошла и помидорная рассада. Сорта у нас прекрасные, дают ранние хорошие урожаи и меньше подвергаются заболеваниям, а девочки научились хоро-шо рассаду пикировать... Авторитет!

Оглянись – вспомню: ещё недавно в школах нашего Вадского района не было настоящих опытных участков. Мы явились ини-циаторами по созданию их. Досталось тогда крутомайданскому биологу всякого лиха! Но всё прошло, теперь забыли ругать Го-рохову, а участки – хорошие и отличные – появились в большин-стве школ, всем приносят радость, в том числе и маленьким тру-женникам, и даже доход.

Родители тоже перестали меня ругать и школу за то, что их детям приходится трудиться. Теперь одобряют. Благодарят. С интересом идут на детские праздники Урожая, на выставки цве-тов, – уходят растроганные и восхищённые. И опять благодарят, благодарят...»

Как ни трудно автору втискивать всю эту прекрасную инфор-мацию в узкие рамки очерка, а о дивных праздниках Крутомай-данской школы умолчать невозможно – это редкостно по красоте и волнующе. Если бы эти праздники можно было показать всем школьникам!

Горьковчане написали в тетради отзыв (они помогли в Кру-том Майдане убирать урожай):

«Мы только что пришли с картошки – устали. А увидели ваши изумительной красоты композиции из цветов, фруктов и овощей и, поражённые этим великолепием, забыли об усталости... Можно ходить сюда день, два, три, много дней, и не надоест любоваться

этой прелестью».

Устраивают такие праздники осенью. Под выставку отводится большой зал со сценой. Целую неделю школа гудит, как дружно работающий улей. Возят мох, деревья, готовят зал, сцену, цветы, придумывают композиции, что-то ищут в журналах, выются около Нины Леонидовны – спрашивают, советуются, показывают – хо-рошо ли...

В субботу, под выходной, выставка открывается.

Весь зал в цветах. На сцене сверкает «водоём». Над ним склонились в золотистой листве берёзы, ивы, клёны. Зеленеют кусты можжевельника. К чему-то прислушался заяц в лесу, вы-сочила белка, птицы расселись по деревьям. «Растут» грибы. А на «воде» – ондатры, утки, гуси. Живая картина! Прекрасно! С потолка свешиваются гирлянды осенних листьев. Передняя часть сцены выстлана зелёным мхом, на нём слова из живых цветов – девиз выставки: «Люби, береги, охраняй родную природу».

А в центре зала, на полу – большая клумба из соломы, по-крытой мхом. Там спрятаны тазы, банки с водой, в них стоят цве-ты, которые дивными узорами разрисовывают клумбу, оторочен-ную по краям бордюром из мелкоцветных хризантем. По всему залу, вдоль стен, на столах, на окнах – выставка.

Удивительная по красоте композиция: поднос, усталанный мхом, на нём ваза с цветущей бегонией, рядом кактус и эхеверия прекрасная. По мху положены камушки. Название: «Как прекра-сен этот мир, посмотри!» А вот – «Русское поле». А вот «Грусть». «Волжские огни». «Скорбь матери». «Пусть всегда будет солн-це». «Девичий хоровод»... Сколько их тут? Сотня? Полный зал! И среди всех одна особая, с особым смыслом. Большая красивая тарелка, на ней чёрная ваза с набором цветов, рядом стакан с

ложечкой, яблоки и девиз:

Щи и каши. Теперь наши. И компот, – Вот!

В зале будто звучит многокрасочный гимн тому, что достигнуто ребятами за минувший трудовой год. А это – словно завершающий детский аккорд: «Вот!»

Идут старушки, идут родители, идут дальние гости...

А в конце праздника будут игры, выдача премий, угощение детей. И долго ещё будет звучать этот чудесный цветочный гимн жизни...

Какую беду обществу несёт сегодня школьный академизм? По звучанию кажется, что он несёт одно лишь благо: научные знания. А кому не известна их огромная преобразующая роль, кто не знает, что развитие интеллектуальных сил народа – дело величайшей государственной значимости? Мы живём в век, когда научные знания выступают всё более могущественной силой, движущей развитие общества, его экономики и культуры. Но сегодня нельзя не видеть, что одно лишь теоретическое учение, не соединённое с повседневной работой, с выполнением пусть самых малых дел, пусть самых простых элементов общенародного дела, ученье, отключённое от созидательной жизни народа, утрачивает в глазах современного школьника ощутимую стимулирующую перспективу и представляется ученьем для ученья. Отсюда идёт утрата интереса к учёбе и равнодушные к знаниям, утрата, внутренне катализируемая полной материальной обеспеченностью школьника. «Была бы только тройка!»

Заслуга Улановской школы в том и состоит, что она первой

заметила эту опасность и первой в современных условиях нашла верное решение проблемы – решение комплексное, макаренковское, марксистско-ленинское.

С педагогических вершин мне часто приходится слышать голоса о том, что широкое распространение полноценного опыта трудового воспитания – «дело очень непростое», что «всё это хорошо получается только на бумаге». Любопытно, что громче всего об этом рассуждают именно там, в высоких просвещённых кабинетах. Низовые работники, директора школ, учителя, как правило, говорят совсем иное. Вспомним письма-отклики на телепередачи об Улановской школе, с которых начал наш рассказ. Это ведь главным образом письма учителей. Вспомним: «Всем нам хочется перенять ваш интереснейший опыт», «многое из вашего опыта высоко ценю и постараюсь применить у себя в школе», «мы тоже решили взять его на вооружение».

Но увы, героями дня поборники академизма делают не таких энтузиастов – искателей разумных решений. Нет. На них с педагогического Олимпа ниспосылаются порой малопочтенные звания «прожектёров», «любителей рекламной шумихи».

«Прекрасен и нужен улановский опыт, но универсален ли он?»

Ответ на этот деловой вопрос давненько уж полагалось бы дать Академии педнаук, её институту трудового обучения и профориентации (трудовое воспитание в имя института почему-то не включили, видно, посчитали мелочью). Но вот приходится давать ответ публицисту.

Да, и именно в универсальности одно из его главных достоинств.

Учительница удивилась: «Значит, вы за то, чтобы дети в наш индустриальный век причалась к ручному труду?»

Тут надо разграничить две вещи: воспитание общего трудолюбия и профессионализацию. Кстати, более ясным станет и другое: политехнизация или монотехнизация?

Кто не замечал, что в раннем детстве каждый ребёнок с одинаковым интересом берётся за любое посильное дело: строит домики, каналы, лепит зверюшек, рисует, моет посуду, подметает пол, цветы поливает, что-то мастерит. Ручная работа. Именно с неё начинается трудолюбие. Но беда, что всё это обрывается в самом начале. Едва ребёнок переступит порог школы, ему говорят: «Теперь твоё главное дело – учёные». С этого начинается подавление его естественного интереса к многообразной живой деятельности. Школьные уроки груда – 2–4 часа в неделю – тут ничего не меняют. Восемь лет продолжается жизнь в этой тесной клетке. А потом ему говорят: «Теперь выбирай профессию, иди в учебно-производственный комбинат». Он идёт. Идёт в лучшем случае растерянный, не зная, что ему выбирать, а в худшем – уже безразличный к труду или даже настроенный к нему неприязненно.

Вот так организуют дело поборники школьного академизма. Не знаю, понимают ли они, что делают.

В Уланове, как мы видели, всё это строится иначе. От дошкольных лет и первого класса до выпускного вечера – море дел. Ведь что такое хозяйство, даже небольшое? Это – и копать, и строить, и руководить, учить младших, сажать и ремонтировать, поливать, прибивать, огораживать, красить, удобрять, подкармливать, пикировать, прививать яблони, дежурить на кухне,

делать красивые клумбы, грядки, пасынковать, полоть, делать электропроводку, сбивать ящики, стеклить парниковые рамы, теплицы, бороться с болезнями и вредителями растений, придумывать всякие средства малой механизации, а вместе с этим организовывать игры, концерты, показывать кино, диафильмы и снова строгать, пилить, налаживать – невозможно всё перечислить! Агрономия и педагогика, организаторская работа и электротехника, механика, строительное дело, эстетика и основы экономики, опытничество и селекция, овощеводство, цветоводство и садоводство, биология, химия, физика и геометрия, начала почвоведения и организации труда. И всё – в живой связи: наука и практика, начало и конец, и всё с увлекающей, захватывающей перспективой, с взволнованным ожиданием желанных хозяйственных и эстетических результатов, с радостью счастливых финалов и возбуждающей горечью неудач.

Это тоже восемь лет. Восемь лет предпрофессиональной многосторонней трудовой подготовки, восемь лет увлекательных походов в страну трудолюбия, в первичный мир практической соидательной работы.

Растеряешься ли после таких восьми лет, как тебе сориентироваться в профессиях, куда тебе идти и куда поворачивать? Многие питомцы Улановской выбирают себе профессию или род занятий задолго до окончания восьмилетки, но интересно, что они с удовольствием занимаются любым полезным делом, пройдя такую школу практического труда.

Вот почему он универсален, это опыт. Вот почему ещё Макаренко говорил, что школе нужно иметь своё хозяйство. Организация школы как хозяйства, говорил он, делает её социалистической.

Мне пишут, что детхозы сельскохозяйственного типа, как казывает и опыт Кубы, могут быть интересны и для городских школ, хотя в городах достаточно и других возможностей.

«Детхозы, которые детей с малых лет приучают к бесчисленному множеству разновидностей труда, в городах особенно нужны, – пишет мне из Москвы пенсионер Г. И. Брагин. – И в деле создания их нет ничего невозможного. Они могут быть организованы буквально при каждой городской школе. Как? Есть всюду пригородные совхозы. Неужели на их территориях нельзя выделить городской школам по 50–70 гектаров земли?... Летом был бы здесь ученикам и труд, и отдых, и общение с природой. Это дело огромной государственной важности, и для такого великого дела надо не пожалеть ничего!».

Мне это предложение ничуть не кажется фантастичным.

Детхоз – это направление, вытребованное жизнью. Направление, на котором комплексно решается вся масса современных проблем воспитания и обучения молодёжи,

И здесь мне хочется лишь повторить мысль глубоко народную, выраженную в одном из писем, с которых начался наш рассказ:

«Такой тип организации жизни школьников, их труда и учёбы, – это то, о чём мы мечтаем, то, что должно у нас быть. Идти дальше надо этим путём!»

СОДЕРЖАНИЕ

3	Предисловие
7	Школа радости
53	Макаренко продолжается
121	Такой необычный воспитатель
147	Наука трудолюбия
156	Здесь растут «золотые ребята»
187	Центр притяжения
213	Так родилась трудовая школа

Литературно-художественное издание

Иван Семёнович Синицын

КОГДА ВОСПИТЫВАЕТ ТРУД

Заведующая редакцией

Л. И. КОРОВКИНА

Редактор **И. Н. БАЖЕНОВА**

Художник **Б. С. КАЗАКОВ**

Художественный редактор

Е. В. ГАВРИЛИН

Технический редактор **Е. А. ЧУЛКОВА**

Корректор **В. Н. РЕЙБЕКЕЛЬ**

ИБ 1123

Сдано в набор 20.08.86. Подписано в печать 14.01.87. Формат 70×100^{1/32}.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура типа таймс. Усл. печ. л. 13,65.

Уч.-изд. л. 14,12. Усл. кр.-отт. 27,78. Тираж 100000 экз. Зак. № 382. Цена 55 коп.

Издательство «Педагогика» Академии педагогических наук СССР и Государственного комитета СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 107847, Москва, Лефортовский пер., 8.

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 170024, г. Калинин, пр. Ленина, 5.

3-я страница обложки